

Учреждение образования
«Брестский государственный университет имени А.С. Пушкина»

Исторический факультет

Кафедра всеобщей истории

СОЦИОКУЛЬТУРНАЯ ЖИЗНЬ: ИСТОРИЯ ПОВСЕДНЕВНОСТИ

Сборник материалов
региональной научно-практической конференции

Брест, 27 ноября 2015 г.

Брест
БрГУ имени А.С. Пушкина
2016

УДК 94(476)(082)+099.5
ББК 63.3(0)я43

*Печатается по решению редакционно-издательского совета
учреждения образования «Брестский государственный
университет имени А.С. Пушкина»*

Рецензенты:

доцент кафедры всеобщей истории учреждения образования
«Гродненский государственный университет имени Янки Купалы»,
кандидат исторических наук, доцент *Е.И. Мелешко*;

зав. кафедрой гуманитарных наук учреждения образования «Брестский
государственный технический университет,
кандидат исторических наук, доцент *А.В. Мощук*

Редакционная коллегия:

кандидат исторических наук, доцент Т.М. Тохиян
кандидат исторических наук, доцент Е.С. Розенблат

Технический редактор и верстка Н.И. Кравчук

Социокультурная жизнь: история повседневности : сб. материалов
регион. науч.-практ. конф., Брест, 27 нояб. 2015 г. / Брест. гос. ун-т им. А.С.
Пушкина ; редкол.. Т.М. Тохиян, Е.С. Розенблат. – Брест : БрГУ, 2016. – 160 с.

В сборник включены материалы, представленные на региональной научно-практической конференции «Социокультурная жизнь XX–XXI века: история повседневности» (27 ноября 2015 года).

Адресуется преподавателям и студентам вузов, всем, кто интересуется актуальными проблемами исторической науки.

СОДЕРЖАНИЕ

Н.С. Аветян Современная «диаспоризация мира»: к толкованию термина	6
Н.П. Александрин Конфуцианство в повседневной жизни современных китайцев	10
А.Ю. Бодак Советские праздники в Ганцевичском районе (1940–1941)	14
И.И. Вавренюк Повседневная жизнь евреек Западной Беларуси (1921–1939)	18
И.И. Вавренюк Эмансипация еврейских женщин Полесского воеводства (1921–1939)	23
Г.С. Вайцешчык Фарміраванне культурнай прасторы мястэчак Палескага ваяводства ў 1921–1939 гг.	32
Г.В. Васюк История повседневности в трудах советских и современных российских византинистов	38
Н.Н. Власюк Анастилоз как паллиативный прием сохранения исторического фасада по ул. Советская, 43, 45 в Бресте	43
К.В. Гавриленко Еврейские «Памятные книги» (Yizkor books) как источник по истории повседневности еврейских общин Брестчины в межвоенный период (1918–1939)	49
О.Н. Гаврилик Деньги в повседневной жизни человека: концепция «множественных денег»	54
Н.П. Галимова Миграция в белорусские города в послевоенный период (1944–1970)	58

В.П. Гарматны

Правядзенне камасацыі на тэрыторыі Баранавіцкага павета
Навагрудскага ваяводства ў 1921–1939 гг. 62

Ю.Г. Ермак

Повседневная жизнь иудейки-трактирщицы на рубеже XIX–XX вв.
(по материалам НИАБ г. Минска) 67

Е.Ю. Занько

Послевоенный Брест 1944–1950-е гг: социально-культурный обзор 72

Л.А. Козік

Паўсядзённасць ва ўмовах бежанства
ў гады Першай сусветнай вайны 78

А.И. Король

Культурная политика немецких оккупантов на территории Беларуси
(по материалам польской историографии) 82

Л.Ю. Малыгина

Патриархальные установки в репрезентации образа женщин
(на примере телепередачи «Давай поженимся!») 85

Е.И. Мелешко

Мировоззрение британцев викторианской эпохи 95

В.С. Мисиюк

Александр Цинкаловский – исследователь
протогородов берестейской земли 100

Ю.Р. Москалева

Повседневная жизнь воспитанников детских приютов на юге
Российской империи (XIX – начало XX ст.):
анализ периодических изданий 104

А.В. Мощук

Антисемитизм в межвоенной Польше и Западной Беларуси
(причины, формы, методы): общее и частное 110

Л.П. Никитенкова

Российское общество и алкогольный вопрос
конца XIX – начала XX вв. 114

Е.И. Пашкович

Краеведческие альманахи как источник по истории повседневности
на Полесье в 30-е гг. XX в. 118

И.А. Посохин, Г.И. Посохина

Проблема культурной адаптации эмигрантов
«третьей волны» на Западе 127

М.Н. Сахарчук

Административно-территориальное деление
Пинского судебного округа (1921–1939) 132

В.В. Сушко

Деятельность неопротестантских организаций в Беларуси в условиях
реформирования религиозного законодательства:
(вторая половина 1980-х – начало 1990-х гг.) 137

Т.М. Тохиян

Повседневная жизнь белорусских помещиков в первой половине XIX в.
(на примере Кобринского и Пинского уездов) 142

Л.В. Харичкова

Модерн в европейской повседневности конца XIX – начала XX вв. 148

І.С. Чарнякевіч

Стратэгіі выжывання заходнепалескіх сялян
ва ўмовах пасляваеннай калектывізацыі 151

УДК 301

Н.С. АВЕТЯН

Гродно, ГрГУ имени Я.Купалы

СОВРЕМЕННАЯ «ДИАСПОРИЗАЦИЯ МИРА»: К ТОЛКОВАНИЮ ТЕРМИНА

Всю историю человечества можно рассматривать с точки зрения непрерывной миграции различных этносов и народов по всему миру. В одни эпохи миграция была не очень значимым, в другие – важнейшим фактором развития цивилизации.

Глобальная миграция и стремительный рост иммигрантских сообществ, а также их институционализация, заставили сегодня заговорить о «диаспоризации мира» как об одном из сценариев развития человечества. Этот процесс углубляется и принимает все новые и новые формы, а роль диаспор и их влияние усиливаются. XXI в. можно назвать «веком диаспор», которые значительно увеличились численно и, следовательно, начинают играть все более значимую политическую, социально-экономическую и культурную роль. Развернувшаяся в научном сообществе дискуссия показывает, сколько еще вопросов остается в изучении этого меняющегося феномена и как велики различия между исследователями в его понимании [2, с. 152].

Характерной особенностью глобализирующегося мира становится резкое усиление миграционных процессов. Глобализация делает «национальные перегородки» более прозрачными, и потому миллионы людей в поисках лучшей доли покидают родину и устремляются в другие страны. За последние 50 лет численность международных мигрантов увеличилась почти в три раза. Если в 1960 г. во всем мире насчитывалось 75,5 млн человек, проживающих вне страны своего рождения, то в 2000 г. – 176,6 млн, а в конце 2009 г. их стало уже 213,9 млн. Согласно оценкам экспертов ООН, в настоящее время каждый 35-й житель земного шара является международным мигрантом, а в развитых странах – уже каждый десятый [2, с. 155].

В силу сложившейся в современном социогуманитарном знании, прежде всего, в социологии, ситуации, представляется целесообразным более обстоятельный терминологическо-понятийный анализ диаспоральной проблематики. Понятно, что такой анализ выводит исследователя на необходимость осмысления содержательных компонентов рассматриваемой проблемы, таких, как определение некоторых общих предпосылок, этапов формирования и функций диаспор.

Этимология термина «диаспора» восходит к греческому языку. Сошлемся на А. Милитарева, который пишет: «Что касается происхождения греческого термина *diaspora*, то он образован от глагола *diaspeirein* – «рассеиваться, рассыпать, раздавать, расточать», состоящего из приставки *dia-* и глагола *speirein* (сеять, засеивать, сыпать). Глагол *diaspeiro* встречается в ранних греческих текстах (у Геродота и Софокла) в значениях «рассеивать, разбивать (войско)» и «расточать (деньги)», а существительное *diaspora* впервые засвидетельствовано в Септуагинте греческом переводе еврейской Библии именно в значении «рассеяния евреев среди язычников» [5, с. 28–29].

В Британской энциклопедии под диаспорой понимается «рассеяние евреев среди язычников (не евреев) после Вавилонского изгнания, или же совокупность евреев или еврейских сообществ, рассеянных «в изгнании» вне Палестины или современного государства Израиль. Несмотря на то, что данный термин относится к физическому рассеянию евреев по всему миру, он также содержит в себе религиозный, философский, политический и эсхатологический подтекст, ввиду того что евреи осознавали особые отношения между землей Израиля и собой» [9].

В России диаспора стала объектом пристального внимания исследователей лишь с конца 1970-х – начала 1980-х гг. Как отмечает Т. Кондратьева, «всплеск интереса ученых к диаспоральной тематике был вызван усиливавшимися миграционными процессами. Процесс затронул интересы многих государств, куда устремилось наибольшее количество мигрантов. В некоторых странах их число настолько возросло, что это не могло не отразиться на различных сферах жизни принимающих обществ» [4, с. 18].

В последнее десятилетие видные российские ученые такие, как М.А. Аствацатурова, В.И. Дятлов, Т.С. Илларионова, З.И. Левин, А.В. Милитарев, Т.В. Полоскова, В.Д. Попков, В.А. Тишков, Ж.Т. Тощенко, Т.И. Чаптыкова и другие в многочисленных публикациях, в том числе и в монографиях, не только обозначили свою позицию по широкому кругу проблем, связанных с диаспоральными сюжетами, но и вступили в оживленную дискуссию друг с другом.

Как отмечает демограф А.Г. Вишневецкий, несмотря на то, что история России XIX–XX вв. тесно переплелась с историей двух древнейших и известнейших диаспор – еврейской и армянской, в СССР понятие «диаспора» было не слишком популярно, а сам феномен почти не привлекал внимания исследователей. Объяснение этому ученый видит в том, что как для российской, так и для советской империй было характерно территориальное рассеяние народов, и это не способствовало образованию диаспор [1, с. 113–130].

Современный период принес радикальные перемены. В качественно новое состояние пришли межнациональные отношения. По мнению В. Дятлова термин «диаспора» обозначает «не просто рассеяние, пребывание представителей некоей этнической группы вне своего «национального очага» в качестве национального меньшинства. Понимание этничности как процесса, представление о ее актуализации допускает и понятие «спящей этничности», оттеснение этнической самоидентификации на низкую ступень иерархии различных форм самоопределения. Диаспору, следовательно, можно трактовать и как особый тип человеческих взаимоотношений, как специфическую систему формальных и неформальных связей, основанных на общности судьбы (исход с «исторической родины»), или представлениях, исторической памяти и мифах о таком исходе, на совместных усилиях по поддержанию образа жизни «в рассеянии» – в качестве национального меньшинства в иноэтничном обществе [3, с. 127].

В основу определения, предложенного Ж. Гощенко и Т. Чаптыковой, легли представления об этнокультурной идентичности. По их мнению, диаспора – «это устойчивая совокупность людей единого этнического происхождения, живущая за пределами своей исторической родины (вне ареала расселения своего народа) и имеющая социальные институты для развития и функционирования данной общности» [8, с. 37].

Весьма продуктивной представляется концепция диаспоры, предложенная В.А. Попковым, который рассматривает диаспору как «сеть общин», отличающуюся от других социальных образований «сверхустойчивостью» и «сверхадаптивностью». В структуре же диаспоры исследователь выделяет «узлы диаспоры» – тесно связанные между собой более плотной сетью коммуникаций, общины одного региона [6].

В. Попков утверждает, что миграционные кризисы, за которыми следует распад или восстановление транснациональных сообществ, тесно связаны с формированием и развитием этнических диаспор. Из-за массовых движений населения значимость идентичности ставится под сомнение или вообще отрицается. Происходит трансформация понятий «родина», «этничность», «дом» – из абстрактных концептов в явления повседневной реальности. Взаимодействие между страной исхода, страной приема и диаспорой интерпретируется различными исследователями по-разному [6].

В.А. Тишков дает несколько отличное от предыдущих определение данного феномена. Он считает, что диаспора – это стиль жизненного поведения, а не жесткая демографическая и тем более этническая реальность и тем самым это явление отличается от остальной рутины миграции», поскольку история и культурная отличительность – это только

основа, на которой возникает сам феномен диаспоры. Он считает, что «отличительной чертой диаспоры является романтическая (настольгическая) вера в родину предков как в подлинный, настоящий (идеальный) дом и место, куда они либо их потомки должны рано или поздно возвратиться» [7, с. 43–63].

Процесс образования диаспор принял уже столь значительные масштабы, что в мире, очевидно, уже невозможно найти страну, где не существовало бы диаспоры другого народа, равно как и страну, выходцы из которой не образовывали бы хотя бы небольшой диаспоры в какой-либо другой стране или нескольких странах. Распространенная ранее индивидуальная интеграция иммигрантов в принимающее их общество все больше заменяется коллективной интеграцией, в результате чего возникает иная, диаспоральная форма расселения народов.

Диаспоры оказывают серьезное влияние на принимающие страны. Они меняют их демографическую структуру, этнический и конфессиональный состав. Диаспоры не только сохраняют свои традиции, обычаи, обряды, но зачастую и навязывают обществу чуждые для него ценности. Возрастает воздействие диаспор не только на внутреннюю, но и на внешнюю политику принимающих стран, поскольку крупные транснациональные диаспоры, располагающие значительными финансовыми ресурсами, активно лоббируют интересы тех стран, которые еще недавно были для них родиной и с которыми они имеют тесные связи.

Любая наука начинается с определения терминов. С этой точки зрения ситуация с изучением диаспоральных проблем выглядит парадоксально. Феномену диаспоры посвящены многочисленные исследования, но само понятие «диаспора» до сих пор не имеет четкого определения и трактуется учеными по-разному. Объяснение, очевидно, в том, что диаспора является предметом изучения самых разных наук и дисциплин – истории, социологии, этнологии, политологии, культурологии и т.д., и уже одно это предполагает неизбежность многообразия подходов к пониманию этого сложного и многообразного феномена. Едва ли не каждый исследователь трактует его по-своему и дает ему собственное определение – серьезные дискуссии о его смысловой нагрузке десятилетиями ведутся даже в рамках одних и тех же научных дисциплин.

1. Вишневский, А. Г. Распад СССР: этнические миграции и проблема диаспор / А. Г. Вишневский // *Общественные науки и современность*. – 2000. – № 3. – С. 113–130.
2. Дробот, Г. А. Глобальная миграция: факторы, последствия, регулирование, диаспоры / Г. А. Дробот // *Социально-гуманитарные знания*. – 2012. – № 2. – С. 152–170.
3. Дятлов, В. И. Диаспора: экспансия термина в общественную практику современной России / В. И. Дятлов // *Диаспоры*. – 2004. – № 3. – С. 127.
4. Кондратьева, Т. С. К вопросу о понятии «диаспора»: Дискуссия в научном

сообществе / Т. С. Кондратьева // Диаспоры в Европе : сб. науч. тр. – М., 2009. – № 4. – С. 18.

5. Милитарев, А. О содержании термина «диаспора» (к разработке дефиниции) / А. Милитарев // Диаспоры. – 1999. – № 1. – С. 28–29.

6. Попков, В. Д. Феномен этнических диаспор / В. Д. Попков. – М. : ИС РАН. – 2003. – 340 с.

7. Тишков, В. А. Исторический феномен диаспоры / В. А. Тишков // Этнографическое образование. – 2000. – № 2. – С. 43–63.

8. Тощенко, Ж. Т. Диаспора как объект социологического исследования / Ж. Т. Тощенко, Т. И. Чаптыкова // Социс. – 1996. – № 12. – С. 37.

9. Диаспора [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.britannica.com/EBchecked/topic/161756/Diaspora>. – Дата доступа: 12.10.2015 г.

УДК 94(510).093

Н.П. АЛЕКСАНДРИН

Гродно, ГрГУ имени Я. Купалы

КОНФУЦИАНСТВО В ПОВСЕДНЕВНОЙ ЖИЗНИ СОВРЕМЕННЫХ КИТАЙЦЕВ

Китай – одна из немногих цивилизаций, сумевших сохранить свои традиции, самобытную культуру. Уникальность нынешнего китайского общества состоит в том, что страна с традиционной культурой успешно осуществляет рыночную модернизацию под руководством коммунистической партии. Элите страны удалось найти оптимальный вариант соотношения культурных традиций и новаций, своего и чужого. Более того, именно верность традициям, опора на них и являются основой успеха страны, претендующей на роль сверхдержавы.

Культура современного Китая опирается на противоположные культуре Западной Европы ценности. Например, Запад воплощает индивидуализм как систему, в рамках которой эмоциональный компонент регулируется рациональным, а человек стремится сделать карьеру за счет личных усилий и позитивного имиджа у окружающих, то в Китае отдельный человек традиционно рассматривается как физическое тело, которое может быть «целым», только если его сердце обращено к другим людям. В традиционном Китае культивировали представления, исходившие из безусловного приоритета коллектива над индивидом, отрицавшие право последнего на автономное существование. Сознание масс носило общественно-коллективистский характер. Член китайского социума привык чувствовать себя песчинкой в огромном море житейских бурь, поэтому он просто не мог представить себя вне дома, семьи, коллектива, общины.

Значительную роль в формировании стереотипного мышления сыграло конфуцианство. Оно определяло китайский образ жизни, начиная от социальных институтов и заканчивая семейными отношениями. Конфуцианство проповедовало несколько важнейших идей, на которых до сих пор базируется современная повседневная китайская политическая культура:

– государство является приоритетной ценностью для каждого человека, служение государству, правителю, какой бы он ни был, – долг любого гражданина. Китайцы, даже если они недовольны чем-то в своем государстве, всегда стоят на стороне Китая как надсоциальной сущности, боятся государства и видят в нем своего единственного надежного защитника;

– культура и образование представляют собой важнейшие характеристики любого достойного человека;

– человек должен в своей жизни следовать четким принципам, в их числе – уважение к старшим, забота о младших, искренность, честность, долг. В этом случае в обществе воцарятся гармония и покой;

– общество строится на строгой иерархии, где каждый должен выполнять свою функцию: «правитель должен быть правителем, чиновник – чиновником, отец – отцом, сын – сыном». Если в этой иерархии происходит какой-то сбой, в мире воцаряется хаос, люди начинают выполнять несвойственные им функции. Поэтому надо «исправить имена» (чжэн мин), то есть привести способности человека в соответствие с его должностью и функциями. Такая строгая иерархия требует от посещающих Китай иностранцев понимания того, кто есть кто в социальной иерархии, и соответствующего обращения с этими людьми. Нарушение иерархии сразу же изобличает вас как некультурное существо;

– в основе функционирования общества лежат некие правила или ритуалы (ли), которые могут быть даны в виде как писанных законов, так и неписанных договоренностей. Знание этих правил и отличает культурного человека от варвара, «благородного мужа» – от «мелкого человека». Поэтому иностранцы нередко воспринимаются китайцами как люди, «не знающие правил». Эти неуловимые правила невозможно прочитать или выучить, их можно только почувствовать, живя в китайском обществе, по сути, это и есть национальная психология китайцев;

– по отношению к своим согражданам следует вести себя честно, искренне, скромно. Нельзя забывать, что ты живешь в группе или обществе, которая, в свою очередь, является частью государства. За обман, коррупцию, за попытку жить только личными интересами могут последовать весьма суровые наказания, вплоть до смертной казни. А вот на

отношения с иностранцами этот принцип автоматически не распространяется;

– жизнь в скромности и разумном достатке (сяокан) является правильным путем всякого человека, даже если он имеет возможность разбогатеть. Кичиться богатством – всегда плохо. Нередко именно потому даже современные китайские миллионеры ведут себя скромно и оказывают социальную помощь населению [1, с. 22].

После прихода к власти коммунистов в течение трёх десятилетий в Китае существовало негативное отношение к конфуцианству, в годы так называемой культурной революции оно объявлялось «феодалным хламом». Положение резко изменилось лишь после перехода страны к «политике реформ и открытости» в 1979 г. Это было связано с распространением в кругах китайской интеллигенции идей «современного нового конфуцианства». Постепенно стало меняться и отношение официальных кругов к культурному наследию.

Китайцы уверены, что в традиционной китайской культуре имеется «богатое содержание», которое может быть заимствовано. Дух настойчивости, готовность к напряжённой борьбе при достижении каких-либо целей. В Китае всегда на первом месте была повседневная жизнь с её заботами и трудностями. Как говорил Конфуций, «благородный настойчив, не уставая», ему же принадлежат слова: «Если не знаешь жизни, то как ты можешь знать смерть». Другими словами, конфуцианская философия призывала опираться на собственные силы, не верить в предрассудки. Она воспитывала в китайцах стремление вести решительную, непреклонную борьбу со всеми опасностями, угрожающими природе и обществу [2].

Первостепенное значение придаётся практике, действиям, а не отвлечённым абстрактным размышлениям. Нравственное самосовершенствование всегда имело важное значение для китайских мыслителей. Мэн-цзы говорил, что «духовное совершенство прекрасно». Поэтому осуждались всякого рода «низменные наклонности», например, стяжательство, жажда обогащения и т.п. [2] Также современный патриотизм китайцев во многом пришел из древности, когда существовало изречение: «Процветание и гибель Поднебесной зависят от людей». Стремление к правде, истине, справедливости. В китайском социуме лживые, нечестные люди подвергались осуждению, они считались низменными людьми. Девизом были слова: «Достаточно утром узнать правду и тогда вечером можно умереть». Ради достижения истины «благородный муж» готов пожертвовать своей жизнью [2].

Конфуций много говорил о духе единства и взаимопомощи, уважении к старым и заботе о детях, о гуманистическом подходе к отношениям между людьми. Поэтому принципы конфуцианства

применимы и для управления обществом, и для урегулирования международных вопросов.

Закономерно, что период запрета конфуцианства с 1949 по 1978 стал для Китая эпохой тяжелых потрясений и конфликтов. Предпринимаемые Коммунистической партией Китая (КПК) в течение десятилетий попытки разрушить конфуцианство, ныне сменились стремлением правящей в Китае партии использовать конфуцианские идеи в идеологических и пропагандистских целях. Постепенно осознание важной роли конфуцианства как духовной составляющей модернизации китайского общества начинает проникать в умы политической элиты, партийного руководства, лиц, ответственных за принятие решений по идеологическим вопросам как на местном, региональном, так и на центральном уровнях.

В последние годы уже высшее китайское руководство постоянно обращается к теоретическому наследию Конфуция. На пленуме ЦК КПК «социальная гармония» была определена как «сущностное свойство социализма с китайской спецификой». Разъясняя это положение, китайские теоретики и аналитики подчёркивают, что национальной культурой должна быть культура гармоничного социалистического общества.

Обращение китайского руководства к идеям социальной гармонии неслучайно: в условиях проводимых в Китае реформ благосостояние населения в целом повысилось, но вместе с тем появились и серьёзные проблемы – имущественное расслоение, разрыв в уровне развития между различными регионами, значительное число безработных и т.д., поэтому и возникла необходимость в гармонизации социальных отношений. Неслучайны и возрождение культа Конфуция, и пропаганда принципов конфуцианского учения [2].

В 1985 г. в КНР был создан научно-исследовательский институт Конфуция (Кун-цзы яньцзюсю). С 1986 г. Китайским фондом Конфуция (Чжунго Кун-цзы цзицзиньхуэй), учрежденным в 1984 г., начал издаваться ежеквартальник «Исследования Конфуция» («Кун-цзы яньцзю», Цзинань) [3]. Стратегический курс китайского руководства – строительство социализма с китайской спецификой. Естественно поэтому, что в последние тридцать лет главное внимание уделялось развитию экономики. Беспрецедентный экономический рост Китая за эти годы общеизвестен. Однако наряду с очевидными достижениями в процессе модернизации возникли серьёзные проблемы, в том числе в социальной и духовной сферах. Это заставило китайское руководство искать пути их решения. Поэтому и возникла необходимость обращения к национальным духовным традициям, к конфуцианству. Тем более, что в марксизме нет специально разработанной этической теории. В то же время конфуцианство на протяжении веков сложилось в довольно стройную систему этических

принципов взаимоотношений людей, общества и природы, межгосударственных отношений.

Идейная и социальная победа конфуцианства над всеми конкурировавшими учениями обеспечила его создателю особый, сопряжённый с религиозным культом статус культурного героя, духовного вождя нации, «некоронованного царя» и святого мудреца («таинственного совершенно мудрого» – сюань шэн), сохранявшийся за ним в Китае до начала XX в. Развившийся после падения империи в 1911 г. негативизм по отношению к Конфуцию как главному символу консерватизма и традиционализма достиг апогея в кампании «критики Линь Бяо и Конфуция», развернувшейся в КНР в 1960-е гг. Однако в 1980-х гг. эта тенденция сменилась на противоположную, стало усиливаться внимание к Конфуцию как родоначальнику идеологии Китая [3].

Можно без преувеличения сказать, что конфуцианство становится духовной составляющей социализма с китайской спецификой, постоянно используется во всех сферах повседневной жизни китайцев.

1. Маслов, А. А. Как победить китайцев / А. А. Маслов. – М., 2011. – 448 с.
2. Современное конфуцианство и китайский социализм [Электронный ресурс] // Информационно-дискуссионный портал Newsland. – Режим доступа: <http://newsland.com/news/detail/id/409716/>. – Дата доступа: 02.11.2015.
3. Конфуцианство – мягкий толпо-«элитаризм» китайской культуры [Электронный ресурс] // Информационно-аналитический центр. – Режим доступа: <http://inance.ru/2015/10/konfutsianstvo/>. – Дата доступа: 02.11.2015.

УДК 94 (476)

А.Ю. БОДАК

Брест, БрГУ имени А.С. Пушкина

СОВЕТСКИЕ ПРАЗДНИКИ В ГАНЦЕВИЧСКОМ РАЙОНЕ (1940–1941)

Праздники – это не только выходные или памятные дни, когда люди расслабляются, развлекаются или что-нибудь отмечают за широким столом. Праздники – это своеобразное зеркало общества. По ним можно определить характер общественного строя, национальной и религиозной принадлежности людей. Население в царское время помимо религиозных праздников отмечало ещё и дни рождения царствующих особ и их наследников. Профессиональных или ориентированных на исторические даты празднеств не было. В «польский час» монархические памятные

даты, естественно, исчезли из святцев, а к религиозным добавились и праздники политические, вроде 3 Мая (день польской Конституции) или 16 августа («Чудо на Висле» – в честь начала разгрома Красной армии под Варшавой в 1920 г.) и некоторые другие.

Советская власть в числе прочих нововведений затронула и эту сферу, что было вполне естественно, хотя для населения Ганцевичского района это было поначалу непривычно. Праздники религиозные перестали быть выходными днями, и вообще их соблюдение не приветствовалось, а если в этом были бы замечены коммунисты, комсомольцы или ответственные работники, то это однозначно ставило крест на их карьере и партийной принадлежности. Польские праздники сразу исчезли, и их скрытно праздновали только местные поляки. Вместо этого народу были предложены новые, советские праздники и памятные дни. Многие из них сохранились и поныне, и без них часто просто невозможно представить свою жизнь. Они и сейчас являются долгожданными и с удовольствием отмечаемыми. С 1940 г. Ганцевичский район с ними познакомился в полной мере. Озадачивало только то, что самый душевный праздник – Новый год, как и Рождество, стал рабочим днём. 31 декабря во второй половине дня в учреждении запросто могли устроить рабочее заседание с проработкой провинившихся или анализом хода подготовки к проведению Всесоюзной переписи скота. Новогодний стол, конечно, никуда не делся, но трудящиеся наутро с потрескивающей головой без всякого снисхождения отправлялись на рабочие места.

История, к сожалению, умалчивает о том, как в районе прошло первое празднование Дня Октябрьской революции. Очевидно оно прошло в обстановке искреннего энтузиазма и неподдельной радости, потому что ещё не был раскручен маховик репрессий, народ ещё пребывал в эйфории от долгожданного воссоединения, ещё не начались продовольственные и товарные трудности, и очевидным было всеобщее ожидание новой, светлой жизни.

9 января 1940 г. народ узнал, что нужно праздновать годовщину «Кровавого воскресенья» (дата расстрела рабочей демонстрации в Петербурге в 1905 г.). Празднование (именно в таком официальном статусе без мыслей о нелепости подобной формулировки) дня смерти В.И.Ленина 21 января решили слепить с предыдущим праздником и широко отметили оба 18 января 1940 г. В райцентре прошли лекции и митинг, а в деревнях 22 января повсеместно прошли общие собрания жителей, на которых представители райкома просветили о сути событий [1, л. 13]. Причём, отмечать даты смерти население начали приучать ещё польские власти – с 1936 г. по всей стране стали с большой помпой «праздновать» дни смерти Ю. Пилсудского, основателя 2-й Речи Посполитой.

О праздновании в районе Международного женского дня уже говорилось в одной из статей нашего цикла в прошлом году. Следующим значимым праздником в 1940 г. стало 1 Мая. Его официально в районе ещё никогда не отмечали, а в этот год дата совпала с Пасхой, и местное руководство по этому поводу нервничало. Райком партии решил направить по деревням своих представителей для разъяснения того, какой праздник следует предпочесть [2, л. 48]. Уверенности в «правильном» выборе людей не было. Тем более, польские власти уже заставляли жителей района насильно праздновать 3 Мая – День Конституции и даже штрафовали ослушников. Народ в ответ в этот день демонстративно с первыми петухами уезжал работать в поле, а там поди их найди... [4, л. 36].

В Ганцевичах на торжественное собрание, посвящённое 1 Мая, пришло 300 человек, хотя зал клуба мог вместить едва ли не треть пришедших. В райцентре прошёл митинг и демонстрация, всё пестрело красными флагами, из соседних деревень сюда с песнями и музыкой пришло более двух с половиной тысяч человек. На митинге выступил пионер – ученик 4 класса еврейской школы Штелюнг и с трибуны заявил: «Мы впервые почувствовали действительное воспитание детей, ибо мы уже учимся в советской школе, и за нами следит и о нас заботится лично товарищ Сталин» [3, л. 11].

Райком отчитывался о ходе празднования 1 Мая, иногда несколько привирая. Так, было сказано, что в митингах и демонстрациях по району приняло участие 32 000 человек [3, л. 11], хотя эта цифра явно была завышенной. Грузчики железнодорожной станции Ганцевичи в честь праздника выгрузили и загрузили вместо 15 вагонов 60. В Чудинском сельсовете крестьяне «потребовали» сначала пойти на работу, а только потом отправились на митинг. Хотя, может быть, люди сначала хотели как можно скорее досеять яровые. В итоге там провели митинг загодя – 30 апреля, а 1 Мая вышли в поле [4, л. 38].

Досрочно отметили праздник 29 апреля в 43 населённых пунктах района, где на собрания пришло 80–90 % взрослого населения, а 30 апреля в 13 сельсоветах прошли торжественные собрания [3, л. 11]. Красиво отпраздновали 1 Мая в Круговичах – к 10 часам утра 62 человека собрались во дворе сельсовета с флагами и портретами Сталина. К ним присоединились работники МТС, добавились люди из близлежащих деревень, всего собралось 500 человек, устроили митинг, а потом весёлые разошлись по домам с песнями [4, л. 36]. В Новосёлках и Святице жители поставили деревянные арки, украсили их звёздами, серпами и молотами, портретами вождей, вечером туда добавили фонари. Вдоль улиц поставили ёлки и красные флаги. Народ вышел на демонстрацию почти целиком. Впереди шли школьники с портретами Сталина. Взрослые вспоминали и

рассказывали присланным из райцентра работникам, как не хотели праздновать 3 Мая и «удирали в лес» [4, л. 39].

Однако в тот день имели место и инциденты – в Локтышах, Жидовичах и Переволоках большая часть польского населения на демонстрации не явилась. Поскольку праздник совпал с Пасхой, кое-где местные власти перестарались – в Локтышах в тот день решением сельсовета была закрыта церковь (что райком признал незаконным), а в Чудине учитель Павел Павлович Рулинский пошёл в церковь, насильно выгнал оттуда детей, из-за чего их отцы устроили в селе большой шум [3, л. 11].

Очень активно был отпразднован в районе День железнодорожника 4 мая 1940 г. Тогда прошли митинги в Ганцевичах и Мальковичах. Парк райцентра украсили плакатами с показателями работы станции, стенгазетами, лозунгами и флагами, установили там радиоприёмник и устроили гуляния и танцы [1, л. 106]. Гораздо скромнее отметили 18 августа 1940 г. День авиации – в сельсоветах просто прошли торжественные собрания. Всё-таки самолёт был для местного населения экзотикой, тогда как паровоз здесь можно было увидеть ежедневно.

Интереснее прошло празднование 17 Сентября. День воссоединения первое время был выходным и праздновался с большим размахом. Кстати, почему бы не вернуться к этому и сейчас? Ведь тогда действительно соединились две почти одинаковые половины Беларуси и по численности населения, и по территории. Тогда же в связи с этой датой 15 сентября в парке райцентра устроили гуляние в дополнение к докладу работника райкома Кацнельсона «Воссоединение белорусского народа – победа ленинско-сталинской национальной политики». 16 сентября в райисполкоме и сельсоветах прошли торжественные заседания, а 17 сентября в районном клубе и школах прошли доклады «Год жизни под солнцем сталинской конституции». Дальше – гуляния и танцы [1, л. 145].

В 1940 г. район уже второй раз отмечал День Октябрьской революции. К 23-й годовщине Октября 6 ноября прошли торжественные заседания, а 7 ноября демонстрации и митинги в райцентре и сельсоветах, а вечером начались концерты художественной самодеятельности и танцы [1, л. 207].

19 декабря 1940 г. районные власти решили (очевидно, не сами), отметить 20-летнюю годовщину создания ВЧК (тогда уже НКВД). Учитывая, что в районе к тому времени значительная часть населения успела тесно познакомиться с практикой этой организации, то это решение выглядело в глазах людей несколько двусмысленно. Тем не менее в населённых пунктах прошли доклады, беседы и лекции по истории Чрезвычайной комиссии [1, л. 316].

1 Мая 1941 г. был уже вторым Первомаем в районе. В его честь были выпущены во всех населённых пунктах стенгазеты, в райцентре прошли смотры детской художественной и театральной самодеятельности. Но, как отмечали соответствующие органы, в этот праздник люди явственно ощущали «зловещее дыхание наступающей войны» [5, л. 121], которая вскоре подведёт черту под жизнью некоторых из них.

Затем район начал подготовку ко встрече Всесоюзного дня физкультурника. В СССР сталинского периода это был один из самых знаковых праздников, когда на Красной площади в присутствии первых лиц партии и страны разворачивался грандиозный физкультурный парад. К празднику планировалось соорудить спортивные площадки во всех сельсоветах, провести районный комсомольский кросс, а в райцентре на стадионе военного городка решили провести военно-физкультурные игры – встречи по футболу, волейболу, гимнастике, велосипедные гонки и сдачу норм на значки ГТО. Праздничное действо должно было состояться 20 июля 1941 г. [6, л. 87]. Но в этот день было уже не до праздников – в районе уже текла кровь и действовала оккупационная немецкая власть.

1. Государственный архив Брестской области (далее – ГАБО). – Ф. 2219-п. Оп. 1. Д. 6.

2. ГАБО. – Ф. 2219-п. Оп.1. Д. 7.

3. ГАБО. – Ф. 2219-п. Оп.1. Д. 14.

4. ГАБО. – Ф. 2219-п. Оп.1. Д. 16.

5. ГАБО. – Ф. 2219-п. Оп.1. Д. 92.

6. ГАБО. – Ф. 2219-п. Оп.1. Д. 135.

УДК 323.1

И.И. ВАВРЕНЮК

Брест, БрГУ имени А.А. Пушкина

ПОВСЕДНЕВНАЯ ЖИЗНЬ ЕВРЕЕК ЗАПАДНОЙ БЕЛАРУСИ (1921–1939)

1921–1939 гг. – период политических, социально-экономических, культурных изменений в Польском государстве и мире в целом, что нашло своё отражение в жизни евреев Западной Беларуси. Новые веяния в повседневной жизни ярче всего проявились в таких сферах жизни как семья, жильё, одежда, досуг, работа, общественная деятельность, воспитание детей.

Как и ранее, в жизни евреев Западной Беларуси значимым фактором был религиозный. Браки утрачивают свой императивный характер для

большинства евреек под воздействием секуляризации и пауперизации общин. Увеличение среднего возраста вступающих в брак евреев можно объяснить бедностью большинства еврейских семей, получением образования. Отходит в прошлое традиция сватовства. Обычным возрастом вступления в брак становится у евреев 20–34 года. До 19 лет в брак вступили в 1931 г. только 213 иудеев, из них 1 в 15 лет, 9 – в 16 лет. Возрастает количество повторных браков евреек в возрасте за 50 лет: 60 в возрасте 50–59 лет, 17 – в возрасте 60–69, старше 70 – 7 человек [8, s. 56–56]. Благотворительное общество «Гахнагат – Кала», которое традиционно собирало деньги на свадьбу и на приданое бедным невестам, в документах о работе еврейских религиозных гмин региона не упоминается. Возможно, оно продолжало работать на благотворительных началах. Еврейки вступали в браки с евреями, что нашло отражение в документах – ктубах. В то же время в статистических отчётах количество браков иудеев и иудеек практически всегда совпадает: в 1931 г. в Белостокском воеводстве 1 350 иудеев и 1 349 иудеек вступили в брак, в Виленском воеводстве – 778 и 779, в Новогрудском воеводстве – 496 и 497, в Полесском воеводстве – 806 и 806 соответственно [8, s. 2–3]. При выборе кандидатур для вступления в брак прибегали к услугам посредников – шадхонов [12, с. 338–356]. Далеко не все молодожёны могли самостоятельно обеспечить семью. В связи с этим среди евреев существовал обычай совместного проживания молодой семьи с родителями мужа или жены.

Под воздействием ряда факторов еврейки в 1921–1939 гг. стали себя позиционировать не только как часть семьи, мать, жена (хоть ответственности с себя не снимали), а как индивидуумы. Нонсенсом, вызвавшим бурную реакцию хасидских религиозных кругов, явился массовый отказ замужних иудеек Пинска брить голову наголо.

Традиционные устои иудаизма в межвоенный период не всегда соответствовали духу времени с характерным для него ростом индивидуализма, свободы и равноправия полов. В вопросе о разводах женщины придерживались передовых взглядов, что не одобрялось иудейской религиозной гминой. Так, например, среди сохранившихся документов Брестской еврейской общины все разводы, состоявшиеся в городе, были инициированы женщинами. Среди причин, спровоцировавших развод, еврейки указывали следующие: материальная несостоятельность, несносность характера, отсутствие работы и др. Несмотря на ряд препятствий для разводящихся (святость брака в иудаизме, многоступенчатость процесса развода, личные беседы раввинов с претендентами на развод, 8 этапов согласований и т.п.) все разводы состоялись. В итоге иудейки получили гет (бракоразводный документ).

Яркий знаковый смысл имел еврейский национальный костюм, обычай бритья головы замужними женщинами, который придавал еврейкам самобытный вид. Женщины носили платки, которые завязывали спереди, а также шелковые или хлопчатобумажные платья в форме халата, без талии. Замужние женщины брили головы и носили парики. Лишь ортодоксальные евреи держались за сохранение этих внешних отличий, большей частью еврейки переодевались в европейский костюм. По воспоминаниям жителя Волковыска И.П. Пивоварчика «во время отдыха в субботу еврейки заходили в Ятвезь в купальных костюмах, что выглядело непривычно и стыдно для местных жителей». Костюм становился не только европеизированным, но и стандартизированным в молодёжной организованной среде. «Отряды молодых еврейских юношей и девушек по субботам шли из города в лес. В коричневых блузках, со знамёнами и оркестром. Вожак командовал: “Ахат! Ахат! Штаим! Шолой! Арба!”, “Раз! Раз! Два! Три! Четыре!” – сворачивали в лес, где веселились и отдыхали» [2, с. 9–12]. Иудейки стали чаще надевать европейские костюмы, носить европейские причёски, самостоятельно или с детьми выезжать за границу [5, л. 61–310].

Для иудейки нет миссии почётнее и важнее, чем воспитание детей. Оно приобрело особое значение для евреев, живущих в условиях рассеяния среди многих других народов. Сохранить и передать ненарушенными ценности, доставшиеся в наследство от старшего поколения, – вот задача, которую должны были они решать день ото дня. Придя в мир, малыш в первую очередь попадал под покровительство матери. Она была первой воспитательницей как сына, так и дочери. С точки зрения еврейской традиции, влияние матери на потомство гораздо сильнее и заметнее, чем влияние отца, перестающее появляться через несколько поколений. До трёх лет и мальчики, и девочки находились на попечении матери. Они одинаково одевались и играли вместе. Женское воспитание отличалось, как правило, мягкостью. Обязанность матери была побуждать детей к учению. Ей удавалось передать детям чувство традиции. Именно благодаря её рассказам у ребёнка с первых лет жизни возникала гордость за то, что он принадлежит к избранному народу, и понимание того, что такое избранничество даётся нелегко, хоть дорогого стоит. Её мягкое влияние создавало у сына стремление к учёности. Она гордилась известными талмудистами, которые были членами семьи, и неустанно рассказывала о них, и ребёнок мечтал о том, что когда вырастет, тоже станет на них похожим. Еврейское воспитание было глубоко национальным по своей сути, причём развитие этнического самосознания стимулировала сама атмосфера быта и общественной жизни. С детства каждый еврей ощущал свою принадлежность к особому, богоизбранному

народу, который имел славное прошлое и который ожидало не менее славное будущее. Еврейские дети хорошо знали мир, в котором им доведётся жить. Этому содействовал практицизм еврейского воспитания. С раннего детства ребёнка нацеливали на освоение его будущей профессии: игрушки символизировали лавки, товары, монеты; с деньгами давали играть даже дочерям. Повседневное настроение, атмосферу дома, оптимальные условия для жизни и учёбы должна была создать мать. Чтобы мальчик и девочка обучались всему постепенно и естественно, им рассказывали о заповедях в раннем детстве, старались действовать личным примером. С первых лет жизни в ребёнке воспитывалось почтение к старшим, причём не только к собственным родителям, но к бабушкам, дедушкам, учителям. На это нацеливала заповедь «Почитай отца с матерью». Сама формулировка указывает на отсутствие чрезмерного демократизма и фамильярности в такого рода отношениях. Тора требовала от еврейских детей уважать, а не любить своих родителей [10, с. 303–309].

Характерной чертой еврейского общества межвоенного периода был уход от патриархальности. В условиях постоянного нахождения мужчин, занятых добычей средств вне дома, роста эмиграции мужчин, реальная власть в семье переходила к матери. На её плечи возлагалось не только воспитание детей, но и финансовое обеспечение их существования. Так, согласно переписи населения 1931 г., в Полесском воеводстве на 100 евреев, занятых в торговле и в сфере страхования, приходилось 54,6 % женщин [7, с. 268]. Женщины были помощницами своим мужьям в торговле. Каждому шестому еврейскому торговцу помогал член семьи (у торговцев других национальностей – каждому двадцатому) [11, с. 576]. Под воздействием экономических проблем в 1921–1939 гг. иудейки стали занимать значимые, а иногда и лидирующие позиции в различных сферах экономической жизни. Женщины в межвоенный период часто являлись владельцами промышленных предприятий, торговых точек, недвижимости и т.п. Так в городе Кобрине Полесского воеводства единственная кондитерская, рекомендованная для посещения туристам, принадлежала еврейке Софье Бекман. В Торговых рядах города Бреста из 200 магазинчиков 44 принадлежали еврейкам (Голдман Рахель, Гинзбург Хайя, Каменецка Эстера и др.) [3, с. 230].

Кухня евреев в межвоенный период отразила проблемы социальной и экономической жизни общности. Религиозные заповеди о кошерности определяли круг разрешённых в еду продуктов и способ их приготовления. Разрешалось употреблять только чистое мясо животных, которых резали специальные резчики (шохеты), соблюдая определённый ритуал. Запрещалось смешивать мясо с пищей из молока и рыбы. Этническое своеобразие в большой степени сохранялось в обрядовой пище. Наиболее

устойчивыми были её знаковые функции, что объясняется глубокими историческими корнями и сильным влиянием религиозных предписаний. Так, например, к празднику Песах готовили «мацу», к Пуриму – «гоменташы» (треугольные коржики), к Хануке – «латкес» (картофельные оладьи) [1, с. 31–32]. Еврейская религиозная гмина заботилась о соблюдении кашрута. Так, в бюджет на каждый год закладывались статьи расходов на содержание резни, пенсии резникам, праздничную столовую для солдат, на бесплатную мацу бедным и т.п. [6, л. 1–7]. Например, в 1937 г. в Бресте было закуплено 4 000 кг мацы на 7 000 человек [4, л. 336]. Но пауперизация значительно изменила рацион питания евреев Западной Беларуси. Произошёл отход от кашрута, который осуждался раввинами. Например, по воспоминаниям некоторые евреи несмотря на порицание еврейского окружения, постоянно употребляли свинину [2, с. 9–12].

Евреи обязательно соблюдали иудейские традиции. По воспоминаниям жителей местечка Мир, «в пятницу после захода солнца для евреев приходила суббота. Когда в это время приходили в магазин, то они говорили, чтобы посетители сами клали товар на весы, а деньги в кассу» [9, с. 39]. Хотя, по мере ухудшения экономической ситуации, были и случаи отступления от соблюдения религиозных традиций. По воспоминаниям бывшего жителя Волпы Станислава Жуковского «Одним из магазинов в Волпе до 1939 г. владела еврейка Калер Рыфка. В шабаш (субботу) еврейские магазины закрывались, но ради конкуренции раввин разрешил Рыфке нарушить еврейский закон и торговать в субботу» [2, с. 24].

1. Бацяев, В. Рассяленне і этнакультурныя асаблівасці яўрэяў на Беларусі / В. Бацяев // Актуальныя праблемы нацыянальна-культурнага развіцця нацыянальных меншасцей Беларусі. – С. 30–34.

2. Быховцев, Н. Евреи в межвоенный период. / Н. Быховцев // Ваўкавышчына. Краязн. часоп. – 2009. – № 4 (14). – С. 9–12.

3. Вавренюк, И. И. Между синагогой и семьей – замкнутый круг? Жизненный круг еврейских женщин Западной Беларуси (1921–1939 гг.) / И. И. Вавренюк // Круг жизни в славянской и еврейской культурной традиции : сб. ст. Академ. сер. Вып. 49 ; отв. ред. О. В. Белова. – М., 2014. – С. 223–233.

4. Информационные сообщения о гражданах, заподозренных в деятельности, направленной против правительства бывшей панской Польши (9 января – 24 декабря 1937 г.) // Государственный архив Брестской области (далее – ГАБО). – Ф. 93. Оп. 1. Д. 2741.

5. Заявления граждан о выдаче свидетельств об их отношении к существующему режиму бывшей панской Польши для получения заграничных паспортов // ГАБО. – Ф. 2025. Оп. 1. Д. 99..

6. Отчёт об исполнении бюджета еврейской религиозной гмины за 1937 год, Кобрин // ГАБО. – Ф. 370. Оп. 1. Д. 28.

7. Drugi powszechny spis ludnosci z dn. 9.XII.1931 r. – S. 268.

8. Małżeństwa, urudzenia I zgony 1931, 1932. Warszawa. Nakladem Głównego Urzędu Statystycznego. Główny Urząd Statystyczny Rzeczypospolitej Polskiej. – 1939. – 289 s. – S. 2–3.

9. Раманава, І. Мір: гісторыя мястэчка, што расказалі яго жыхары / І. Раманава, І. Махоўская. – Вільня : Еўрапейскі Гуманітарны Універсітэт, 2009. – 247 с.

10. Соболевская, О. Евреи Гродненщины: жизнь до Катастрофы / О. Соболевская, В. Гончаров. – Донецк : НОРД-ПРЕСС, 2005. – 372 с.

11. Sprawy narodowosciowe. – 1929. – № 3–4.

12. Хаздан, Е. Музыка и музыканты в еврейской и белорусской свадьбе / Е. Хаздан // «Старое» и «новое» в славянской и еврейской культурной традиции : сб. ст. / отв. ред. О. В. Белова. Академ. сер. Вып. 39. – М. : Центр «Сефер» ; Ин-т славяноведения Рос. Акад. наук, 2012. – С. 338–356.

УДК 94 (476.6)

И.И. ВАВРЕНЮК

Брест, БрГУ имени А.С. Пушкина

ЭМАНСИПАЦИЯ ЕВРЕЙСКИХ ЖЕНЩИН ПОЛЕССКОГО ВОЕВОДСТВА (1921–1939)

Межвоенный период – переломное время в процессе эмансипации еврейских женщин, пошатнувшее традиционные авторитеты, когда начали выработываться ценности прагматичного, несентиментального общества. Еврейские женщины Полесского воеводства в межвоенный период хоть и жили в религиозной среде, но процессы секуляризации затронули в первую очередь именно их жизнь, позволили выйти из тени мужа, презентовать себя в различных сферах жизни – в культуре, экономике, политике. Согласно нормам иудаизма еврейка позиционировалась как мать и хозяйка, а еврейская община обязана была уважать и защищать её. Талмуд полностью закрывал иудейкам дорогу к публичной жизни. В повседневной жизни ряд религиозных ритуалов возлагался только на женщину, но в синагогах молитвенных домах женщины занимали вторые роли.

У евреек не наблюдалось стремления к правовому равенству полов. Таких лозунгов они не выдвигали. В силу социально-политических, экономических, культурных изменений, которые захлестнули польское общество в 1921–1939 гг., еврейки стали проявлять больше индивидуальной активности, которая привела к изменению их статуса. Эмансипация еврейских женщин протекала весьма бурно и вела от жёстких религиозных традиций к свободе и светскости. Первоначально это проявилось в образовании. Если ранее традиции обязательного образования для девочек не было, так как девочки получали домашнее

образование и воспитание (в лучшем случае – посещали начальную религиозную школу), то в межвоенный период именно девочки составили значимую часть учеников религиозных и светских начальных школ, широкое распространение получили начальные школы для девочек.

В 1930-е гг. под воздействием сионистического движения значительное распространение в польском государстве получили школы с преподаванием на иврите, иврите и польском, идише и польском. Стали динамично развиваться школы как светские, так и религиозные. Востребованными стали «Талмуд-Торы» (традиционные и реформированные). Если в традиционные «Талмуд-Торы» иудейских девочек не принимали, то в реформированных они были представлены довольно широко. Например, в «Талмуд-Торе» Бреста-над-Бугом в 1930/1931 учебном году училось 459 детей в 11 классах (8 мужских и 3 смешанных) [19, л. 6], а в 1931/1932 – 452 ученика [22, л. 8]. Из них девочки составляли примерно 27 %. Эти начальные школы были очень востребованными в силу бесплатности или низкой оплаты за обучение.

В реформированных хедерах иудейки также были довольно широко представлены. В Бресте работал 1-классный хедер «Хинух». В 1925/1926 учебном году в ней училось 50 учеников обоего пола, из них девочек – 38 %. Преподавали три учителя, из них одна женщина (светские предметы) [13, л. 2–12].

Два типа школ культурно-просветительного общества «Тахкемоны» были созданы по всей территории Польского государства: 1) для мальчиков-иудеев, 2) смешанные (для иудейских детей обоего пола). Данное общество отличалось созданием сети школ как религиозных, так и светских. Особенностью обучения в начальных смешанных школах этого общества являлось раздельное обучение девочек и мальчиков одного класса, а совместное – лишь для некоторых предметов и проведения общих мероприятий. Согласно Устава частной коедукационной (смешанной) 7-классной начальной школы «Тахкемоны» в Бресте-над-Бугом обучение велось на двух языках – польском (светских предметов) и иврите (религиозных предметов) [17, л. 1]. Перечень изучаемых предметов отличался разнообразием. Изучали не только иудейскую религию, Тору, Талмуд, польский язык, но и всеобщую историю, историю евреев, немецкий и английский языки [20, л. 1–2об.]. По состоянию на 15.09.1932 г. в школе училось 216 учеников, из которых 32 % составляли девочки [21, л. 44].

Религиозные начальные школы «Явне» были предназначены для еврейских детей обоих полов, но обучение шло раздельно. Обучение шло на польском языке и иврите. Такие школы открывали, в основном, в деревнях и местечках [18, л. 1–2]. Например, в начальной религиозной школе «Явне» в Берёзе-Картузской 62 % учеников составляли девочки [21, л. 57].

В польском государстве действовала и сеть иудейских ортодоксальных учреждений образования «Бейс – Яков», которая давала начальное образование только для девочек. В Полесском воеводстве ярким примером деятельности такого типа школ была 2-хклассная религиозная ортодоксальная начальная школа «Бейс-Яков» в Кобрине, право на открытие которой получил раввин Кобрин Вайнберг Неах [14, л. 2–3]. Эти типы школ пользовались популярностью в ортодоксальной среде. В 1933 г. школа в Кобрине увеличила количество классов до 7 (149 учениц). Среди изучаемых предметов были как религиозные, так и светские предметы: польский язык, иврит, идиш, история, география, природоведение, арифметика, иудаизм, молитва, Тора, Пророки, история евреев и др. [20, л. 22]. Религиозные гмины материально поддерживали школы «Бейс-Яков». В 1937 г. гмина г. Кобрин выделила на эти школы 3593 злотых 55 грошей [31, л. 3об.]. 19.10.1931 г. стала работать в Лунинце 4-хклассная начальная религиозная школа для девочек «Бейс-Яков» (право у раввина Лунинца Юдея Зуляра) [12, л. 3]. С 1937 г. аналогичная религиозная школа для девочек стала работать в Пинске при поддержке Организации евреев – ортодоксов «Агудас Израэль» [15, л. 1]. Эти начальные школы, хоть и заявляли о том, что преподавание будет идти на идише, иврите и польском, но свои декларации не выполняли. Реально они являлись чисто ортодоксальными начальными школами, которые ставили целью не образование и развитие девочек, а воспитание в духе иудейских традиций. Преподавание шло на идише, что было особенно привлекательным для местных иудеев. Ученице прививали мысль, что её роль – это роль матери – хранительницы очага, а место в синагоге (молитвенном доме) – на хорах. Соответственно этому и преподавались предметы. Светские дисциплины изучались очень слабо. По окончании этих начальных школ аттестат выпускники не получали и продолжить образование не могли. Несмотря на ряд недостатков сеть школ «Бейс-Яков» получила широкое распространение по всей территории Польского государства: в 1934/1935 учебном году в них училось 20 тыс., в 1938 г. в 250 школах – 38 тыс. учениц [1, с. 182–183].

Так как по окончании религиозных начальных школ аттестат не выдавали, то многие способные дети обучались параллельно ещё и в государственных начальных школах для того, чтобы в последующем продолжить образование. В светских начальных школах иудейские девочки зачастую представляли доминирующее большинство. Например, в частной начальной школе «Мидраша-Тушия» при товариществе «Тарбут» в Кобрине в 1933/1934 учебном году 60 % учеников (из 231 учеников) составляли девочки [20, л. 26], в частной начальной школе А.Чечиковны в Пинске в 1934/1935 учебном году иудейки составляли 65 % (из 84) [20, л. 49об.], в частной начальной школе «Мидраша-Тарбут» в Пинске в 1932/1933 учебном

году – 51 % (из 400) [21, л. 36], в 1934/1935 учебном году – 50 % (из 631) [23, л. 1], в частной начальной школе Объединения еврейских школ в Высоко-Литовске в 1932/1933 уч.г. – 72 % (из 32) [21, л. 61].

В светском еврейском образовании доминирующие позиции занимало товарищество «Тарбут», которое работало через сеть официальных учреждений: культурно-просветительные организации, детские сады, школы, гимназии, лицеи, учительские семинарии, вечерние школы, курсы для учителей и воспитательниц детских садов и др. «Тарбут» также содержала библиотеки, издавала журналы, учебные программы и учебники [16, л. 1]. На территории Полесья школы «Тарбут» составляли почти половину от общего количества частных еврейских школ [1, с. 185–187]. Школы открывали не только в городах и местечках, где еврейское население было зачастую численно доминирующим, но и в небольших населённых пунктах. Все предметы, кроме польского языка, преподавались на иврите. Обучение в школе «Тарбут» приравнивалось к начальной польской государственной школе. По окончании 6–7-миклассной школы можно было продолжить образование в гимназии «Тарбут», которая славилась высоким уровнем обучения [3, с. 162–164]. Выпускник только в городе Бресте мог специальной комиссией сдать экзамены для получения аттестата государственного образца. Экзамены проходили в несколько этапов и отличались сложностью и строгостью. В 1939 г. успешно сдали экзамены по гуманитарному профилю Шульзингер Гитла и Эдельман Мирьяна. В 1939 г. девушки составили 18 % экзаменуемых [25, л. 48–57].

Еврейки обучались и во многих общеобразовательных учебных учреждениях. Например, в Бресте в 1928 г. из 32 учеников гимназии, содержащейся брестским отделением Полесского научного общества 7 были иудейками [26, л. 2].

Высших учебных заведений в Полесском воеводстве не было.

Полученное образование давало ряд преимуществ в жизни. Будучи двуязычными или многоязычными, девочки имели больше шансов получить работу в польском обществе. Очень многие по окончании учительской семинарии, гимназии или курсов работали учителями и директорами школ. Значительную часть учителей еврейских учебных заведений составляли женщины. Они оканчивали курсы кройки и шитья, курсы рукоделия, 7-классные начальные школы, высшие женские курсы в Киеве, еврейские учительские семинарии, Варшавскую школу изящных искусств и др. [4, с. 28–31].

Не идеализируя уровень образования еврейских женщин межвоенного периода, стоит отметить стремление к получению образования. Не имея зачастую должного образования, еврейки становились руководителями и учителями учебных учреждений. Например, в 2-хклассной начальной

религиозной школе «Твуно» в Антополе директором была Рахиль Яглом [24, л. 1], в начальной школе «Явне» в Рубле Хорской гмины директором была Шустеровна Мария, а владельцем – Голда Носанчук [18, л. 13–32], в Граево директором реформированной школы «Талмуд-Тора» – Лея Поповска. Последняя преподавала польский язык и арифметику, не имея профессионального образования вообще, что было выявлено в результате проверки 1934 г. [24, л. 11об.]. Учителями в большинстве случаев являлись женщины (в городах и местечках – 63–82 %, в сельской местности – 43 % [4, с. 28–31]).

Именно женщины возглавили и две еврейские частные библиотеки в воеводстве – Нахель Сара частную библиотеку в Бресте и Хайя Рувин библиотеку им. Переца в Каменце-Литовском [11, л. 1–2].

Культурная эмансипация иудеев выразилась не только в росте образования, но и в повседневной жизни. Иудейки стали чаще надевать европейские костюмы, носить европейские причёски, самостоятельно или с детьми выезжать за границу [32, л. 61–310]. Еврейки стали себя позиционировать не как часть семьи, мать, жену (хоть ответственности с себя не снимали), а как индивидуумы. Нонсенсом, вызвавшим бурную реакцию хасидских религиозных кругов, явился массовый отказ замужних иудеек Пинска брить голову наголо. Традиционные устои иудаизма в межвоенный период не всегда соответствовали духу времени с характерным для него ростом индивидуализма, свободы и равноправия полов. В вопросе о разводах женщины придерживались передовых взглядов, что не одобрялось иудейской религиозной гминой. Среди сохранившихся документов Брестской еврейской общины все разводы, состоявшиеся в городе, были инициированы женщинами. Среди причин, спровоцировавших развод, еврейки указывали следующие: материальная несостоятельность, несносность характера, отсутствие работы и др. Несмотря на ряд препятствий для разводящихся (святость брака в иудаизме, многоступенчатость процесса развода, личные беседы раввинов с претендентами на развод, 8 этапов согласований и т.п.) все разводы состоялись.

Социальная активность иудеек стала принимать формы, не характерные для еврейских общин. Женщины одни или с детьми стали выезжать за рубеж. Одни, как жена директора фабрики спичек «Прогресс-Вулкан» Софья Гальперн – для отдыха в Германии; другие – с целью эмиграции (Мерим Фердинанд, Рывка Брегман с дочкой, Эля Хейблом, Рывка Мендель с 5 детьми, Берта Высоцка в Палестину, Хеня Мешель в Аргентину, Геня Шейнберг в Англию) [32, л. 61–311].

Одной из общественных сфер, в которой традиционно были активны еврейские женщины, была благотворительность. Иудейки продолжали заниматься традиционной благотворительностью в тех формах, которые

соответствовали текстам Торы: гостеприимство и прокормление голодных (гахнаса торхим); снабжение бедных платьем и обувью (малбища румим); посещение больных и уход за ними (бикур холим); выдача замуж бедных девиц (гахнаса кала) и др. [34, с. 82]. Кроме этого распространёнными становятся чисто светские формы: благотворительные вечера, театральные представления и тому подобные мероприятия. Полученные средства от светских мероприятий перечислялись на летние лагеря, дома престарелых, учебные учреждения и пр.

Идеалом для многих становится актриса Эстер-Рохл Каминская (родом с белорусских земель), которая прославилась и как актриса, и как общественный деятель. Если ранее иудейки могли выступать активно в рамках только религиозного движения как филантропы, то сейчас они стали активны в социально-политической сфере.

В межвоенный период оформилось женское еврейское движение как движение социальное. Этому во многом способствовала «Агудас Исраэль», которая в условиях мирового экономического кризиса стала больше оказывать материальную помощь безработным, еврейским семьям, пожелавшим выехать в Палестину, а также профессиональному образованию. Под влиянием «Агудас Исраэль» находилась организация ортодоксальных женщин «Бнойс Агудат Израэль» и др. [33, с. 63]. На территории Полесского воеводства в Берёзе-Картузской и Шерешово легально действовали ячейки «Союза еврейских женщин». В 1931 г. Беркович Хайя (Берёза-Картузская) и Рута Залича (Шерешово), возмущённые результатами выборов в еврейские гмины, отослали телеграмму в министерство вероисповеданий в Варшаве, чем вызвали негодование местных властей, расследование старосты и воеводы [8, л. 2–6].

В окружной комитет Полесского и Любельского воеводств Еврейского культурно-просветительского товарищества «Фрайгайт», находящегося под влиянием Поалей Цион левицы, была избрана в 1933 г. женщина – Сара Тененбаум из Кобрин [27, л. 5об.].

Иудейки проявляли немалую политическую активность, что особенно проявилось во второй половине 1930-х гг. в связи с усилением польского антисемитизма. Так, объединение сионисток «Визо» высказались «за протест от имени еврейской матери против продолжавшихся несколько месяцев эксцессов и насилия, проводившихся безответственной частью академической молодёжи по отношению к еврейской молодёжи во всех учебных заведениях и выразили поддержку еврейским учащимся в защите их еврейской чести» [2, с. 71].

Эмансипация женщин Полесского воеводства носила частично экспортированный характер. Часто с лекциями различного характера приезжали женщины – лекторы, которые своими выступлениями и личным

примером показывали иной образ иудейки и подталкивали их к активности. Например, 11 марта 1933 г. в Бресте выступала с лекцией на польском языке, организованной Товариществом библиотек и читален «Телль-Хай» («Зелёный холм») доктор Эстер Трест на тему «Влияние Фрейда на литературную теорию» [28, л. 21].

О расширении кругозора и сломе традиций свидетельствовало и само общество. Вряд ли было возможным ранее проведение лекции для евреек «Товариществом охраны здоровья» в Бресте-над-Бугом на темы «Гигиена брака» и «Сексуальное поведение у животных и людей» [9, л. 137], «Безопасность аборта», «Наступление беременности», «Гигиена супружества» [29, л. 311]. Кроме лекций проводили и такие мероприятия как общественные суды и дискуссии. Темы выбирались животрепещущие и ранее просто запретные. 14 октября 1933 г. в помещении гимназии Масловского проходил суд над абортom. Суд возглавлял доктор Эпштейн. Ассистентами и адвокатами были врачи Одунски, Гловински, Крайнштейн. Экспертами выступали Кломель и Тенебаум из Бунда, Мянновицкий – из Поалей Цион левицы. На этом мероприятии выступил и специально приглашённый оратор из Варшавы Крук. Этот импровизированный суд вызвал большой интерес, зал был переполнен. На мероприятие собралось более 500 человек [29, л. 3–11]. В 1924 г. отдел в брестский отдел Товарищества помощи еврейским студентам в Польше организовал и провёл лекцию на тему «Женский вопрос и Израиль» [9, л. 203]. В еврейской прессе тоже поднимался «женский вопрос». В прессе говорилось о роли женщины: ей уготована роль главной воспитательницы молодого поколения, того самого, которое сформирует облик грядущей эпохи.

Под воздействием экономических проблем межвоенного периода иудейки стали занимать значимые, а иногда и лидирующие позиции в различных сферах экономической жизни. Например, в Кобрине единственная кондитерская, рекомендованная для посещения туристам, принадлежала еврейке Софье Бекман [5, л. 103].

Женщины в межвоенный период часто являлись владельцами промышленных предприятий, торговых точек, недвижимости и т. п. Безусловно, не все из них составляли должную конкуренцию аналогичным мужским предприятиям. Например, в 1933 г. Хая Пацыкольская из Ганцевич обратилась с заявлением к воеводе о том, что механизировать свою пекарню по выпечке мацы не будет по причине материальных проблем. В заявлении она указала, что в пекарне работает с 7 лет и ежедневная выпечка составляет примерно 16 кг. Причём санитарные власти региона состояние пекарни признали удовлетворительным [7, л. 77–77об.].

В Бресте по состоянию на 1926 г. из 13 гостиниц и меблированных комнат тремя (гостиницей «Центральная», меблированными комнатами

«Варшавские» и «Белостоцкие») владели иудейки [30, л. 11]. В Торговых рядах из 200 магазинчиков 44 принадлежали еврейкам (Голдман Рахель, Гинзбург Хайя, Каменецка Эстера и др.) [10, л. 1–44].

Женщинам была присуща и определённая доля авантюризма: в Лунинце владелица магазина А. Белостоцка вместо торговли занялась ресторанным делом, проживая в Пинске, а делами вместо неё руководила Хася Флакман, которая не раз попадала в полицейские сводки [6, л. 35–35об.].

Таким образом, специфические условия, в которых находилось еврейство Западной Беларуси, заставили еврейскую женщину активно участвовать в жизни общества. Эмансипация явилась результатом воздействия различных факторов: политических, экономических, социальных, культурных. В условиях проживания в «инаковом» мире Польского государства, в окружении этнически и конфессионально пёстрого общества, еврейская женщина вынуждена была приспособливаться, а приспособливаясь – модернизироваться. В условиях Польского государства, где государственным языком был польский язык, евреи для того, чтобы выжить и получить работу должны были изучить польский язык. Эмансипация еврейских женщин в Полесском воеводстве совпала с бурным культурным развитием евреев Польского государства в 1921–1939 гг. Еврейки смогли реализовать право на образование, обучаясь в начальных, средних, профессиональных учебных заведениях, посещая курсы, лекции. Эмансипация женщин связана с обретением женщинами опыта пребывания в публичном пространстве, опыта презентации себя как индивидуальности, опыта представления своих интересов в социуме – в торговле, общественной жизни и т.п.

1. Вабішчэвіч, А. М. Нацыянальна-культурнае жыццё Заходняй Беларусі (1921–1939 гг.) / А. М. Вабішчэвіч. – Брэст : БрДУ імя А.С. Пушкіна, 2008. – 319 с.

2. Вавренюк, И. И. Антисемитизм как проблема развития еврейского населения Полесского воеводства (1921–1939 гг.) / И. И. Вавренюк // Працэсы ўрбанізацыі ў Беларусі ў XIX – пачатку XXI ст. : зб. навук. арт. / ГрДУ імя Я. Купалы ; рэдкал. І. П. Крэнь, І. В. Соркіна (адк. рэд.) [і інш.]. – Гродна : ГрДУ, 2010. – С. 63–73.

3. Вавренюк, И. И. Образование «Гарбут» в Западной Беларуси (1921–1939гг.) / И. И. Вавренюк // Религия и общество : сб. науч. ст. VI Междунар. науч.-практ. конф., Могилев, 13 мая 2011 г. / Могилёвский государственный университет имени А. А. Кулешова / под общ. ред. В. В. Старостенко, О. В. Дьяченко. – Могилёв : МГУ им. А. А. Кулешова», 2011. – С. 162–164.

4. Вавренюк, И. И. Портрет учителя еврейской школы Бреста-над-Бугом (1921–1939 гг.) / И. И. Вавренюк // Личность в истории: героическое и трагическое материалы Четвёртой междунар. науч.-практ. конф. студентов, аспирантов и молодых учёных, Брест, 26–27 нояб. 2010 г. – Брест : Изд-во БрГУ, 2011. – С. 28–31.

5. Распоряжения и постановления воеводы о правилах поведения промышленности; отчёты о проведении ревизии промышленных предприятий

г. Бреста. Списки гостиниц в Кобрине и Пинске с указанием фамилий владельцев // Государственный архив Брестской области (далее – ГАБО). – Ф. 1. Оп. 3. Д. 760.

6. Решения полесского воеводы, заявления граждан и переписка с поветовыми старостами об открытии предприятий в Дрогичинском повете (1933–1939 гг.) // ГАБО. – Ф. 1. Оп. 3. Д. 763.

7. Решения полесского воеводы, заявления граждан и переписка с поветовыми старостами о постройке механических пекарен по территории Полесского воеводства (11 декабря 1931 – 5 марта 1934 г.) // ГАБО. – Ф. 1. Оп. 3. Д. 817.

8. Дело о проведении выборов членов в Союз еврейских женщин. Дело о расследовании посылки телеграммы в Министерство вероисповеданий по вопросу о выборах в еврейской гмине председателем Союза женщин Беркович Хайи (28 мая 1931 – 24 сентября 1931 г.) // ГАБО. – Ф. 1. Оп. 3. Д. 1291.

9. Заявления и сообщения общественных организаций о проведении лекций и др. // ГАБО. – Ф. Р-2. Оп. 1. Д. 385.

10. Смета расходов на строительство торговых рядов и списки владельцев торговых магазинов (1932 г.) // ГАБО. – Ф. 5. Оп. 1. Д. 1893.

11. Сведения о составе деятельности частной еврейской библиотеки (27 мая 1932 г. – 12 февраля 1935 г.) // ГАБО. – Ф. 16с/93. Оп. 1. Д. 1618.

12. Распоряжение попечительства Полесского школьного округа от 21 октября 1931 г. о предоставлении раввину Зуляру Юделю права на открытие еврейской религиозной школы «Вет Jakob» в г. Лунинце // ГАБО. – Ф. 59. Оп. 2. Д. 580.

13. Решение Попечительства Брестского школьного округа о предоставлении Кагану Юделю права на открытие частной религиозной школы «Хинух»; заявления учителей о предоставлении им службы с приложением свидетельств об образовании и актов гражданского состояния; финансовый отчёт и учебная программа школы // ГАБО. – Ф. 59. Оп. 2. Д. 586.

14. Решение Попечительства Полесского школьного округа о закрытии частной школы, содержащейся раввином Вайнбергом Неахом в г. Кобрине (7 февраля 1929 – 3 июля 1929 г.) // ГАБО. – Ф. 59. Оп. 2. Д. 590.

15. Решения попечительства Брестского школьного округа и переписка с еврейскими организациями и др. об открытии частных еврейских школ; устав еврейской школы при пинской гимназии товарищества «Тарбут» (29 января 1930 г. – 20 августа 1938 г.) // ГАБО. – Ф. 59. Оп. 2. Д. 591.

16. Устав еврейского товарищества «Тарбут» в Польше, утверждённый в 1928 году // ГАБО. – Ф. 59. Оп. 2. Д. 604.

17. Уставы Товарищества «Тахкемоны» по оказанию помощи учащимся – евреям и школы общего обучения г. Бреста, содержащейся этим товариществом (30 сентября 1932 г. – 25 марта 1933 г.) // ГАБО. – Ф. 59. Оп. 2. Д. 608.

18. Устав, учебные программы и бюджеты частной религиозной еврейской школы «Явне» в дер. Рубель гм. Хорской Столинского повета (21 сентября 1932 – 1 марта 1933 г.) // ГАБО. – Ф. 59. Оп. 2. Д. 613.

19. Отчёты Брестского школьного инспектора о результатах обследования частных школ общего обучения в г. Бресте за 1929–1930 гг. // ГАБО. – Ф. 59. Оп. 2. Д. 648.

20. Отчёт дирекции религиозных еврейских школ об организации учёбы 1932/1933 г. // ГАБО. – Ф. 59. Оп. 2. Д. 662.

21. Отчёты директоров частных школ общего обучения об организации учёбы в их школах на 1932 – 1933 уч. г. (21 сентября 1932 г. – 6 октября 1937 г.) // ГАБО. – Ф. 59. Оп. 2. Д. 664.

22. Отчёт дирекции частных еврейских религиозных школ об организации учёбы в школах // ГАБО. – Ф. 59. Оп. 2. Д. 666.

23. Отчёт директора 7-классной еврейской школы общего обучения «МидрашаТарбут» в г. Пинске об организации учёбы в школе в 1934 г. // ГАБО. – Ф. Р-59. Оп. 2. Д. 669.

24. Отчёты поветовых школьных инструкторов о результатах обследования частных еврейских школ общего обучения Брестского школьного округа за 1934 – 1939 годы // ГАБО. – Ф. 59. Оп. 2. Д. 672.

25. Протоколы сдачи гражданами экзаменов на аттестат зрелости экстерном (О – Я). (10 июня 1924 г. – 23 мая 1939 г.) // ГАБО. – Ф. Р-59. Оп. 2. Д. 1396.

26. Заявления жителей города Бреста о приёме их детей в гимназию, содержавшуюся брестским отделением научного общества, список учащихся (26 марта – 28 ноября 1928 г.) // ГАБО. – Ф. 59. Оп. 2. Д. 1510.

27. Сведения о деятельности Еврейского культурно – просветительского товарищества «Фрайгайт» в г. Бресте за 1932 г. // ГАБО. – Ф. Р-93. Оп. 1. Д. 1606.

28. . Сведения о составе и деятельности еврейской социал-демократической рабочей партии в Бресте-над-Бугом (1 апреля 1932 г. – 11 декабря 1933 г.) // ГАБО. – Ф. Р-93. Оп. 1. Д. 1607

29. Сведения о составе и деятельности Товарищества охраны здоровья («ТОЗ») (1932 – 1933 гг.) // ГАБО. – Ф. 93. Оп. 1. Д. 1619.

30. Информация Брестского магистрата Министерству общественных работ Польши о гостиницах, ресторанах, кондитерских и кафе г. Бреста // ГАБО. – Ф. 93. Оп. 1. Д. 3079.

31. Отчёт об исполнении бюджета еврейской религиозной гмины за 1937 г. (г. Кобрин) // ГАБО. – Ф. 370. Оп. 1. Д. 28.

32. Заявления граждан о выдаче свидетельств об их отношении к существующему режиму бывшей панской Польши для получения заграничных паспортов (15 января 1920 – 14 декабря 1923 гг.) // ГАБО. – Ф. Р-2025. Оп. 1. Д. 99.

33. Свирид, А. Еврейская ортодоксальная партия «Агудат Исраэль» в социально-политическом движении Западной Беларуси / А. Свирид // Евреи Беларуси / Израиль. Культурно-информационный центр, Открытый университет Израиля в Беларуси. Вып. 1.

34. Функ, Ю. В. Евреи Беларуси в конце XIX – начале XX в. / Ю. В. Функ – Минск : БелНИИДАД, 1998.

УДК 947.6 (1921–1939)

Г.С. ВАЙЦЕШЧЫК

Гродна, ГрДУімя Я. Купалы

ФАРМІРАВАННЕ КУЛЬТУРНАЙ ПРАСТОРЫ МЯСТЭЧАК ПАЛЕСКАГА ВАЯВОДСТВА Ў 1921–1939 гг.

Складванне культурнай прасторы мястэчка як пэўнай сферы спалучэння і ўзаемадзеяння культурных навацый і традыцый – працэс вельмі доўгі, на фарміраванне якога ўплываў цэлы шэраг фактараў: эканамічны патэнцыял мястэчка як гандлёва-прамысловага цэнтра,

адміністрацыйны статус мястэчка як цэнтра гміны ці павета, сувязь мястэчка з буйнымі маёнткамі, горадам. Найбольш інтэнсіўна гэтыя працэсы працякалі ў 30-я гг. XX ст., калі стабілізавалася польская эканоміка, назіраўся спад сацыяльнай і нацыянальнай напружанасці.

У міжваенны перыяд працэсы мадэрнізацыі ў тэхнічнай, навуковай і культурнай сферах павялічвалі статус адукаваных людзей у месчачковым грамадстве. Гэта стварала перадумовы для павелічэння колькасці школ, спецыяльных сярэдніх навучальных устаноў. Беларуская моладзь, якая “шукала шансаў у жыцці праз адукацыю”, хадзіла ў польскія школы, бо беларускіх у 30-я гг. XX ст. амаль не стала. Такім чынам, у 20–30 гг. XX ст. вырасталі пакаленне інтэлігенцыі беларускага паходжання, але польскай нацыянальнай арыентацыі. Большасць мястэчкаў была ўключана ў дзяржаўную акцыю (1937–1939 гг.) па будаўніцтву 100 польскіх школ імя Ю. Пілсудскага. Акцыя актыўна праводзілася ў Віленскім, Навагрудскім і Палескім ваяводствах. З агульнадзяржаўнага фонду, як сведчаць архіўныя крыніцы, было выдзелена 3 144 000 зл. для будаўніцтва школьных будынкаў у адзначаных ваяводствах [1, арк. 299]. Як вынік у 1937–1939 гг. у мястэчках Палескага ваяводства новыя польскія школы з’явіліся ў Лахве, Беражной, Высоцку, Гарадзечне, Сяльцы, Малечы, Маларыце, Дывіне, Жабінцы, Пагосце, Хомску, Платніцы, Давід-Гарадку, Антопалі, Серніках [1, арк. 123, 130, 321, 334, 233, 253].

Культурнае асяроддзе палескага мястэчка фарміраваў тэатр. Тэатральнае прадстаўленне было сапраўдным святам у паўсядзённым жыцці месчачкоўцаў Заходняй Беларусі. Спектакль вырываў месчачкоўцаў са звыклых патрыярхальна-архаічных умоваў жыцця, уводзіў іх у свет высокага мастацтва, выклікаў адмысловыя запатрабаванні і проста быў месцам адпачынку.

Тэатральнымі цэнтрамі Заходняй Беларусі былі пераважна гарады, у якіх дзейнічалі прафесійныя ці паўпрафесійныя пастаянныя і вандроўныя тэатры, якія мелі сваю гісторыю, традыцыі, вядомых актёраў.

Віленская Рэдута за перыяд з 1926 па 1928 гг. адыграла на Усходніх Крэсах 502 прадстаўленні ў 173 мясцовасцях (пераважна гарадах і мястэчках) [2, s. 75]. Гастролі тэатра ў палескіх мястэчках доўжыліся ад 1 да 5 дзён. 19 ліпеня 1929 г. была пастаўлена камедыя “Сябры”, якой распачаўся гастрольны тур Рэдуты ў Паставах [3, s. 4]. У Ганцавічах у 1929 г. падчас гастроляў тэатра Рэдуты адміністрацыя тэатра паніжала цэны на тэатральныя прадстаўленні, каб сабраць больш глядачоў [4, арк. 25, 35]. Выключна польскі рэпертуар п’ес не заахвочваў месчачкоўцаў да наведвання тэатральных пастановак Рэдуты. Аднак вандроўныя тэатры нацыянальных меншасцей з’яўляліся неканкурэнтаздольнымі ў параўнанні з польскімі прафесійнымі тэатрамі. Таму насельніцтву нічога не

заставалася, як наведваць тыя прадстаўленні, якія прапаноўваліся. Разам з тым, нельга адмаўляць і той факт, што, знаёмячыся з рэпертуарам польскіх тэатраў, насельніцтва мястэчак далучалася да польскага і сусветнага мастацтва.

Арганізацыя тэатральных прадстаўленняў і канцэртаў была адной з найбольш пашыраных і значных форм уздзеяння на свядомасць жыхароў мястэчак для нацыянальных партый, культурна-асветніцкіх, маладзёжных таварыстваў. Самадзейная форма арганізацыі тэатральнай дзейнасці прадвызначыла часовы характар функцыянавання і невысокі прафесійны ўзровень майстэрства месчачковага аматарскага тэатра на працягу ўсяго міжваеннага часу.

Выключна польскамоўным рэпертуарам вылучаліся тэатральныя прадстаўленні Саюза стральцоў, Саюза асаднікаў, Саюза каталіцкай моладзі, Школьнай Маці, Саюза польскай моладзі і іншых польскіх культурна-асветніцкіх арганізацый.

Згодна са справаздачай палескага ваяводы за 1932 г., драматычныя секцыі Саюзаў Стральцоў з мястэчкаў Гарадзец, Ганцавічы, Сялец, Камень-Літоўск арганізавалі па некалькі тэатральных выступленняў не толькі ў адзначаных мястэчках, але і па навакольных вёсках. Адзначаючы актыўнасць дзейнасці мясцовых Саюзаў, палескі ваявода звярнуў увагу на значнае пашырэнне польскага тэатральнага мастацтва на вёсцы, аддаленай ад культурных асяродкаў [5, арк. 3].

Пашырэнне беларускай нацыянальнай культуры ў мястэчках праз тэатральную дзейнасць была важнай мэтай і формай барацьбы супраць гвалтоўнай паланізацыі для нацыянальных суполак, беларускіх культурна-асветніцкіх таварыстваў і саюзаў. Іх праца ў гэтым накірунку была шырокамаштабнай і вельмі плённай, але мела шмат перашкод з боку мясцовай адміністрацыі, паліцыі і самой сістэмы польскіх законаў.

Заснаванне гурткоў Таварыства беларускай школы (ТБШ), Камуністычнага саюза моладзі Заходняй Беларусі (КСМЗБ), Беларускага інстытута гаспадаркі і культуры (БІК), Таварыства беларускай асветы (ТБА), Беларускага студэнцкага саюза (БСС) садзейнічала пашырэнню тэатральнай самадзейнасці ў мястэчках Палескага ваяводства.

Газета “Народная справа” ў 1926 г. пісала: “28 жніўня ў мястэчку Яромічы ладзіўся спектакль. Народу сабралася поўная зала, усім месца не хапіла. Гулялі “Дзяцьку Якуба” Ф. Аляхновіча. На спектакль прыбыў сам Стаўпецкі стараста” [6, с. 3]. Пераважна сацыяльная тэматыка п’ес выклікала вельмі моцныя эмацыйныя перажыванні ў глядача. Паказваючы на сцэне станоўчыя і адмоўныя бакі паўсядзённага жыцця, тэатр быў барометрам грамадскай і палітычнай сітуацыі ў рэгіёне, сувязным звяном

паміж тым, аб чым марыў беларускі народ, і тым, што адбывалася ў тагачаснай рэчаіснасці.

Літоўскія і ўкраінскія культурна-асветніцкія арганізацыі праводзілі не менш значную працу па арганізацыі драматычнай дзейнасці ў мястэчках Заходняй Беларусі. Украінскае таварыства “Proświta” ў 1932 г. у Жабінцы арганізавала спектакль на ўкраінскай мове “Адам і Ева”, на які сабралася 50 чалавек. Даход ад прадстаўлення (53 злотых) быў прызначаны на грамадскія патрэбы таварыства [5, арк. 9].

Яўрэйскія аматарскія месчачковыя тэатры па сваёй колькасці амаль не саступалі польскім. Яўрэі вельмі клапаціліся аб захаванні сваёй мовы і ідышскай традыцыі. Яўрэйскае грамадства праяўляла высокія патрабаванні да якасці пастацовак, ігры актёраў, але разам з тым аказвала дапамогу і фінансавую падтрымку тэатральным калектывам. Саюзы яўрэйскіх купцоў, рамеснікаў стваралі і фінансавалі свае драматычныя гурткі яўрэйскай моладзі. Аматарскія тэатральныя прадстаўленні ў мястэчках Драгічынскага павета (Драгічыне, Янава, Моталі, Хомску) існавалі, дзякуючы фінансавай падтрымцы мясцовых яўрэйскіх саюзаў рамеснікаў і купцоў [7, арк. 34]. Значная фінансавая падтрымка драматычных секцый з боку яўрэйскіх гандляроў і рамеснікаў дазваляла ім аддаваць частку даходаў ад тэатральных прадстаўленняў на дабрачынныя мэты. Так, каля 200 асоб сабралася 21 красавіка 1927 г. у Івянцы на тэатральнае прадстаўленне “Талмудзіст”, арганізаванае Саюзам яўрэйскіх рамеснікаў, даход ад якога быў прызначаны на дапамогу яўрэйскім дзецям-сіротам [8, арк. 45]. Яўрэйскае таварыства “Brit Trumpkedor” у Моталі ў 1932 г. арганізавала тэатральнае прадстаўленне, даходы ад якога пайшлі на дапамогу яўрэйскім беспрацоўным [5, арк. 14].

Забудова мястэчкаў мела своеасаблівыя адметныя рысы, назіранне за якімі дазваляе ў некаторай ступені меркаваць аб спецыфіцы нацыянальнага складу насельніцтва мястэчка. Найбольшую шчыльнасць мела забудова цэнтральнай часткі мястэчка, якую засялялі пераважна яўрэі. Разнароднасць сацыяльнага і нацыянальнага складу насельніцтва, вялікі працэнт яўрэйскага насельніцтва былі характэрны для ўсіх мястэчак Заходняй Беларусі ў міжваенны час. Аднак неабходна заўважыць тую акалічнасць, што ў параўнанні з іншымі заходнебеларускімі ваяводствамі на Палессі ўвогуле адсутнічалі мястэчкі, дзе б не пражывала яўрэйскае насельніцтва ці яго канцэнтрацыя складала толькі 1–2 % ад агульнай колькасці насельніцтва [9, s. 1–84].

Пабудовы яўрэйскія былі архітэктурна аформлены і выглядалі вельмі багата, яны і цяпер упрыгожваюць месчачковыя вуліцы. Характэрнай асаблівасцю яўрэйскіх жылых дамоў мястэчка Янова была наяўнасць адтуліны ў даху, неабходнай для Сукот, якая закрывалася люкам (Сука –

будан, які будаваўся падчас святкавання Сукот – яўрэйскага свята). Згодна з галахічнымі пастановамі скрозь дах сукі можна было бачыць зоркі і даць магчымасць дажджу трапляць унутр дома [10]. Забудова перыферычных раёнаў мястэчак, дзе сялілася насельніцтва хрысціянскага веравызнання, мела іншы характар: сядзібны, разрэжаны, па сутнасці – сельскі. У мястэчку Ленін па прычыне таго, што яно знаходзілася ў нізіне, на балотах, жылыя дамы будаваліся на драўляных мосціках [11, s. 90].

Развіццё рамяства, гандлю, шляхоў зносін уплывала на фарміраванне культурна-прасторавага асяроддзя ў мястэчках. У міжваенны перыяд пасяхова развіваліся і ўзняліся на ўзровень гарадоў такія палескія мястэчкі, як Драгічын, Дывін, Мікашэвічы, Маларыта, Высоцк, Кажан-Гарадок, Камень-Літоўскі, Моталь, Янова, Лахва. Менавіта эканамічныя чыннікі (развіццё правысловасці, форм арганізацыі гандлю і рамяства) садзейнічалі таму, што асобныя мястэчкі Палесся былі спецыялізаванымі гандлёвымі і прамысловымі цэнтрамі гмін, паветаў і нават ваяводства.

Рост попыту насельніцтва на рамесныя спецыяльнасці сферы пасуг, асабліва фатографіі, цырульнікаў, гадзіннікавых майстроў, механікаў па рамонту тэхнікі і транспарту і інш. садзейнічала канцэнтрацыі вясковага насельніцтва ў мястэчках, якое становілася актыўным спажывецтвам новых тэндэнцый сацыяльнага жыцця ХХ ст.

Вясковы выгляд і элементы гарадскога дабрабыту арганічна спалучаліся ў палескіх мястэчках, надаваючы ім вобраз непаўторнага “правінцыяльнага гарадка”, у якім віравала жыццё – эканамічна актыўнае па мерках вёскі і талерантна спакойнае ў адрозненні ад горада. Падчас падарожжа па Целяханах у 30-я гг. ХХ ст. двух знаных рэпарцёраў з Варшавы Ю. Маскевіча і К. Прушыньскага падкрэслена правінцыяльнасць і непаўторнасць мястэчка: “Нарэшце Целяханы. На цэнтральнай вуліцы Маршалкоўскай, якая вельмі падобна да варшаўскіх вуліц, адны віна-водачныя магазіны. Шынкі, гандаль алкаголем, піваварні, магазіны віна і водкі. Яўрэі прадаюць у сваіх “галечных хатках” танную і найгоршую водку. Усе іншыя тавары як дадатак да асноўнага – водкі ці махоркі. Нават аптэчны склад знаходзіцца ў будынку віна-водачнага магазіна. Усё тут правінцыяльнаму, па-целяханску: местачковец, які мае 100 злотых, успрымаецца за магната, дзяўчына, якая чытае не толькі святое пісанне, – за інтэлектуалку” [12, s. 269].

Вясною палескае мястэчка пусцела, жыццё ў ім “ажывала” пераважна восенню і зімой, калі насельніцтва адрывалася ад гаспадаркі і імкнулася да разнастайнасці паўсядзённага жыцця, наведваючы адпаведныя месцы адпачынку. Комплекснымі па сваіх функцыях і прызначэнню былі народныя дамы (domy ludowe), у якіх размяшчаліся бібліятэкі, тэатральныя і кіназалы, штаб-цэнтры польскіх культурна-асветніцкіх, спартыўных, крязнаўчых

таварыстваў і саюзаў, ціры, спортзалы і нават басейны [13, s. 304]. У сувязі з тым, што ў будынках такога тыпу магчыма было ажыццявіць розныя формы культурна-асветніцкай працы па апалячванню насельніцтва, польская ўлада надавала вялікую ролю будаўніцтву народных дамоў у мястэчках. Так, як сведчаць архіўныя крыніцы, у Лахве ў 1927 г. павятовы Сеймік выдзеліў 2 500 зл. на рамонт народнага дома і будаўніцтва ў ім спартыўнай залы [14, арк.7]. Увогуле, у 1922 г. на крэсах усходніх дзейнічала 43 народных дома, у 1933 г. – 97 [15, s. 236].

Такім чынам, культурнае жыццё палескага мястэчка ў параўнанні з горадам было больш спакойным, у параўнанні з вёскай – больш інтэнсіўным. Арганічнае спалучэнне гарадскога і вясковага ладу жыцця надавала спецыфіку мястэчку, якая праяўлялася ў забудове і планіроўцы, у паўсядзённым жыцці яго жыхароў, іх светаўспрыманні. Адсутнасць вышэйшых і нязначная колькасць сярэдніх навучальных устаноў, малая колькасць творчай эліты, гвалтоўная паланізацыя прадвызначылі пэўнае “непрыняцце” новых змен, якія “навязвала” новая ўлада, што запавольвала працэсы мадэрнізацыі культурнага жыцця насельніцтва мястэчак. Задавальненне культурных патрэбнасцей, баўленне вольнага часу абмяжоўвалася той сацыяльнай ці нацыянальнай групай, да якой належаў местачковец. Аднак працэс змен у культурным развіцці насельніцтва быў незваротным, галоўным ініцыятарам якога выступала польская ўлада.

1. Дело о строительстве школ органами самоуправления, 1938 // Дзяржаўны архіў Брэсцкай вобласці (далей – ДАБВ). – Ф. 1. Воп. 1. Спр. 1076.
2. Śmigielski, B. Reduta w Wilnie (1925–1929) / B. Śmigielski. – Warszawa : Instytut wydawniczy “Pax”, 1989. – 168 s.
3. Zabytki architektury i budownictwa w Polsce: województwo Białostockie. – Warszawa : Ośrodek Dokumentacji Zabytków, 1992. – Т. 3. – 370 s.
4. Устав товарищества покровительства любительским театром в Полесье и списки театральных спектаклей за 1929–1930 гг. // ДАБВ. – Ф. 1. Воп. 2. Спр. 2421.
5. Archiwum Akt Nowych w Warszawie (AAN w Warszawie). – Zespół 1183. – Sygn. 14. Sprawozdanie sytuacyjne miesięczne z ruchu społ. Politycznego i mniejszości narodowych za 1–12.1932 г.
6. Народная справа. – 1926. – 21 верас.
7. Устав товарищества покровительства любительским театром в Полесье и списки театральных спектаклей за 1929–1930 гг. // ДАБВ. – Ф. 1. Воп. 2. Спр. 2421.
8. Донесение об общественно-политическом состоянии в Воложинском повете в 1927 г. // Занальны дзяржаўны архіў у г. Маладзечна (ЗДАМ). – Ф. 14. Воп. 1. Спр. 27.
9. Skorowidz miejscowość i Rzeczypospolitej Polskiej. Т. 8. Województwo Poleskie : Nakładem Głównego Urzędu Statystycznego. – Warszawa, 1924.
10. Населення пункты Рэспублікі Беларусь [Электронны рэсурс]. – Рэжым доступа: <http://www.radzima.org>. – Дата доступа: 01.06.2012.
11. Nagurski, T. Przemysł i handel w Wileńskim i Nowogródzkim / T. Nagurski. – Wilno: Nakładem Wilenskiej Izby Rolniczej, 1934. – 60 s.
12. Rakowski, G. Smak Kresów / G. Rakowski. – Ruszków : Rewasz, 2001. – 354 s.

13. Wabiszczewicz, A. Oświata i kultura Żydów na teritorium województwa poleskiego w latach 1921–1939 / A. Wabiszczewicz // Kwartalnik Historii Żydów. – 2007. – № 3 (223). – S. 285–293.

14. Дело о строительстве народных домов Лахве в 1928–1927 гг. // ДАБВ. – Ф. 1. Воп. 4. Спр. 369.

15. Mały rocznik statystyczny za 1936 r. – Warszawa : Główny Urząd Statystyczny Rzeczypospolitej Polskiej – 278 s.

УДК 94(495)

Г.В. ВАСЮК

Гродно, ГрГУ имени Я. Купалы

ИСТОРИЯ ПОВСЕДНЕВНОСТИ В ТРУДАХ СОВЕТСКИХ И СОВРЕМЕННЫХ РОССИЙСКИХ ВИЗАНТИНИСТОВ

В настоящее время наблюдается всплеск интереса к истории Византийской империи. Это государство прекратило своё существование более 500 лет тому назад. Однако огромный пласт его культурно-исторического наследия оказывается востребованным до настоящего времени. Рафинированная византийская духовность, глубина проникновения в тайны человеческого сознания в поисках гармонии, единения мира с Богом и сегодня даёт надежду человеку, открывает ему новые горизонты на пути духовно-нравственного совершенствования.

Исследования по истории Византии актуальны для белорусской исторической науки. Земли Беларуси с начала христианизации испытывали значительное влияние византийской культуры. В нашей культуре, в нашей истории имеется большая доля византийского наследия, которое до настоящего времени должным образом не изучено и не оценено.

Исторически сложилось так, что в Беларуси не было центров по изучению Византии. Византиноведение развивалось в то время, когда наши земли входили в состав Российской империи, во второй половине XIX – начале XX в., прежде всего в Санкт-Петербурге, в ряде других городов, крупных университетских центрах. В этот период были созданы труды, которые условно можно отнести к истории повседневности. Например, исследования Н.А. Скабалановича «Византийская наука и школы в XI в.», «О нравах византийского общества в Средние века» [14; 15], труд А.П. Рудакова «Очерки византийской культуры по данным греческой агиографии» [13], работа П.В. Безобразова «Очерки византийской культуры» [1].

Изучение истории Византии в советской историографии было связано с рядом сложностей. Как отмечает современный российский

византинист И.П. Медведев: «...Византиноведение как научная дисциплина оказалось ненужным, так как оно, по крайней мере в глазах большевистских идеологов и марксистских историографов (а они отождествляли себя с «русской передовой общественностью») было «политически скомпрометировано тем особым поощрением, которое оно получало от царского правительства» [9, с. 184].

Многие византинисты, будучи в силу своих профессиональных занятий, монархистами и глубоко верующими людьми, не приняли советского строя, эмигрировали в другие страны, те, кто остался, влачили жалкое существование. Исследовательский интерес к Византии проявляли в конце 20-х гг. XX в. лишь отдельные исследователи, как, например, академик Ф.И. Успенский.

Советское византиноведение начинает формироваться лишь к концу 1930-х гг. Обращение к византийской тематике связано с включением в идеологическую программу советского патриотизма, в основе которого нашли себе место идеи и стереотипы, идущие от имперской традиции, идеи России как Третьего Рима, панславизма. Конечно, в то время подобные мысли не могли провозглашаться открыто. Например, известный советский византинист М.В. Левченко так объяснял необходимость изучения истории Византии: «...Интерес к истории Византии в наше время не связан, как при царизме, с какими-то захватническими планами, а является чисто научным интересом, обусловленным многовековым воздействием византийской культуры на культуру народов СССР» [7, с. 261].

Возрождение интереса к византийской тематике в Советском Союзе проходило в условиях господства марксистско-ленинской методологии, в рамках теории формации, с её приматом производительных сил и производственных отношений, и подчинённости им идеологической надстройки. Формационный подход, оперируя крайне широкими категориями, не давал возможности для исследований в рамках истории повседневности.

Со второй половины 1950-х – начале 1960-х гг. исследования по истории Византии в условиях «хрущевской оттепели» получают дальнейшее развитие. Советские византинисты знакомятся с новейшими достижениями мировой исторической мысли, новыми методологиями исторического исследования, естественно, что всё это проходило в рамках критики буржуазных концепций. Однако знакомство с достижениями западных коллег заставляло задумываться. Так, византинист мирового уровня А.П. Каждан в письме к Э.Н. Хрущёвой в 1992 г. из Думбартон-Окса, вспоминая свою работу в Советском Союзе в 1950–1960-е гг., писал: «60-е гг. были хороши – свободой запахло. ... Прочтите мои историографические статьи в Виз. Вр. – о загадке Комнинов, об аграрной

истории. Как они отличаются от вымученной критики буржуазной реакционной литературы в «Аграрных отношениях»! Не осудить – понять стало задачей. Думаю, что моя «Византийская культура» тоже обязана смерти Сталина своим происхождением; эволюция была та же, что и у Гуревича, и под тем же влиянием школы *Annales*» [11, с. 339].

В 1950–1960-е г. советское византиноведение начинает выходить за рамки социально-экономической проблематики, основанной на формационном подходе к истории. Так, вышеназванный А.П. Каждан публикует работы по истории Византийской культуры, где уделяется внимание повседневной жизни византийцев, труду, отдыху, развлечениям, значительное место отводится характеристике византийских интеллектуалов, их внутреннему миру [5].

Ещё одна крупная работа, связанная с историей повседневности Византии, вышедшая в советское время, связана с именем Г.Г. Литаврина [8]. В его труде «Как жили византийцы» затрагиваются самые разные стороны жизни византийского общества. Первоочередное внимание автор уделяет социально-политическому устройству империи, церкви, армии, затрагивает проблемы семьи и брака, воспитания и образования, отношения к иностранцам, праздникам, зрелищам и развлечениям византийцев. Автор указывает, что данные аспекты он рассматривает с точки зрения некоего абстрактного «византийца».

Достижения советского византиноведения в 60–80-е гг. XX в. в области изучения повседневной жизни Византийской империи были отображены в обобщающих работах по истории и культуре данного государства [3; 4].

Таким образом, советское византиноведение, несмотря на то, что изучение повседневной истории Византии не было в СССР приоритетным, имело определённые достижения в данной области. На развитие исследований в этом направлении оказывала влияние французская школа «Анналов». Вместе с тем, само понятие «повседневная история» в советском византиноведении не употреблялось. Сказывался недостаток источников для развития исследований в области повседневности, требовался переход на микроуровень.

С началом перестройки середины 1980-х гг. в Советском Союзе понятие «повседневность» начинает употребляться в исторических исследованиях. Связано это с постепенным открытием «железного занавеса» и широким знакомством советских историков с достижениями западноевропейских и американских медиевистов и византинистов.

История повседневности в начале 90-х гг. XX в. стала приоритетным направлением российских медиевистов. Историки из разных институтов Российской Академии наук во главе с А.Я. Гуревичем и

Ю.Л. Бессмертным организовали группу по работе в данном направлении. Однако в выпускаемых ими изданиях (альманах «Одиссей» и ежегодник «Казус») рассматривались теоретические и практические вопросы истории повседневности на материале средневековой Западной Европы.

В 1990-е гг., несмотря на свободный доступ в Российской Федерации к мировым достижениям в области византиноведения, из-за падения престижа науки, её недофинансирования, возникли трудности с кадровым потенциалом, стала нарушаться преемственность поколений византинистов. Только к концу первого десятилетия XXI г. данная тенденция стала преодолеваться. Однако процесс не завершён полностью.

Известный современный российский византинист С.П. Карпов в 2008 г. опубликовал статью, посвящённую итогам развития византиноведения в Российской Федерации за 10 лет. Среди разнообразной тематики он выделяет раздел «Быт, культура повседневности, одежды, обряды, церемониал» и византинистов (М.А. Поляковская, А.А. Чекалова, С.А. Иванов, Т.В. Смирницких), которые имеют достижения в данной области [6, с. 4].

М.А. Поляковская и А.А. Чекалова принадлежат к старшему поколению российских исследователей истории Византии. В 1989 г. они написали работу о быте и нравах византийцев, где достаточно чётко сформулировали своё отношение к истории повседневности: «Наряду с эпохальными событиями в истории людей – революциями, переворотами в науке, открытиями новых земель – всегда существовало то, что мы называем повседневностью. Люди ели, пили, одевались, работали, ходили в гости, каждый по-своему проводил досуг». ... «Как бы ни менялась жизнь человека, связь времен очевидна. Приобретая новые внешние формы, вещи выполняли и выполняют в жизни человека те же функции, что и в давние времена. Это делает сравнения особенно привлекательными. Часть наших вещей живой нитью связывает нас с далекими и, оказывается, столь близкими эпохами» [12, с. 3–4].

Новейшая работа М.А. Поляковской посвящена придворному церемониалу поздней Византии. Автор подробно останавливается на роли ритуалов в повседневной жизни императорского двора от праздничных приёмов до траурных обычаев. «Театр власти» представлен во всей полноте: со сценарием, ролевыми функциями, костюмами и декорациями [10].

Т.В. Смирницких исследует частную жизнь женщин в Византии. Её работа представляет синтез истории повседневности и женской истории [16]. С.А. Иванов написал работу по истории православного юродства. Начальные главы исследования посвящены данному явлению в Византии [2].

Таким образом, изучение истории повседневности Византийской империи не является одним из приоритетных исследований в советской и современной российской историографии. Небольшое количество работ по

данному направлению в настоящее время связано с трудностями доступа к источникам, их перевода и прочтения, а также проблемами кадрового состава византинистов.

1. Безобразов, П. В. Очерки византийской культуры / П. В. Безобразов. – Петроград, 1919. – 179 с.
2. Иванов, С. А. Блаженные похабы: Культурная история юродства / С. А. Иванов. – М. : Языки славянских культур. – 2005. – 448 с.
3. История Византии : в 3 т. / под ред. С. Д. Сказкина – М. : Наука, 1967. – Т. 3.
4. История культуры Византии : в 3 т. / под ред. З. В. Удальцовой [и др.]. – М. : Наука, 1984–1991. – Т. 3.
5. Каждан, А. П. Византийская культура / А. П. Каждан. – М. : Наука, 1968. – 223 с.
6. Карпов, С. П. Российское византиноведение сегодня: школы, итоги и перспективы / С. П. Карпов // Российское византиноведение: Традиции и перспективы. Тезисы докладов XIX Всерос. науч. сессии византинистов. – М. : Изд-во Моск. ун-та, 2011. – С. 3–13.
7. Левченко, М. В. История Византии. Краткий очерк / М. В. Левченко. – М.-Л. : Гос. соц.-экон. изд-во, 1940. – 263 с.
8. Литаврин, Г. Г. Как жили византийцы / Г. Г. Литаврин. – М. : Наука, 1974. – 190 с.
9. Медведев, И. П. Петербургское византиноведение. Страницы истории / И. П. Медведев. – СПб. : Алетейя, 2006. – 334 с.
10. Поляковская, М. А. Византийский придворный церемониал XIV в. : «Театр власти» / М. А. Поляковская. – Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2011. – 334 с.
11. Поляковская, М. А. Византия, византийцы, византинисты / М. А. Поляковская. – Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2003. – 432 с.
12. Поляковская, М. А. Византия: быт и нравы / М. А. Поляковская, А. А. Чекалова. – Свердловск : Изд-во Урал. ун-та, 1989. – 304 с.
13. Рудаков, А. П. Очерки византийской культуры по данным греческой агиографии / А. П. Рудаков. – СПб. : Алетейя, 1997. – 295 с.
14. Скабаланович, Н. А. Византийская наука и школы в XI в. / Н. А. Скабаланович // Византийское государство и церковь в XI в. От смерти Василия II Болгаробойцы до воцарения Алексея I Комнина. – СПб. : Изд-во Олега Обышко, 2004. – Кн. II. – С. 173–222.
15. Скабаланович, Н. А. О нравах византийского общества // Н. А. Скабаланович // Византийское государство и церковь в XI в. От смерти Василия II Болгаробойцы до воцарения Алексея I. – СПб. : Изд-во Олега Обышко, 2004. – Кн. II. – С. 173–222.
16. Смирницких, Т. В. Характер и специфика частной жизни женщины в ранней Византии : автореф. дис. ...канд. ист. наук : 07.00.03 / Т. В. Смирницких. – Ставрополь, 2009 – 29 с.

УДК 711.012

Н.Н. ВЛАСЮК

Брест, БрГТУ

**АНАСТИЛОЗ КАК ПАЛЛИАТИВНЫЙ ПРИЕМ
СОХРАНЕНИЯ ИСТОРИЧЕСКОГО ФАСАДА
ПО УЛ. СОВЕТСКАЯ, 43, 45 В БРЕСТЕ**

В данной разработке практическое использование анастилоза выступает в качестве паллиативной меры спасения аутентичного фасада конца 1920-х годов по улице Советской, 45 в городе Бресте.

Интересующее нас здание расположено на исторических участках № 11 и № 12, квартала № 31. Первые владельцы участков не установлены. В 1926 г. по заказу владельцев участков Шапиро Фишман Хуны, Шульмана Герша, супругов Фуксман Абрама и Ханы, Розенбаум Шейны, Эйберман Арона, Перник Вольфа, Финкельштейн Малки и Ганц Натана была разработана проектная документация на восьмисекционный двухэтажный жилой дом со встроенными магазинами на первом этаже. Автор проекта – брестский инженер-архитектор Николай Синкевич¹. В

¹ Синкевич Николай Александрович (1885, Брест-Литовск – 1974, Елена Гура) – русский, коренной брестчанин, инженер-архитектор. Окончил Згержское коммерческое училище (1904), учился на инженерно-строительном отделении Варшавского политехнического института, после его закрытия (1905) поступил в Томский технологический институт, окончил Московское Императорское Техническое училище (1913 г.) с квалификацией инженер-технолог. В 1913–1919 гг. военный инженер, прапорщик, работал на военных объектах: крепость Брест-Литовск, Львов, Бердичев, Киев, Москва. Помощник начальника дистанции линии Брест – Черемха – Волковыск (с 1919 г.). С 1921 г. – инженер-архитектор магистрата, частный архитектор. Работал во всех архитектурных стилях межвоенного периода. Начальник БТИ г. Бреста (1939–1941). В годы немецкой оккупации исполнял обязанности главного архитектора Брест-Литовска (с 1941 г.), частный архитектор (1942–1944). «Брестский архитектор Николай Синкевич в личных записях упоминает эпизод, как незадолго до уничтожения гетто в их дом на Набережной робко постучали. На пороге стояла пятилетняя Иточка Герш, дочь соседней. В семье было трое своих детей и взятый на попечение сирота; Синкевичи понимали, какой опасности себя и их подвергают, но отказать не смогли. Девочку пустили в дом, помыли, очистили от вшей и какое-то время держали в укрытии, а после переправили родственникам в Кобрин, где она стала Ниной Удальцовой. После войны она жила в Америке и состояла с Синкевичами в переписке. По малолетству не успев сказать спасибо своим спасителям, она, как и другие спасенные, перенесла благодарность на детей, чьими головами эти добрые люди рисковали.» (В. Сарычев. В поисках утраченного времени // «Вечерний Брест. – 2014. – 12 сент.). Весной 1944 г. выехал в Польшу, с 1945 г. жил в Елена Гуре, инженер магистрата, архитектор. Самый плодовитый архитектор межвоенного Бреста, около половины построенных и восстановленных зданий Бреста-над-Бугом выполнены по его проектам.

1928 г. все хозяева ввели свои секции в эксплуатацию. Шапиро Хуна – только первый этаж. 3 января 1939 г. она обратилась в магистрат с просьбой разрешить достройку согласно старому проекту. На что получила разъяснение от 17 февраля 1939 № т-9/1, что проект, утвержденный 13 сентября 1926 г., утратил свою силу по истечении двух лет, для утверждения требуется новый. Это последний документ в деле Хуны Шапиро, и не известно успела ли она достроить до Второй мировой войны надстройку второго этажа, или это было выполнено позже. В 1928 г. в период сдачи дома (Советская, 45) все секции имели один адрес ул. Ежи Домбровского, 37. В 1930 г. каждая секция получила отдельный адрес: Шапиро Фишман Хуна – Домбровского, 37, Загель Кейла (купила секцию у Шульмана Герша) – Домбровского, 37/1, Фуксман Абрам – Домбровского, 37/2. В 1938 г. владельцем секции 37/2 числится Бейла Ниссенбаум, а в 1939 г. – супруги Сруль и Рухля Паппе. Розенбаум Шейна – владелец секции по улице Домбровского, 37/3, Эйберман Арон – Домбровского, 37/4, Перник Вольф – Домбровского, 37/5, Финкельштейн Малка и Гдала – Домбровского, 37/6, Ганц Натан – Домбровского, 37/7. Позднее к дому был добавлен в качестве секции бывший одноэтажный жилой дом с мезонином Пружан Таубы по адресу Домбровского, 35 (Советская, 43). В секции Шапиро Фишман Хуны располагались Купеческий Банк, редакция и администрация ежедневной газеты (выходила с 1928 г.) «Unser Poleser Express»¹.

К сожалению, во всех справочных изданиях межвоенного периода все секции дома (Советская, 45) отмечены одним адресом – Домбровского, 37, поэтому невозможно с уверенностью утверждать, в какой секции находились следующие организации: «Парикмахерские принадлежности» Пашуцкого, «Парикмахерская» Ганц Натана, «Шубы» Фуксмана, «Галантерея» Шульмана, «Головные уборы» Фельдмана, «Мебель» Харо П., «Пачечная» Гринберга, портновские мастерские М. Прыганец и З. Швареберг, табачный магазин С. Розенбаума, склад «железа» Финкельштейн Малки.

В Государственном архиве Брестской области находится документ от 26 мая 1934 г. № 11-96, письмо технического отдела магистрата,

¹ «Unser Poleser Express» («Наш Полесский Экспресс»), ежедневная газета, выходила с 1928 г. Издатель, ответственный редактор и фактический руководитель Драхла Мейер. Из сообщения поветового старосты Полесскому воеводе, от 9 июня 1929 г., следует, что Драхла Мейер – иудей, сионист, лояльный, в картотеках не числится, 1885 г.р. (Варшава), существует на доходы от тиража, от временной работы учителем и совладения торговым предприятием. Много лет занимается литературной деятельностью и дает частные уроки, временно занимается коммерческой журналистикой. Журнал содержит на доходы от тиража, собственной типографии не имеет. «Unser Poleser Express» характеризовалось Поветовым Старостой как бульварное издание, сенсационно-информационного характера.

адресованное всем владельцам дома по ул. Домбровского, 37, в котором говорится, что здание имеет целостный характер, а каждый хозяин окрасил главный фасад своей секции по своему усмотрению, в результате чего здание вызывает «недорозуменья». Дом должен быть окрашен «...jednym kolorem w tonie piaskowym w terminie do 15 czerwca b. r.» (т.е. единым песочным цветом в срок до 15 июня сего года).

Здание по ул. Советской, 45 носит черты переходного периода от «утилитарного» или «рационального» классицизма к конструктивизму. После национализации здания в 1940 г. объект использовался по первоначальному назначению: первый этаж – торговые точки и предприятия сферы услуг, второй этаж – под жильё. В доме до 1953 г. размещалась артель «Новый путь», здание предполагалось реконструировать, согласно решению горисполкома № 551 от 21.07.1953 г., под магазин «Детский мир». Согласно решению горисполкома № 750 от 19.10.1978 г. здание подлежало сносу в связи с предполагаемым строительством магазина «Универсам». С 2007 г. здание стало считаться историко-культурной ценностью «без категории» в составе исторического центра Бреста категории «2».

В настоящее время в связи с реконструкцией здания под административно-гостиничный комплекс Министерством культуры Республики Беларусь принято решение сохранить фасадную стену по ул. Советской и увеличить этажность комплекса в глубину квартала. В связи с этим заказчиком была удалена предназначенная к демонтажу часть здания. Однако, как показали результаты научно-технического отчета, согласно произведенному обследованию технического состояния фасадных стен от 2 августа 2014 г., выполненному к.т.н., доцентом И.В. Зинкевич и к.т.н., доцентом В.Л. Шевчук (УО «БрГТУ»), состояние ограждающих конструкций признано как неработоспособное (категория IV по п.8.3.5. ТКП 45-1.04-208-2010). Сложность укрепления стены заключалась также в состоянии и глубине заложения фундаментов. Оказалось, что здание по ул. Советской, 45 представляло собой 9 блокированных домов с глубиной заложения фундаментов от 1,5 до 0,2 м. Таким образом, оставшаяся стена – это 13 самостоятельных стен, не имеющих жестких связей между собой. Избрание метода сохранения фасадной стены было поручено специализированной реставрационной организации ОАО «Белреставрация», филиал «Брестреставрацияпроект». Комплексные научные изыскания и выработка концепции сохранения историко-культурной ценности здания были проведены согласно договору от 8 декабря 2014 г. с привлечением специалистов брестских университетов:

1. Проведены историко-архивные и библиографические изыскания по объекту. Определен автор и дата строительства зданий. Обнаружены

архивные проектные чертежи 1926 г. Определены владельцы и организации, занимавшие встроенные помещения первого этажа на период 1926–1939 гг. Выявлены 14 владельцев и арендаторов встроенных помещений на 1928–1939 гг. (научный руководитель, архитектор Н.Н. Власюк (УО «БрГТУ»))

2. Проведены физико-химические исследования строительных материалов и окрасочных составов, определен состав и первоначальный колер лакокрасочных составов, даны технологические рекомендации по проведению реставрационных работ (кандидат технических наук, доцент Э.А. Тур (УО «БрГТУ»)).

3. Произведены архитектурно-археологические обмеры и натурное обследование сохранившейся аутентичной стены (при участии археолога, кандидата исторических наук, доцента А.А. Башкова (УО «БрГУ»)).

4. Произведено археологическое изучение объекта при помощи зондажей, выявлены фрагменты авторской поверхности.

5. Выявлены аутентичные балконные ограждения главного фасада. Определено техническое состояние и методика восстановления.

По результатам комплексных научных изысканий были сделаны выводы:

1. Авторская поверхность¹ стены сохранилась фрагментарно.

2. Конструктив стены не представляет историко-культурной ценности и не подлежит экспозиции.

3. Здание никогда не являлось памятником архитектуры, а лишь характерной частью исторической застройки, почти полностью утраченной на участке улицы Советской – от ул. Маяковского до ул. Гоголя.

4. Стена находится в аварийном состоянии.

5. Объект не имеет мемориальной ценности.

Предложенная филиалом «Брестреставрацияпроект» концепция сохранения аутентичной стены (автор доцент кафедры АПиР БрГТУ, архитектор Н.Н.Власюк) полностью соответствует Венецианской Хартии, законодательству Республики Беларусь и современным научным тенденциям в области реставрационной методики. Общая современная тенденция в области реставрационной методики — подтверждение

¹ Авторская поверхность» (термин, введенный в реставрационную науку академиком Дмитрием Сергеевичем Лихачевым) – аутентичная поверхность памятника, которой определяется художественная ценность памятника архитектуры. Именно та грань, на которой художник в поисках творимой им красоты остановился, чтобы ее воплотить. «Авторская поверхность» – самое «дорогое», «ценное» в памятнике. Теоретически реставрировать можно лишь такой памятник архитектуры (как произведение искусства), ветхость или поврежденность которого не уничтожило полностью «авторской поверхности». В противном случае речь может идти лишь о современной интерпретации авторского замысла, что, разумеется, не одно и то же.

принципов археологической реставрации с одновременным признанием возможности гибкого подхода, основанного на более широкой трактовке памятника. За основу принят метод анастилоза¹. Однако, заметим, данная концепция не является панацеей по сохранению историко-культурного

¹ Анастилоз – один из методов музейной реставрации. Однако реконструкция может предполагать такое переустройство объекта, заключающиеся в воссоздании разрушенного памятника из его отдельных частей. При этом не ставится задача искусственно дополнить недостающие части сооружения новоделами, но представить в деле все найденные подлинные детали. Наиболее полно метод анастилоза был применен при реставрации Эрехтейона и Парфенона на афинском Акрополе, проводившейся в начале XX в. под руководством Николая Баланоса, которому принадлежит и сам термин. В начале XX в. под руководством Николая Баланоса и с применением метода, возрождённого им же, проводится реставрация памятников афинского акрополя. Этому методу он даст название анастилоз, в переводе с греческого означающее «вновь возвести». По сути, метод был именно тем, что искали реставраторы Ангкора. Николай Баланос, опробовавший его при восстановлении рухнувшей части Парфенона и повторном восстановлении храма Ники, так описывает его суть: «Анастилоз состоит в восстановлении или реконструкции памятника его собственными материалами и в соответствии с его методами строительства. Анастилоз позволяет сдержанно и обоснованно применять новые элементы взамен недостающих камней, без которых невозможно водрузить на прежнее место оригинальные детали».

Как правило, под термином анастилоз понимается установка на свое изначальное место подлинных блоков и деталей памятника, перемещенных в результате разрушения или перестроек. Анастилоз применим в основном к сооружениям, сложенным из крупных квадров камня, и более всего практикуется по отношению к античным постройкам. Дополнения из нового материала допускаются при этом в минимальных размерах, только в той мере, в какой это необходимо для поддержания возвращаемых на место подлинных элементов. Поскольку полнота восстановления ограничивается в этом случае наличием старых блоков кладки, анастилоз почти всегда фрагментарен, и в сравнительно редких случаях удается собрать из рассыпанных остатков значительные части сооружения.

Метод анастилоза развивался из простых консервационно-укрепительных работ (например, укрепление цокольных частей арки Константина в Риме, ремонтные вставки на колоннах и пилястрах стен Пантеона в Риме и др.)

Одна из первых реставраций, в которой уже появились некоторые особенности метода анастилоза, является реставрация архитектором Валадье и Кампорези храма Веспасиана у подножия капитолия на Римском форуме в 1810–1813 гг., которая заключалась в опирании антаблемента на рештование, собрание выпавших тамбуров и установке их на места.

Значительной вехой на пути развития метода анастилоза явились реставрационные работы в Помпеях. При раскопках, проводимых со второй половины XIX в. было найдено большое число обрушившихся архитектурных фрагментов: капителей и стволов колонн, кустов антаблемента и т.п., которые были восстановлены на свои места. Но свое законченное выражение метод получил в реставрационных работах на афинском акрополе.

наследия г. Бреста и не предназначена для повсеместного применения в историческом центре города, а предлагается как единственно приемлемый в данном конкретном случае вариант заполнения лакуны в строчке домов.

Хрестоматийный пример анастилоза – Исторический центр Варшавы, столицы и крупнейшего города Польши, который был практически полностью (согласно данным ИКОМОС – на 85 %) разрушен в период немецко-фашистской оккупации 1939–1944 гг. В 1945 г. специально создан Объединенный Фонд Восстановления Столицы, а 14 февраля 1945 г. открыта «Администрация восстановления столицы» (BOS) во главе с Яном Захватовичем, в состав которой входило более 1 400 специалистов в области архитектуры, истории, урбанистики, социологии, экономики, инженерного проектирования и строительства и т.п. В период между 1945 и 1966 гг. был проведен комплекс мероприятий по восстановлению исторического облика города, сложившегося на протяжении XIII–XX вв. Причем, при восстановлении предпочтение было отдано зданиям построенным до XVIII в., т.е. до утраты независимости Польши. При этом использовался принцип анастилоза. Фрагменты наружного декора, росписи фасадов были отобраны из руин и восстановлены на новых стенах на свое первоначальное место. При отделке фасадов была произведена нюансная сигнация аутентика.

Как уникальный пример достоверного восстановления и реконструкции уничтоженного наследия, 2 сентября 1980 года, на 4-й сессии Комитета всемирного наследия ЮНЕСКО в Париже, Старый город Варшавы был внесен (под № 30) в список Всемирного наследия.

Представленная в январе 2015 г. на расширенный градостроительный и координационный совет г. Бреста, и получившая одобрение, с небольшим преобладанием голосов, в качестве эскизного проекта концепция, никоим образом не является законченным эскизным проектом, поскольку важная особенность реставрационного проектирования – тесная связь с процессом производства работ. Только в ходе осуществления реставрации, когда оказывается возможным максимально полное раскрытие памятника, осуществляется с наибольшей полнотой и его исследование. Поскольку проект реставрации базируется на исследовании, то очевидно, что окончательная разработка проекта во всех деталях до начала реставрации принципиально невозможна. Поэтому эскизный проект реставрации – необходимая стадия работ, позволяющая заблаговременно провести широкое обсуждение авторских предложений и вынести не единоличное, а коллективное решение о судьбе историко-культурной ценности. Предложенная концепция была утверждена Научно-методическим Советом Министерства культуры Республики Беларусь. Таким образом, методика анастилоза данного здания предполагает следующее:

1. Максимально возможное выявление «авторской поверхности», которое будет продолжаться весь период раскрытия объекта.

2. Демонтаж и хранение аутентичных фрагментов здания, сохранивших авторскую поверхность. Технология и конструктивная часть этого процесса уже разработаны.

3. Подведение новых фундаментов и возведение, аутентичным кирпичом, полученным при демонтаже, фасадной стены согласно проекту 1926 арх. Н. Синкевича и результатам комплексных научных изысканий.

4. Установка аутентика в процессе строительства на изначальное место. Ньюансная сигнация аутентика.

5. Сохранение всех аутентичных, и восстановление утраченных вывесок (надписей) периода 1926–1939 гг. на фасадах.

6. Восстановление и установка на первоначальные места аутентичных ограждений балконов.

По сути, в данном конкретном случае, производится экстирпация с последующей аппроксимацией исчерпавших себя конструкций главного фасада. Причем производится реституция практически всех, аутентичных фрагментов авторской поверхности на первоначальные места, и нюансная сигнация оригинала. Поскольку аналитический метод научной реставрации допускает полное восстановление фасада только в случае утраты его в настоящее время, т.е. «реставрацию на дату самой реставрации», когда восстановлению подлежат лишь те элементы, форма которых может быть безусловно документирована, полностью соблюден основной постулат Венецианской Хартии: «Restoration ends where it begins hypothesis» (Реставрация заканчивается там, где начинается гипотеза).

УДК 930.2

К.В. ГАВРИЛЕНКО

Научный руководитель – Е.С. Розенблат, канд. ист. наук, доцент

**ЕВРЕЙСКИЕ «ПАМЯТНЫЕ КНИГИ» (YIZKOR BOOKS)
КАК ИСТОЧНИК ПО ИСТОРИИ ПОВСЕДНЕВНОСТИ
ЕВРЕЙСКИХ ОБЩИН БРЕСТЧИНЫ
В МЕЖВОЕННЫЙ ПЕРИОД (1918–1939)**

Развитие современной исторической науки обусловлено возросшим интересом к исследованию проблематики повседневности. В такой ситуации, когда исследуется микроистория, а не глобальные исторические события, необходимо использовать совершенно иную методологию

исследования, а также отличную источниковедческую базу исследования, при которой используются нарративные источники. Повседневная история евреев межвоенного периода мало исследована. Часть источников по этой теме была уничтожены в годы войны. В этом случае в качестве важного источника могут выступать еврейские «Памятные книги», написанные и изданные после Второй мировой войны.

«Памятные книги» (Yizkor books) представляют собой нечто среднее между сборником научных статей и сборником различных воспоминаний, фотографий и документов, которые связаны между собой тем, что рассказывают об истории той или иной еврейской общины. Еврейские общины, существовавшие до начала Великой Отечественной войны на территории Брестской области, не стали исключением. На одном только сайте Публичной библиотеки Нью-Йорка (New York Public Library)¹ в свободном доступе находится более 30 книг, которые рассказывают об истории таких еврейских общин Брестской области, как Брест, Барановичи, Пинск, Кобрин, Пружаны, Ружаны, Давид-Городок и др. [16]. Электронные версии «книг памяти» еврейских общин Брестчины можно найти на сайте Jewish Gen, который специализируется на оказании помощи в проведении генеалогических исследований и в поисках родных по всему миру, однако, на данном сайте зачастую представляют лишь фрагменты книг, что усложняет работу с ними [17].

Книги памяти еврейских общин Брестчины области издавались с 50-х гг. XX в. выходцами из еврейских общин различных городов и местечек Брестчины, которые проживают в США, в странах Латинской Америки (больше всего в Аргентине) и в Израиле. Такие общины возникали еще до Первой мировой войны и на протяжении всего межвоенного периода неуклонно росли, пополняясь эмигрантами из Западной Беларуси, а после Второй мировой войны – теми, покинул СССР. Однако, если выходцы из одной общины проживали в разных странах, то образовывалась несколько диаспор, по одной в каждой стране, как, например, выходцы из еврейской общины Кобрин образовали диаспоры в Аргентине (Буэнос-Айресе) и в Израиле. Каждая из таких диаспор одной общины издавала собственные книги памяти, а так как они проживали в разных странах, то и книги издавали на разных языках: испанском, английском, иврите. Наиболее часто использовался при написании книг идиш. Впоследствии ряд из этих книг был переиздан уже на английском языке, что позволило большему количеству людей познакомиться с данными книгами, однако и сегодня книги памяти ряда общин существуют

¹ Всего же на сайте Публичной библиотеки Нью-Йорка представлены электронные варианты 650 из 700 «книг памяти» еврейских общин Восточной и Западной Европы, которые находятся в фондах библиотеки.

лишь на идиш или испанском языке, и работа по их переводу еще только предстоит.

Надо отметить, что хотя данные книги имеют достаточно широкие хронологические границы, большая часть любой из них посвящена межвоенному времени. Такая ситуация обусловлена тем, что основой для написания книг стали воспоминания тех, кто жил в это время в общине. Большинство документов и фотографий, представленных в книге, относятся к данному периоду. Большинство книг интересны с точки зрения исследования истории повседневности. Так, в книге памяти общины Барановичей целая глава посвящена истории одной семьи – раввина Каплана. В данной главе рассказывается не только о жизни и деятельности раввина в межвоенное время, но и о судьбе его детей и других членов его семьи как при жизни раввина, так и после его смерти. Данная глава интересна описанием традиционной погребальной культуры евреев. Весь рассказ об погребальных обрядах, совершаемых над телом раввина и о его погребении, сопровождаются фотоснимками, что дает еще больше представления о погребальной культуре евреев Беларуси [18, р. 118–149]. Пример истории семьи раввина Каплана не единичный случай, и в целом в каждой «книге памяти» еврейских общин Брестской области можно найти примеры подобных семейных историй. Большинство из них были написаны на основании собранных материалов устной истории, что само по себе является уникальным источником. В ряде глав рассказывается о школах, о еврейском квартале [14, р. 230–379]. Достаточно много внимания посвящено религиозной жизни евреев Брестской области. В книгах неоднократно встречается описание религиозных обрядов, праздников, элементов культа [12, р. 245–300]. Такие интервью, описывающие религиозную жизнь евреев Брестчины межвоенного времени, интересны тем, что они представляют взгляд на иудаизм изнутри глазами евреев, что минимизирует возможность появления в интервью различного рода этнокультурных стереотипов и тем самым делают эти интервью наиболее объективными.

Особенностью Брестской областью являлся хасидизм, который был представлен дворами цадигов (клойзами) в Пинске (Карлин), Столине, Кобрине и Логишине [6, р. 27]. На страницах «книг памяти» общин Пинска [5, р. 48], Кобрин [3, р. 34–87], Столина [1, р. 135–170] мы встречаем описания хасидской повседневности и религиозной жизни.

В книгах памяти представлен широкий спектр фотографий, которые могут показать разные грани повседневности еврейских общин. Фотографии, которые представлены на страницах «книг памяти», можно разделить на следующие жанры: семейный быт; городская повседневность (базары, лавки, ремесленники); городского историко-культурного

ландшафта (фотографии синагог, божниц, еврейских кладбищ, общие виды города, дома горожан и др.): деятельность организаций и общественных объединений (больница, школа, погребальное братство); праздники и религиозные обряды; другое. Особенно интересны многие из этих фотографий тем, что на них отображены ныне уничтоженные преимущественно еврейские строения, помогающие воссоздать облик городов в межвоенный период¹. Наибольший интерес представляют фотографии, сделанные на еврейском кладбище. Многие из тех, кто отправлялся в эмиграцию, делали на память фотографии на фоне могил своих предков и помимо надгробия своего предка захватывали и часть кладбища [11, р. 7 –75; 2, р. 56]. Сегодня уже существуют примеры того, как благодаря таким фотографиям были определены в ходе каталогизации еврейского кладбища имена погребенных на кладбище². Делались и фотографии надгробий праведников или знатоков Торы которые преимущественно представляют собой охели [9, р. 63]. Сопоставляя разные фотографии с одного кладбища, можно понять, какие типы и виды надгробий наиболее часто использовались как в общине, так и в регионе в целом, что способствует расширению знаний о погребальной культуре восточноевропейских евреев.

В книгах памяти еврейских общин Бреста [4], Кобрин [3], Пинска, Ружан [11], Коссова [8] и др. представлен еще один не менее интересный вид исторических источников – картографический. Свидетели повседневной жизни еврейских общин Кобрин, Бреста, Пинска и других местечек в межвоенное время создали карты городов, на которых отобразили все еврейские места в городе (синагоги, божницы, лавки резников, миквы и др.), все еврейские топонимы и др. [10, р. 3]. Такие карты могут быть очень полезными при проведении работ по историческому районированию городов и выделению в них отдельных «этнических кварталов».

Таким образом, книги памяти представляют собой сборники разнообразных малоиспользуемых исторических источников различного происхождения (материалы устной истории, визуальные, картографические), обладающих огромным потенциалом.

¹ Согласно двум переписям населения в Республике Польша в 1921 и 1939 гг. в городах Полесского воеводства (почти вся территория нынешней Брестчины) количество евреев в процентном соотношении было самым высоким в сравнении с другими регионами страны.

² Речь идет о еврейском кладбище в Биржае (Литва), где в 2013–2014 гг. центр исследователей и преподавателей иудаики в ВУЗах «Сэфер» проводил описание сохранившихся мацев [19, с. 210].

1. Avatichi A., Ben-Zakkai Y. Stolin; a memorial to the Jewish communities of Stolin and vicinity / A. Avatichi, Y. Ben-Zakkai. - Tel Aviv: Former Residents of Stolin and Vicinity in Israel, 1952. – 263 p.
2. Bernstein M. W. Memorial book of five destroyed communities: Pruzana, Bereza, Malch, Schershev, Seltz / M.W. Bernstein. -Buenos Aires: Landslayt-Farayn fun Pruzshene, Bereze, Maltsh, Shershev, un umgegent in Argentine = Former Residents of Pruzana..., 1958. – 972 p.
3. Book of Kobrin; the scroll of life and destruction, ed. Betzalel Shwartz, Israel Chaim Bil(e)tzki, - Tel Aviv, 1951. – 367 p.
4. Brisk Edicion Aniversario. - Buenos Aires: La Sociedad de Brest y alrededores, 1953. – 146 p.
5. Dr. Rabinowitsch W. Z. Pinsk historical volume; history of the Jews of Pinsk, 1506-1941 / Dr. Wolf Zeev Rabinowitsch. – Michigan: Association of Jews of Pinsk in Israel, 1987. – 112 p.
6. Dr. Rabinowitsch W. Z. Studies in Pinsk Jewry/ Dr. Wolf Zeev Rabinowitsch. – Haifa, 1983. – 163 p.
7. Hoffman B. A thousand years of Pinsk; history of the city its Jewish community, institutions, social movements, personalities, community leaders, Pinsk... / B. Hoffman. - New York: Pinsker Branch 210, Workmen's Circle, 1941. – 515 p.
8. Memorial book of Kosow Poleski. – Jerusalem: Org. of Former Residents of Kosow Poleski in Israel, 1956. – 81 p.
9. Nadav M. Janow near Pinsk; memorial book / M. Nadav. – Jerusalem: Association of Former Residents of Janow near Pinsk in Israel, 1969. – 420 p.
10. Sokoler Sh. Telekhan memorial book / Sh. Sokoler. - Los Angeles: Telekhan Memorial Book Committee, 1963. – 204 p.
11. Sokolowsky M. Rozana; a memorial book to the Jewish community / M. Sokolowsky. - Tel Aviv: Former Residents of Rozhinoy in Israel, 1957. – 232 p.
12. Spector Sh. Pinkas hakehillot: encyclopedia of Jewish Communities: Poland vol. 5: Volhynia and Polesie / Sh. Spector. – Jerusalem: Yad Vashem Martyrs' and Heroes' Remembrance Authority, 1990. – 350 p.
13. Steinman E. Brest-Litovsk, volume II : encyclopedia of the Jewish diaspora (Belarus)... / E. Steinman. - New York : JewishGen, 2014. – 470 p.
14. Steinman S. Brisk de-Lita/ S. Steinman. – Jerusalem : Hevrat Entsiklopedyah Shel Galuyot, 1954-55. – 647 p.
15. Steinman S. Encyclopedia of the Jewish diaspora, a memorial library of countries and communities: Brest-Lit. volume/ S. Steinman. – Jerusalem : Ferlag fun Entsiklopedyah shel galuyot, 1958. – 712 p.
16. Yizkor books // New York Public Library [Electronic resource]. – 2016. – Mode of access: <http://www.nypl.org/collections/nypl-recommendations/guides/yizkorbooks>. - Date of access: 28.04.2016.
17. Yizkor Books Project // JewishGen [Electronic resource]. – 2016. – Mode of access: <http://www.jewishgen.org/Yizkor/>. - Date of access: 29.04.2016.
18. Zukerman N. The Struggle for Life of the Jews in Baranovich (Baranavichy, Belarus) / N. Zukerman. - Jerusalem : Privately published in Israel, 1992. – 244 p.
19. Васильев М.Е. Старое еврейское кладбище города Биржай / М.Е. Васильев // Евреи на карте Литвы: Биржай. Проблемы сохранения еврейского наследия и исторической памяти / Отв. ред. И. Капченова. – М, 2015. - С. 207-235.

УДК 316.334.2

О.Н. ГАВРИЛИК

Гродно, ГрГУ имени Я. Купалы

ДЕНЬГИ В ПОВСЕДНЕВНОЙ ЖИЗНИ ЧЕЛОВЕКА: КОНЦЕПЦИЯ «МНОЖЕСТВЕННЫХ ДЕНЕГ»

Переоценить значение денег в развитии современных обществ очень трудно. Это гениальное изобретение человечества по важности приравнивают к появлению языка и государственности. Появившиеся тысячелетия назад деньги продолжают оставаться неотъемлемой частью нашей жизни. Функционируя главным образом в экономической сфере, они в то же время встроены в сложную систему социальных отношений. Как объект социальной действительности, деньги являются предметом социальной рефлексии, их социальное значение и функции представляют большой интерес для исследователей в области социологии, психологии, философии, культурологии. Замечено, что не только деньги способны влиять на поведение людей, но и люди зачастую наделяют денежные знаки особыми социальными смыслами в своей повседневной деятельности.

В данной статье речь пойдет о таком явлении, как «множественные деньги». В основе концепции «множественных денег», разработанной в рамках культурного подхода в социологии денег, лежит предположение о том, что деньги не есть универсальное, однородное, безличное средство экономического обмена. Являясь частью социального мира, деньги несут на себе отпечаток социальных отношений, связей, значений. Такой подход отрицает устоявшееся представление о взаимозаменяемых, универсальных деньгах. Однако чтобы понять, почему концепция «множественных денег» в итоге получила широкое признание и открыла новые возможности в познании социальной сущности денег, необходимо обратиться к истории вопроса.

Всем известно определение денег как универсального эквивалента стоимости товаров и услуг. Деньги легко обмениваются на товар, пересекают страны и континенты. С помощью мировых денег стало возможным преодоление национальных границ в обход трудностей обменного курса валют. Сто долларов в бумажнике так же хороши и полезны в Европе, как и в США. Деньги, которые по существу являются чистой возможностью приобрести что-либо, делают людей равными перед лицом рынка. Разница только в их количестве. Такого взгляда на деньги придерживаются экономисты и многие социологи, в том числе классики – К.Маркс, Г. Зиммель, М. Вебер. Деньги – это «узы всех уз», «химическая

сила общества», которая способна все соединять и разъединять – утверждал К. Маркс [5, с. 41–43]. «Универсальный код кодов» – так определяет деньги российский философ и социолог Н.Н. Зарубина. Она указывает на их способность устанавливать универсальные связи и уравнивать людей [2]. Равенство в экономическом плане ведет к социальному равенству, деньги освобождают человека от моральных, идеологических, социальных связей. «Деньги – родина безродных», – говорил Г. Зиммель, имея в виду возможность представителей маргинальных групп занять высокое социальное положение в результате активной экономической деятельности.

Первыми обратили внимание на социальное разделение денег антропологи. Изучая архаические общества, они обнаружили, что женщины пользуются не такими деньгами, как мужчины, а деньги, предназначенные для выкупа невесты или церемониальных торжеств, не годятся для приобретения еды и одежды.

Русские поговорки «Даровой рубль дешев, нажитый дорог», «Его копейка нищему руку прожжет», а также бытующие в современной культуре представления о «чистых» и «грязных», «шалых» деньгах – все это говорит о том, что люди в процессе взаимодействия наделяют деньги смысловыми значениями, приписывают им дополнительные свойства, которые формально в них не закреплены, но присутствуют в сознании людей. Эти образы помогают людям встраивать деньги в сложную сеть социальных взаимодействий. В качестве примера можно рассмотреть отношение к деньгам алтайцев. Они считают, что деньги могут быть «чистыми» или «грязными» в зависимости от того, как они достались своему обладателю. «Чистые» деньги – заработанные своим трудом, вырученные за продажу скота, пушнины и других продуктов или полученные другим социально одобряемым путем. «Грязные» деньги достаются в результате преступных действий либо случайным путем, например, выигрыш в лотерею. Отношение к таким деньгам проявляется в явном пренебрежении ими [6, с. 19].

Множественность значений денег возможна благодаря тому, что деньги являются не только экономическим средством, но и вещью, которая способна «рассказывать истории и передавать смысл» [7, с. 11]. Символическое значение денег (как и других предметов) может превышать их экономическую полезность. Российский психолог А.Б. Фенько в своем исследовании по психологии потребления столкнулась с интересным явлением. Частью британского менталитета является убеждение в том, что «старые» деньги, полученные в наследство, имеют больше ценности, чем заработанные лично [7, с. 43–45]. Для британцев богатство ценно в первую очередь как «пропуск» в высшее общество с его особым жизненным

укладом. В США особым уважением пользуются люди, сумевшие самостоятельно добиться успеха в карьере; богатым наследникам же американскими обывателями приписываются многочисленные пороки. Так одни и те же суммы, различающиеся лишь способом, которым они достались своему владельцу, становятся причиной социального напряжения и даже противостояния.

В экономических словарях можно встретить определения до 30 видов денег. Оказывается, деньги могут быть «горячими», быстрыми, грязными, черными, жертвенными, сакральными, короткими, длинными, тяжелыми, легкими, отступными, клубными, дорогими, живыми и даже «терпеливыми» [1; 8]. Не стоит перечислять все наименования, ясно одно – даже в экономической сфере деньги несвободны от социальных условностей. Трудно не согласиться с тем, что деньги, подаренные на свадьбу, неожиданный выигрыш в лотерею, награда за высокие достижения расцениваются как «особые» деньги, которые не тратятся на повседневные нужды, а вышедшие из обращения монеты и банкноты и вовсе рассматриваются коллекционерами как сакральные предметы.

Автором концепции «множественных денег» является американский социолог В. Зелизер. Она опубликовала ряд исследовательских работ, которые признаны лучшими в области социологии денег. В рамках рассматриваемой темы наибольший интерес представляет ее книга «Социальное значение денег: деньги на булавки, чеки, пособия по бедности и другие денежные единицы» [4]. В ее работах деньги выступают объектом межличностного взаимодействия и имеют множественный характер. Множественность денег основывается не только на их физической разнородности, но главным образом на смысловом разграничении денег – по источнику дохода, целевому назначению, функциональным ограничениям и так далее. Люди производят разные денежные средства для многих социальных взаимодействий. Гендерные различия в использовании денег также присутствуют. В. Зелизер приводит пример, когда «...на островах Россел в юго-западной части Тихого океана мелкие монеты использовались только женщинами. А на западе Тихого океана на Каролинских островах (в частности, на острове Яп) бусы из раковин служили «женскими деньгами», в то время как мужчины использовали в качестве денег более ценные крупные камни» [3, с. 62].

Во время исследования современного общества США выяснилось, что при ведении домашнего хозяйства замужние женщины распределяли деньги на разные цели и соответственно называли их по-разному: «деньги на булавки», «яичные деньги», «масляные деньги», «карманные деньги», «деньги на расходы», «подарок» или «помощь» [3, с. 64]. Кроме того, из семейного бюджета выделялись «деньги жены» – часть заработка мужа,

предназначенная для ведения домашнего хозяйства. Получаемая женой сумма денег определялась не величиной ее трудового вклада в поддержание хозяйства, а господствующими представлениями о том, какой эта сумма должна быть [3, с. 65]. Собственный заработок женщин также обозначался иначе, нежели заработная плата мужа. Он рассматривался как дополнительный доход, используемый на мелкие расходы, развлечения, подарки и т.д. И сейчас мы сталкиваемся с подобным разграничением денег мужа и денег жены, когда последние определяются как «несерьезные», «вспомогательные». Таким образом, исследование В. Зелизер показывает, как люди наполняют различными смыслами свои многообразные взаимодействия

Идеи множественных денег придерживаются многие современные западные исследователи. Среди них и Т. Вайсман, который в своей книге «Деньги как мотив» пишет: «Всеобщая эквивалентность денег – это иллюзия: на «кровавые деньги» покупают совсем не то, что на честно заработанные, а деньги, полученные в дар от короля, – это не то же самое, что выигрыш в лотерею» [7, с. 67]. К этому же направлению можно отнести работы М. Миллмана, Т. Каплоу, П. Эйерса и Дж. Ламберта, К. Берджойна, Г. Беккера, Д. Бэлби [9]. Так, Т. Каплоу во время изучения рождественских подарков в Мидлтауне обнаружил, что деньги считаются подходящим подарком старшего родственника младшему, но никак не наоборот. П. Эйерс и Дж. Ламберт проводили исследования семейных денег среди рабочего класса Ливерпуля, а К. Берджойн изучал контроль над деньгами со стороны обоих супругов. Д. Бэлби пришел к выводу, что неравенство в сфере домашних денег и в оплате труда является результатом господствующих в обществе убеждений о гендерных ролях [9, р. 685–686]. Это еще раз подтверждает, что социальные структуры и отношения оказывают большое влияние на функционирование денег в социальной среде.

Таким образом, деньги как объект социальной действительности помимо экономических функций выполняют еще ряд социальных функций. В одном из своих проявлений деньги выступают средством социальной коммуникации, которое передает информацию от одного субъекта другому. Люди живут в мире множественных значений, поэтому и деньги они также наделяют множественными значениями. А то, что представлено в нашем сознании, проявляется и в наших действиях. Поэтому обращение к концепции «множественных денег» позволит лучше понять всю сложность социальных отношений и взаимодействий, опосредованных деньгами, а также поможет найти решение многих проблем современной денежной культуры.

1. Большая экономическая энциклопедия / Т. П. Варламова [и др.]. – М. : Эксмо, 2007. – 816 с.
2. Зарубина, Н. Н. О мифологии денег в российской культуре / Н. Н.Зарубина // Социологические исследования. – 2007. – № 3. – С. 43–52.
3. Зелизер, В. Создание множественных денег / В. Зелизер // Экономическая социология. – 2002. – Т. 3. – № 4. – С. 58–72.
4. Зелизер, В. Социальное значение денег. Деньги на булавки, чеки, пособия по бедности и другие денежные единицы / В. Зелизер. – М. : Дом интеллектуальной книги, Издательский дом ГУ ВШЭ, 2004. – 283 с.
5. Маркс, К. Экономическо-философские рукописи 1844 года / К. Маркс, Ф. Энгельс. Сочинения : в 50 т. – М. : Госуд. изд-во полит. лит-ры, 1960. – Т. 42. – 570 с.
6. Тюхтенева, С. П. Деньги – бумага, человек – золото / С. П. Тюхтенева // Этнографическое обозрение. – 2009. – № 2. – С. 16–22.
7. Фенько, А. Б. Люди и деньги: Очерки психологии потребления / А. Б. Фенько. – М. : Класс, 2005. – 416 с.
8. Экономический словарь / под ред. А. Н. Азрилияна. – М. : Институт новой экономики, 2007. – 1152 с.
9. Baker, Wayne E. The sociology of money / Wayne E. Baker, Jason B. Jimerson // American Behavioral Scientist. – July 1992. – Vol. 35, No. 6. – P. 678–693.

УДК 325(476)

Н.П. ГАЛИМОВА

Брест, БрГУ имени А.С. Пушкина

МИГРАЦИЯ В БЕЛОРУССКИЕ ГОРОДА В ПОСЛЕВОЕННЫЙ ПЕРИОД (1944–1970)

В настоящее время основной целью социально-экономического развития регионов Республики Беларусь является повышение уровня благосостояния населения независимо от мест его проживания и уменьшение существующих различий между регионами на основе стабильного и сбалансированного роста экономики, наиболее эффективного использования их конкурентных преимуществ. Достижение этой цели зависит от множества факторов и условий, одним из которых является оптимизация внутренних межрегиональных перемещений населения с учетом региональных интересов. В научной литературе не существует какой-либо универсальной классификации функций внутренней миграции. Наиболее полная классификация была разработана Т.И. Заславской и включала ряд функций.

1. *Ускорительную* – способствующую изменению социально-психологических характеристик людей, расширению их кругозора,

накоплению знаний о различных областях жизни, обмену опытом, развитию личности и др.

2. *Перераспределительную* – связанную с размещением производительных сил, распределением производственных мощностей и инвестиций между отдельными регионами страны, в том числе между природными зонами, разными типами сельских и городских поселений. Выполняя перераспределительную функцию, миграция не только увеличивает численность населения в одних регионах и сокращает в других, но и опосредованно влияет на динамику демографических процессов, поскольку мигранты участвуют в воспроизводстве населения.

3. *Селективную* – предполагающую, что неравномерное участие в миграционных процессах различных социально-демографических групп приводит к изменению качественного состава населения регионов. Опыт показывает, что мужчины более склонны к миграции, чем женщины, трудоспособные мигрируют чаще, чем нетрудоспособные.

4. *Экономическую* – в самом общем виде сводящуюся к соединению со средствами производства рабочей силы и ее носителя – трудоспособного населения. Осуществление в полной мере этой задачи на основе реализации общих функций миграции – ускорительной, перераспределительной и селективной – должно приводить к обеспечению количественного и качественного соответствия между вещественными и личностными факторами производства.

5. *Социальную* – тесно связанную с ускорительной и определяемую уровнем экономического развития региона. В этих рамках мигранты решают свои жизненные задачи: путем переселения стремятся улучшить свою жизнь. Миграция вследствие реализации ее социальной функции, представляет собой итерационный процесс повышения жизненного уровня мигрирующего населения.

В послевоенный период (1945–1970-е гг.) в Беларуси обозначилась проблема миграции сельского населения в города. В 1950 г. в Минске проживало 273 тыс. жителей, что соответствовало численности города в 1941 г. Затем произошел демографический бум. Численность населения увеличилась с 500 тыс. в 1959 г. до 1 млн в 1972 г. [1, с. 167]. Такой прирост населения был характерен для всех белорусских городов и был обусловлен «бегством из деревни». Количественные данные о мигрантах из села хорошо представлены в переписи населения 1970 г. Мигрантами были молодые люди, которые стремились получить образование, все они были в возрасте от 15 до 29 лет. При этом мигрантов-мужчин было больше, чем женщин. Достаточно много мигрантов было из других республик, это в основном были специалисты, которые приезжали работать на восстановленные и вновь построенные фабрики и заводы.

Сравнивая город и деревню, можно отметить следующее: в 1950-е гг. «бегство из деревни» в город превосходило межгородскую мобильность в четыре, а в 1960-е гг. – в два раза. В БССР рост городского населения за счет притока мигрантов из деревни превосходил рост населения за счет притока мигрантов из города в 1940-е гг. в три, в 1950-е гг. – в четыре-пять и в 1960-е гг. – в три-четыре раза [2, с. 39]. Мотивы переселенцев были различными, подавляющее большинство прибывших в столицу и областные центры приехало на учебу. Те, кто приехал по «личным причинам», были выпускниками, оставшимися в городах благодаря браку, родственникам. Существенным фактором «бегства из деревни» были различия в уровне жизни в деревне и городе. Главным мотивом переселенцев была надежда на удовлетворение основных материальных потребностей, прежде всего получение «благоустроенной», т.е. оснащенной всеми удобствами квартиры, затем работа в городе и пренебрежительное отношение к сельскому труду. Только на третьем месте был фактор культурной жизни города.

В конце 1940-х гг. в республике встал остро жилищный вопрос. Начало массового жилищного строительства относилось к 1957 г. В 1962–1963 гг. на смену индивидуальному жилищному строительству пришло кооперативное. Массовое жилищное строительство означало коренное изменение в области жилищного строительства: ограничивалось влияние предприятий при использовании и распределении жилплощади; задача обеспечить каждую семью отдельной квартирой означал постепенный отказ от коммунальных в сталинских многоквартирных домах в пользу малометражных и малогабаритных квартир. Возможности предприятий и организаций в области жилья были ограничены.

В послевоенный период в результате сельско-городской миграции возникли существенные диспропорции между спросом и предложением рабочей силы, профессиональными и демографическими характеристиками работников в сельских регионах. Например, из числа занятых в колхозах республики более 20 % составляли лица старше трудоспособного возраста, в то время как среди занятых в промышленности на эту возрастную группу приходилось лишь 6,9 %.

С начала 1960-х гг. обозначалась новая тенденция внутренней миграции населения Беларуси: промышленные и культурные объекты стали размещаться даже в небольших городах и поселках городского типа, что способствовало направлению потоков сельских мигрантов также в малые и средние города.

Политика стимулирования развития малых и средних городских поселений обеспечила развитие, в первую очередь, населенных пунктов, находящихся в зоне влияния крупных промышленных – Фаниполя,

Дзержинска, Столбцов, Логойска, развивающихся как города-спутники Минска; Жабинки в зоне влияния Бреста; Костюковки в зоне Гомеля; Скиделя недалеко от Гродно; Шклова в зоне влияния Могилева и др. Кроме этого, стремительными темпами строились новые города, население которых формировалось целиком из мигрантов (Солигорск, Новополоцк, Светлогорск, Жодино). В результате реализации политики стимулирования развития малых и средних городов их удельный вес в общей численности промышленно-производственного персонала всех городских поселений страны повысился с 15,2 % в 1960 г. до 21,3 % в 1977 г. На долю малых и средних городских поселений в 1961–1975 гг. приходилось 17,7 % всего прироста городского населения. При этом в этот период увеличение численности городского населения было обусловлено миграционным приростом.

В 1973 г. количество мигрантов в Минске достигло 80 тыс. Интеграция в городское общество часто терпела неудачу, поскольку переселение было возможно лишь как временное и нелегальное, так что жилищные условия новопереселенцев в большинстве случаев оставляли желать лучшего. В культурном отношении политика государства в области среднего образования привела к тому, что мигранты уже во втором поколении подвергались русификации. Тем не менее, привязанность Минска и областных центров к деревне сохранилась вплоть до распада Союза. Это было связано с родственными связями или наличием дачи в сельской местности.

Для того чтобы столица и областные центры соответствовали требованиям «социалистического города», в послевоенный период в центре городов и на прилегающих к нему улицах были построены добротные благоустроенные жилые дома: в квартирах имелось электричество, центральное отопление, горячая вода и санузел. Но в то же самое время вопреки призыву партии заботиться о человеке на окраинах городов разместились более чем скромные рабочие поселки. Инфраструктура этих поселков была развита слабо, сфера услуг отсутствовала.

Все идеологические цели, которые стояли перед «социалистическим городом», были связаны с фобией урбанизации. С одной стороны это требование о преодолении «противоречий между городом и деревней», с другой – стороны лозунг «социальная гигиена путем рассредоточения построек», который противопоставлялся западноевропейской концепции города «урбанизация по средствам увеличения плотности». Если в белорусском случае принимать во внимание примитивные условия жизни в деревне, а также нехватку жилья и деревянные дома, незавершенный вид центральных площадей и перенесение микрорайонов на окраины, то

необходимо отметить, что идея «социалистического города» превратилась в свою противоположность. В 1945–1970-е гг. «бегство из деревни» стало причиной «окрестьянивания города» в Беларуси, что, несомненно, повлияло на дальнейшее развитие городского населения, его структуру и особенности.

1. Бон, Т. М. «Минский феномен». Городское планирование и урбанизация в Советском Союзе после Второй мировой войны / Т. М. Бон ; пер. Е. Слепович. – М. : РОССПЭН, 2013.

2. Кельник, А. В. Регулирование внутренней миграции населения в аспекте регионального развития Республики Беларусь / А. В. Кельник. – Минск : Беларуская навука, 2012. – 161 с.

3. Пешкова, А. Н. Миграция сельского населения СССР: ее характер и социально-экономические последствия / А. Н. Пешкова // Проблемы народонаселения и трудовых ресурсов : сб. ст. – Вып. 1 / под ред. В. Ф. Медведева, А. А. Ракова, М. И. Горячко. – Минск, 1970.

4. Рыбаковский, Л. Л. Миграция населения: прогнозы, факторы, политика / Л. Л. Рыбаковский, Т. И. Заславская. – М. : Наука, 1987. – 199 с.

УДК 947,6 («1921–1939»)

В.П. ГАРМАТНЫ

Баранавічы, БарДУ

**ПРАВЯДЗЕННЕ КАМАСАЦЫІ НА ТЭРЫТОРЫІ
БАРАНАВІЦКАГА ПАВЕТА НАВАГРУДСКАГА
ВАЯВОДСТВА ў 1921–1939 гг.**

Камасацыя – гэта адна з галоўных складовых частак аграрнай рэформы, якая ажыццяўлялася польскімі ўладамі ў 1921–1939 гг. на землях II Рэчы Паспалітай і найперш за ўсё Заходняй Беларусі (у тым ліку і Баранавіцкага павета Навагрудскага ваяводства) і Заходняй Украіны з мэтай ліквідацыі цараспалосіцы і інтэнсіфікацыі сельскай гаспадаркі. У цэлым камасацыя вылілася ў аб'яднанне раскіданых надзелаў з улікам іх грашовай вартасці ў адзін з перанясеннем сюды хаты і стварэннем такім чынам хутара [4, с. 34–35]. Наяўнасць цараспалосіцы можна растлумачыць хуткім драбленнем сялянскіх гаспадарак з-за высокага натуральнага прыроста і немагчымасцю набыць зямлю ў адным месцы з-за яе дэфіцыту і высокага кошту. Цараспалосіца аказвала адмоўны ўплыў на якасць апрацоўкі зямлі і садзейнічала зніжэнню паказчыкаў ураджайнасці сялянскіх надзелаў. Гаспадаранне на некалькіх надзелах зямлі, адлеглых

адзін ад аднаго часам на некалькі кіламетраў, абумоўлівала вялікую страту сіл і часу селяніна.

Першыя падрыхтоўчыя мерапрыемствы па хутарызацыі былі ажыццёўлены польскімі ўладамі на заходнебеларускіх землях яшчэ на працягу 1919 г., але сістэмнае яе правядзенне стала магчымым толькі пасля заключэння 18 сакавіка 1921 г. Рыжскага міру, у выніку падпісання якога Заходняя Беларусь трапіла ў склад Польшчы. У 1921–1939 гг. Баранавічы з’яўляліся павятовым цэнтрам Навагрудскага ваяводства. Сельская гаспадарка Баранавіцкага павета ў вельмі значнай меры пацярпела падчас Першай сусветнай (1914–1918 гг.) і польска-савецкай (1919–1921 гг.) войнаў, была амаль цалкам разбурана: на 1921 г. было поўнасьцю знішчана 99 і часткова 28 вёсак, а таксама ўсе маёнткі і фабрыкі ва ўсходняй частцы павета [10, s. 20].

Камасацыя паводле меркаванняў польскай эліты павінна была стаць галоўнаю складоваю часткаю аграрнай рэформы: напрыклад, 14 чэрвеня 1923 г. у Сейме II Рэчы Паспалітай абвяшчалася, што “камасацыйны закон на шляху да рацыянальнай сельскай гаспадаркі трэба трактаваць найпрост за ўсё як падмурак, як фундамент”. У адпаведнасці з прынятым Сеймам 31 ліпеня 1923 г. законам аб камасацыі (*scaleniu* – ссяленні) надзелы аднаго ўладальніка, даўжыня якіх у адносінах да шырыні складала менш як 15 разоў, аддзеленыя ад сябе надзелямі іншага ўладальніка, лічыліся раздробленымі і цераспалоснымі і падлягалі звядзенню ў адзін, адпавядаючы асновам справядлівага гаспадарання (артыкул 1), з перанясеннем сюды хаты і стварэннем такім чынам хутара [11].

На пачатак 1920-х гг. у Баранавіцкім павеце налічвалася 332 вёскі, сяляне якіх мелі ва ўладанні па некалькі раскіданых надзеляў. Усяго такіх гаспадарак было 24 547, ахопліваючых 154 985 га, што ў цэлым адпавядала сярэдняму паказчыку па Навагрудскаму ваяводству, якое вылучалася сярод заходнебеларускіх ваяводстваў асабліва вялікім маштабам цераспалосіцы [7, s. 424]. Перад правядзеннем камасацыі дзяржаўныя ўлады складалі падрабязны план неабходных работ, заключалі дамову з вызначаным землямерам аб тэрмінах і памеры аплаты выкананай працы і г.д. Мясцовыя сяляне павінны былі абраць раду (савет) ссялення (*rada uczestników scalenia*) і іх намеснікаў для ажыццяўлення работ па камасацыі, колькасць членаў рады залежала ад колькасці сялян вёскі і складала ад 3 да 7 чалавек. Для ацэнкі грашовай вартасці сялянскіх зямель стваралася Ацэначная камісія (*Komisji Szacunkowa*).

Працэс камасацыі быў доўгім і складаным у сувязі з неабходнасцю правядзення вялікага аб’ёму падрыхтоўчых работ і складання шматлікіх патрабуемых дакументаў, акрамя таго заходнебеларускія сяляне спадзяваліся атрымаць пры ссяленні дадатковую ворную зямлю, але ва

ўрада адсутнічаў дастатковы запас свабодных зямель [5, с. 96–97]. Паводле ацэнак тагачасных польскіх даследчыкаў для ажыццяўлення камасацыі асобнай вёскі неабходна было як мінімум 1½–2 гады, у першую чаргу для падрыхтоўкі патрэбнай нарматыўна-прававой і тэхнічнай дакументацыі і, пры магчымасці, па надзяленні дадатковаю ворнаю зямлёю беззямельных і малазямельных сялян, а таксама тых, якія пераносілі на новае месца гаспадарчыя будынкi. За сезон два кваліфікаваных інжынера-землямера з дапаможным персаналам маглі ажыццявіць памер 1 000 га на абшары некалькіх гмін, у той час як для высвятлення ўсіх маёмасных абставін справы патрабавалася б дзейнасць некалькіх дасведчаных юрыстаў.

Паспяховае ажыццяўленне камасацыі ў Заходняй Беларусі было немагчымым без дадатковага надзялення зямлёю, але ва ўладаў не хапала на гэта свабодных ворных зямель. З мэтай надзялення сялян зямлёю польскімі ўладамі звычайна выкарыстоўваліся царкоўныя і касцельныя ўладанні (землі “мёртвай рукі”), пры захаванні канкардатнага мінімуму ў 20 га. Так, 30 мая 1925 г. сяляне вёскі Падлессе гміны Дарэва падалі заяву аб скамасаванні іх зямель абшарам каля 620 га. На пасяджэнні Навагрудскай Акруговай Зямельнай Управы (Nowogródski Okręgowy Urząd Ziemi, НАУЗ) у г. Гродна 29 студзеня 1926 г. выступіў селянін гэтай вёскі Стэфан Віктаровіч, які па просьбе 35 мясцовых малазямельных сялян прасіў перадаць на іх карысць каля 85 га зямлі, якія належылі праваслаўнай парафіяльнай царкве ў Дарэва. Просьбу вяскоўцаў улады задаволілі з мэтай ўзмацнення карлікавых гаспадарак [1, арк. 5, 6].

У сувязі са значнымі цяжкасцямі першапачаткова камасацыя праходзіла даволі марудна [7, с. 449–450], а масава яна стала праводзіцца пасля прыняцця сумеснага распараджэння Міністэрстваў Сельскагаспадарчых Рэформ (Ministerstwo Reform Rolnych, МСГР) і Фінансаў (Skarbu) ад 14 студзеня 1927 г. аб выдачы хутаранам ільготных крэдытаў [9]. Дзяржаўная крэдытная дапамога выдзялялася з фондаў МСГР у форме дадатковых банкаўскіх пазык пад 4 % гадавых (артыкул 3). Уладальнікам новаствораных хутарскіх гаспадарак выдаваўся крэдыт у 1 200 (у выключных выпадках да 2 500) злотых на перанясенне будынкаў і 600 (800) злотых на меліярацыю (артыкул 4), а малазямельным гаспадарам на набыццё дадатковай зямлі. Велічыня пазыкі ў адносінах да 1 га новаатрыманага надзела не магла перавышаць сярэднярыначнага кошту зямлі ў дадзенай мясцовасці (артыкул 5), а агульная сума крэдыту на набыццё зямлі на гаспадарку не магла быць больш паловы сукупнага кошта надзелаў селяніна (артыкул 6). Крэдыты выдаваліся пад іпатэчнае забеспячэнне нерухомасцю на тэрмін да 15 гадоў, а на тэхнічныя работы – да 4 гадоў (артыкул 9). Свабодных фінансаў у польскага ўрада на выдачу

сялянам крэдытаў было даволі мала: напрыклад, НАУЗ мела звычайна на крэдытаванне мясцовых сялян у 1921–1927 гг. каля 200 000 злотых штогод.

Выплачваць крэдыты і аплачваць работы па камасацыі сялянам было цяжка, таму ў адпаведнасці з дзяржаўнаю праграмаю ад 1931 г. аб сялянскай запазычанасці яны звярталіся ў органы ўлады з просьбамі аб памяншэнні выплат. Так, 27 жніўня 1931 г. НАУЗ атрымала паданне жыхаркі вёскі Вялікая Валохва гміны Ястрамбель Сузанны Запруцкай з просьбаю аб зняцці пазыкі ў памеры 400 злотых, бо яе “гаспадарка складаецца з 4 дзесяцін зямлі і 1 каровы, з якой корміцца ўся сям’я ў складзе 4 асоб, пры тым, што на выплату пазыкі буду вымушана прадаць апошнюю карову, якую трымаю пераважна для малых дзетак”. 20 верасня 1931 г. паданне перанакіравана ў Баранавіцкую павятовую ўправу дзеля ўдакладнення ўсіх абставін справы [2, арк. 7–7зв.].

Значную цяжкасць пры правядзенні камасацыі ўяўляла дзейнасць камуністаў, якія паставілі задачу сарваць яе і з гэтай мэтай усяляк дыскрэдытавалі саму ідэю насаджэння хутароў. Так, напрыклад, у партыйным органе КПЗБ “Чырвоны сыцяг” у красавіку 1933 г. паведамлялася, што “ў Баранавіцкім павеце з кожным днём пагаршаецца наша (сялян) становішча. Большасць нашых вёсак скамасавана. Абманулі нас (улады), што дадуць больш зямлі, пазыку. Толькі цяпер мы пазналі сапраўдны смак камасацыі. Па два гады сядзелі бяз хлеба, пакуль перавезлі будовы на новае месца. Зямлі атрымалі трохкі больш, але балота, пустыры, няўжыткі, так што меншы ўраджай маем чым раней. А розныя платы сыплюцца на нас як з дзіравага мяшка: камасацыйныя, мэліярацыйныя, процанты па даўгох. У бягучым годзе павінны заплаціць 200–300 злотых камасацыйных выдаткаў, 80–100 зл. падаткаў. Таму вёскі, у якіх не праведзена яшчэ камасацыя, бачучы нашае марнае жыццё, зацята змагаюцца супраць камасацыі” [6, с. 3].

Галоўным фактарам пры вызначэнні месца атрымання зямлі была яе ўраджайнасць і апрацаванасць, але для некаторых хутаран земляробства не было галоўнаю крыніцаю для існавання, і ў гэтым выпадку на першае месца выходзілі абставіны зусім іншага характару. Напрыклад, 4 кастрычніка 1937 г. капітан 78-га пяхотнага палка Аляксандр Матусевіч з Баранавіч, уладальнік зямлі ў ваколіцах мястэчка Цырын Навагрудскага павята Навагрудскага ваяводства, прасіў павятовага старасту выдзеліць яму пры правядзенні камасацыі надзел на царкоўных землях за 500 метраў на поўнач ад мястэчка. Афіцэр абгрунтаваў просьбу тым, што асабіста для яго галоўным фактарам з’яўляецца не ўраджайнасць зямлі, а яе месцазнаходжанне, бо ў хуткім часе збіраўся звальняцца з вайскавай службы і займацца грамадскаю дзейнасцю ў справе вайскавай падрыхтоўкі, і галоўным для яго з’яўляецца кантакт з грамадскасцю і

пошта. Капітан прасіў выдзяліць яму надзел менавіта там, бо ў іншым выпадку, нават калі будзе выдзелена лепшая зямля, пацярпіць грамадская справа. Рашэннем павятовага старасты землемеру было загадана цалкам задаволіць просьбу вайскоўца, але ён зрабіў гэта толькі пасля другога загаду [3, арк. 333, 339–340].

Паводле дадзеных дзяржаўнай статыстыкі на канец 1934 г. у Баранавіцкім павеце закончана камасацыя 46 вёсак (14 % ад патрабуемага) з 5 678 гаспадарак (23 %) агульнаю плошчаю зямельных надзелаў у 39 299 га (25 %), а ў 92 вёсках (9 106 гаспадарак абшарам 58 801 га) былі ўжо распачаты працы па камасацыі і ў 69 вёсках (7 595 гаспадарак абшарам 50 609 га) справа ішла да свайго заканчэння і ўжо былі распачаты працы на грунце [7, с. 448]. Варта адзначыць, што ў разглядаемы перыяд польская дзяржаўная статыстыка вялася пераважна ў цэлым па ваяводствам, таму вызначыць дакладна, колькі зямель было скамасавана ў Баранавіцкім павеце па стане на верасень 1939 г. не ўяўляецца магчымым. Паводле ацэнак тагачасных польскіх даследчыкаў на 1934 г. пры захаванні тэмпаў апошніх пяці гадоў (1929–1934 гг.) для поўнага правядзення камасацыі і ліквідацыі цэраспалосіцы ў сельскай гаспадарцы Заходняй Беларусі павінна прайсці яшчэ як мінімум прыкладна 14 гадоў (да 1948 г.), але час распарадзіўся па-свойму [7, с. 449].

У выніку камасацыі за кошт скарачэння колькасці межавых палосак агульная плошча надзелаў узрасла ад 3 % да 9 %, дзякуючы ўдасканаленню і ўдакладненню існуючых у аграрнай сферы юрыдычных адносін кошт скамасаванай зямлі ўзрастаў прыкладна на 30 % [8, с. 11–12], памяншалася колькасць неабходных для апрацоўкі надзела працадзён, паляпшалася якасць апрацоўкі і ўзрастала ўраджайнасць ворнай зямлі. Скамасаваныя гаспадаркі станавіліся заможнейшымі, іх уладальнікам было прасцей выкарыстоўваць перадавыя метады апрацоўкі зямлі, сельскагаспадарчыя машыны і севаабарот. Дзякуючы працавітасці і настойлівасці сваіх уладальнікаў, новаўтвораныя гаспадаркі праз 3–8 гадоў амаль нічым не адрозніваліся ад старых гаспадарак, а не раз нават былі лепш апрацаванымі [7, с. 453].

Падводзячы вынікі, трэба адзначыць, што правядзенне ў 1921–1939 гг. камасацыі ў Баранавіцкім павеце мела на мэце ліквідацыю цэраспалосіцы, вылілася ў паўсюднае насаджэнне эканамічна самастойных рынкова арыентаваных гаспадарак фермерскага тыпу, садзейнічала станаўленню капіталістычных адносін у аграрнай сферы рэгіёна, дала значныя станоўчыя вынікі ў сферы сельскай гаспадаркі – спрыяла стварэнню агульнага ўнутранага рынку, уцягванню заходнебеларускіх сялян у таварна-грашовыя адносіны і станаўленню капіталістычных адносін у эканоміцы рэгіёна.

1. Постановления Гродненской окружной земельной комиссии о ликвидации общих пастбищ и объединении земельных участков // Дзяржаўны архіў Гродзенскай вобласці (далее – ДАГВ). – Ф. 551. Воп. 1. Спр. 2416.
2. Переписка с поветовыми старостами о погашении ссуды и разбивке на хутора деревень Новогрудского повета // ДАГВ. – Ф. 551. Воп. 1. Спр. 2503.
3. Дело о разбивке на хутора земель местечка Цирин Новогрудского повета // ДАГВ. – Ф. 551. Воп. 1. Спр. 2862.
4. Кухарев, Б. Е. Сельское хозяйство Западной Белоруссии (1919–1939 гг.) / Б. Е. Кухарев. – Минск : Вышэйшая школа, 1975. – 112 с.
5. Сорокин, А. А. Аграрный вопрос в Западной Белоруссии (1920–1939 гг.) / А. А. Сорокин. – Минск : Наука и техника, 1968. – 204 с.
6. Што пішуць сяляне аб камасацыі / Чырвоны сыцяг (Вільня). – красавік 1933 г. – № 1 (96). – С. 3.
7. Odlanicki-Poczobutt, St. Województwo Nowogródzkie / St. Odlanicki-Poczobutt. – Wilno : Nakładem Wileńskiej Izby Rolniczej, 1936. – 498 s.
8. Rolnictwo w Polsce. Jaki jest stan rolnictwa i co rząd robi dla jego podniesienia. – Warszawa : Wydawnictwo Bezpartyjnego Bloku Współpracy z Rządem, 1930. – 32 s.
9. Rozporządzenie Ministra Reform Rolnych z dnia 14 stycznia 1927 r. wydane w porozumieniu z Ministrem Skarbu o państwowej pomocy kredytowej przy scalaniu gruntów // Dziennik Ustaw Rzeczypospolitej Polskiej (DURP). – 1927. – № 6. – Poz. 36. – S. 45–47.
10. Tomczonek, Z. Ruch ludowy na Kresach Północno-wschodnich Drugiej Rzeczypospolitej / Z. Tomczonek. – Białystok : Wydawnictwa Politechniki Białostockiej, 1996. – 247 s.
11. Ustawa z dnia 31 lipca 1923 r. o scalaniu gruntów // DURP. – 1923. – № 92. – Poz. 718. – S. 1050–1056.

УДК 94(476) (411.16)

Ю.Г. ЕРМАК

Гродно, ГрГУ имени Я.Купалы

**ПОВСЕДНЕВНАЯ ЖИЗНЬ ИУДЕЙКИ-ТРАКТИРЩИЦЫ
НА РУБЕЖЕ XIX–XX вв.
(ПО МАТЕРИАЛАМ НИАБ г. МИНСКА)¹**

Пожалуй, нет более естественного состояния для человека, чем каждодневный труд. Работа, профессия, отношения в коллективе – это то, что заполняет некоторую часть жизни современного человека, в отличие от человека начала XX в., для которого состояние труда было практически перманентным, прерываясь на небольшие эпизоды праздников.

¹ Архивные материалы собраны при финансовой поддержке фонда «Генезис» в рамках благотворительной программы САФ Россия «Еврейские сообщества».

Тесное переплетение судеб белорусов и евреев в начале XX в. обусловлено исторически сложившимися обстоятельствами. Одной из особенностей повседневной жизни белорусского еврейства черты оседлости была достаточно активная социально-экономическая позиция женщин-евреек, и выражалась она прежде всего в том, что вынужденные самостоятельно бороться за выживание (мужчины нередко посвящали свою жизнь изучению религиозных книг, что было весьма почетно и правильно, с точки зрения тогдашнего еврейского обывателя), они занимались содержанием питейных заведений, ресторанов, трактиров, лавок. Жизнерадостная шинкарка, энергичная корчмарка, продающая пиво в кредит, и тому подобные образы прочно вошли в историю Беларуси, стали хрестоматийными для описания еврейской женщины. Но за ширмой нарочитого веселья спрятана нелегкая, полная тяжелого труда доля еврейки, на чьих плечах порой лежало содержание всей семьи; кроме того хозяйка очень часто отстаивала торговые интересы перед конкурентами, вступая в прения с местной администрацией.

До середины XIX в. общего закона о трактирных заведениях в России не существовало. Так, в крупных городах действовали одни уставы, губернские и портовые города работали по своим правилам, в заштатных местах существовало особое положение. Закон, регулирующий деятельность питейных заведений на территории Российской империи, был принят 4 июля 1861 г., и назывался он «Высочайше утверждённое Положение о трактирных заведениях». Оно же действовало и на территории белорусских губерний. «Положение» строго определяло характер и границы торговли каждого трактирного заведения. Была введена система налогообложения. В 1893 г. было учреждено новое положение о трактирном промысле, которое было введено в действие во всех местностях империи, за исключением Царства Польского и дополняло уже имевшийся закон 1861 г. [1]. В частности вводились характеристики трактирных заведений, а также ответственность городских дум и полиции. Положение расширило категорию лиц, допускаемых к содержанию трактирных заведений. Владелец трактирного заведения за право его держания должен был уплатить в пользу местной городской казны акциз.

Согласно статистическим материалам по уездным и заштатным городам Минской губернии на 1886 г. в губернии насчитывалось: трактиров – 362, 951 корчма, буфетов – 52, пивных лавок – 122, оптовых складов пива – 3, ренсковых погребов – 37, погребов русских виноградных – вин 12, винных лавок – 32 [2, л. 514]. «Число заведений для торговли питеями сравнительно с 1885 г. уменьшилось на 204 заведения вследствие увеличения патентного сбора и применения закона 14 мая 1883 года», – было записано в статистическом сборнике [2, л. 514].

«Журнал Генеральной проверки торговли» по г. Минску по первому податному участку за 1892 г. сообщал о шести женщинах-еврейках, владеющих собственными питейными заведениями. Купчиха Эстер Цива Фельдман вместе с компаньонкой Сарой Сонкиной управляли трактиром, в котором продавалось хлебное вино и закуска. Их годовой оборот составлял 6 000 рублей, а чистая прибыль была в размере 600 рублей. Сора Ничерович и Эта Геня Гурвич содержали трактир, и их оборот был в два раза меньше, чем у купчихи Фельдман, и равнялся 3 000 рублей. Таким же торговым капиталом владела и Р. Горфинкель. Еще одна минская трактирщица Фейга Гамер имела 2 000 рублей годового оборота, чистая прибыль составляла 200 рублей в год [3, л. 128]. В среднем получалось, что жительницы Минска при вложении средств в питейный бизнес получали 10 процентов годовых от суммы оборота. Аналогичная ситуация наблюдалась и в городе Полоцке. Трактир, принадлежащий купчихе 2-й гильдии Хане Мордуховой Гильштейн с годовым оборотом в 9 000 рублей, приносил владелице стабильные 10 процентов прибыли [4, л. 88]. Учитывая несомненную выгоду подобных вложений в 1904 г., Мина Шлиомова Кацнельсон из Бобруйска обращается с ходатайством о разрешении ей продавать крепкие напитки в трактирном заведении второго разряда. Поскольку «по плану о числе и распределении в Минской губернии мест частной продажи крепких напитков на трехлетие 1904–1906 гг. в городе Бобруйске намечено одно трактирное заведение второго разряда, но таковое по настоящее время никем не открыто» [5, л. 445]. Местный полицеймейстер и окружной надзиратель акцизных сборов считают возможным удовлетворить ходатайство обратившейся.

Женщины, успешно работающие в этой сфере, нередко сталкивались с жалобами на свои заведения. Чаще всего жалобщики просили местную губернскую власть приостановить, а лучше вообще закрыть ресторан. Тут показательно дело Раси Шмуловны Прасковской. Эта молодая двадцатипятилетняя женщина содержала в городе Слуцке по Мостовой улице ресторан второго разряда, в котором велась продажа крепких напитков. Как указывали заявители, «в этом ресторане, несмотря на то, что законом запрещается торговля спиртными напитками в неуказанное время, туда собираются местные кутилы и почти каждый день и каждую ночь производят беспорядки, по улице нарушая тишину, даже были случаи, что и окна били у соседей и в ресторане» [6, л. 121]. Далее заявители напоминали местной администрации: «Муж Раси, Гершун Прасковский, с другими лицами в прошлом году избил постового городского при исполнении служебных обязанностей, хотя за это было возбуждено дело, но они остались безнаказанными. Местные слуцкие власти не могут не знать о деяниях Прасковского, но почему-то на это власть мало обращает

внимания» [6, л. 122]. На основании изложенного заявителя просят сделать распоряжение о закрытии указанного ресторана как несоответствующего. Разобраться в ситуации было поручено Слуцкому исправнику, который сообщал: «Честь имею донести, что жалоба эта возникла на почве споров между вышеупомянутыми жалобщиками и Расей Прасковской, что же касается показаний бывшего городского слуцкой полицейской команды Бородича, то показания его не заслуживают особого доверия как человека, пристрастного к крепким напиткам и уволенного от службы за нетрезвое поведение» [6, л. 125]. К этому сообщению был прикреплен Протокол дознания лиц, терпевших неудобства от работы ресторана Раси Прасковской. «Шмуйлов Проект, 49 лет, еврей, не судим, живет по соседству с рестораном Раси Прасковской на Мостовой улице, ему очень часто приходится ходить по ночам мимо упомянутого ресторана, где почти каждую ночь ресторан зазывает местных кутил, тем, что он открыт до двух ночи, а то и больше чем до двух ночи. Собираясь, производится пьянство, драки были слышны соседям, живущим в округе с рестораном», «по случаю субботы не расписался», – было написано на документе рукой помощника уездного исправника. «Ципа Зусьманова Искрич, 28 лет, еврейка обучаемая, живу по соседству с рестораном Прасковской и знаю, что таковая производит торговлю в неустановленные часы, часов до двух и даже больше. Центральная дверь и ставни в окнах закрываются, а черный ход открывается, что я лично наблюдаю. Там происходят драки, оканчивающиеся даже увечьями, что не дает соседям спокойно ночью отдыхать и нарушает общественную тишину» [6, л. 127]. Янкель Аринович добавлял, что владелица заведения, закрывая дверь, впускает ночных посетителей черным ходом. Пейсах Майзель, живущий по соседству, в своем объяснении, кроме стандартного сообщения о нарушении рестораном правил торговли дополнительно указывал: «С Расей Прасковской я никогда не судился и никакой злобы против нее не имею» [6, л. 128]. На эти заявления мещанка Рася Шмуловна Прасковская давала следующее краткое объяснение: «В содержимом мною ресторане я никогда не производила торговлю и не произвожу, все указанные допрошенные лица на меня наговаривают по злобе» [6, л. 128]. Поскольку очевидных нарушений в торговле обнаружено не было, акциз платился своевременно, жалоба исходила со стороны местного еврейского населения на свою соплеменницу, местная администрация решила, что это внутренние проблемы горожан. Ресторан продолжил свою работу.

Иначе дело обстояло, когда жалобщиками выступали лица, имевшие светскую или религиозную власть. Епископ Слуцкий викарий Минской Епархии обратился с жалобой на содержательницу пивной лавки Таю Боруховну Ивенскую в местечке Циринов Новогрудского уезда. Епископ был

возмущен тем, что, во-первых, лавка располагалась на единственной дороге, ведущей в церковь, а, во-вторых, в непосредственной близости от памятника царю Освободителю Александру II. Подобное расположение «является крайне нежелательным и опасным в религиозно-нравственном отношении для прихожан. Идя в храм или из храма в дождливое и холодное время, богомольцы обязательно зайдут в пивную, чтобы погреться и отдохнуть, так как училище, где обычно проводится собеседование, находится вдали от церкви, за местечком» [6, л. 151]. Вследствие этой жалобы Тае Ивенской было отказано в выдаче патента на дальнейшее содержание пивной лавки. Ее встречные ходатайства к Минскому губернатору с указанием на тот факт, что все пивные лавки находятся в местах сосредоточения людей и, что «она ничего не нарушала, и не чувствует за собой никакой вины» оказались безрезультатными [6, л. 153]. Новогрудскому исправнику было приказано оставить без удовлетворения прошение Таи Ивенской [6, л. 162]. Как правило, заявления со стороны религиозной власти местной администрацией удовлетворялись, поскольку в обращениях использовались веские аргументы, затрагивающие морально-нравственный облик общества.

Иная ситуация сложилась с пивной лавкой Эстер Рыси Деречин, находившейся в очень близком расстоянии от казарменного помещения стражников пешей команды Слуцкого отряда. «Они часто посещают лавку, что в свою очередь отражается на их поведении и служебной деятельности. Имею честь просить закрыть эту лавку, при этом имею честь доложить, что ответственное лицо этой лавки неоднократно привлекалось к ответственности за нарушение обязательных постановлений», – рапортовал Слуцкий уездный исправник в 1912 г. [6, л. 277]. На этот рапорт управляющий акцизными сборами докладывал, что лавка Деречин находится дальше от казармы, чем лавки Гуревича и Прасковской, кроме того команда пеших стражников расформирована и упразднена. Следовательно, в закрытии лавки нет надобности [6, л. 279]. Возможные причины, вызвавшие столь пристальное внимание уездного исправника к лавке Рыси Деречин, кроются в конкурентной борьбе между владельцами пивных лавок, не гнушавшихся использовать административный ресурс в своих целях.

Не редки были случаи, когда женщины еврейки привлекали в качестве юридического лица людей нееврейского происхождения. Так, Ева Карловна Галковская, Эстер Янкелева Найдич, Малка Бениаминова Гухштейн и Иван Хвесюк получили разрешение на открытие трактиров второго разряда в городе Пинске [6, л. 217]. Это разрешение датируется 29 января 1913 г. Не проходит и трех месяцев с момента получения

разрешения, как Иван Хвесюк изъявляет желание переуступить трактир Хане Исеровой Лившиц [6, л. 224].

В Минском архиве сохранилось большое количество документов, отражающих повседневную деятельность владелиц трактирных заведений. Как видно из приведенных выше примеров, женщина владелица трактира, должна была не только обладать коммерческой хваткой, но и быть готовой к судебным разбирательствам, жалобам и наветам. Ее повседневная жизнь была наполнена постоянной борьбой за существование и мыслями о хлебе насущном.

1. Центральные архивы Москвы. Путеводитель по фондам. Общественное питание [Электронный ресурс]. – http://mosarchiv.mos.ru/uslugi/spravochniki_po_fondam/Putevoditel-2/carhmos2-7.htm. – Дата доступа: 03.11.2015.

2. Национальный исторический архив Беларуси в Минске (далее – НИАБ в Минске). – Ф. 21. Оп. 1. Д. 37. Статистические сведения о фабриках, заводах, количестве населения по сословиям и вероисповеданиям, демографии, трактирах, магазинах по уездным и заштатным городам Минской губернии за 1886 г. – Т. 1. – 998 л.

3. НИАБ в Минске. – Ф. 333. Оп. 4. Д. 6569. Журнал Генеральной проверки торговли по г. Минску по 1 податному участку за 1892 г. – 128 л.

4. НИАБ в Минске. – Ф. 2523. Оп. 1. Д. 6. Список лавок, магазинов, трактиров, типографий, гостиниц, аптек в г. Полоцке 1895 г. – 116 л.

5. НИАБ в Минске. – Ф. 295. Оп. 1. Д. 7491. Дело о разрешении разным лицам открыть пивные лавки в Минской губернии январь – декабрь 1904 г. – 658 л.

6. НИАБ в Минске. – Ф. 295. Оп. 1. Д. 7944. Дело по прошению разных лиц о разрешении им производить торговлю спиртными напитками 10.11.1910.–13.06.1913 г. – 374 л.

УДК 930.85

Е.Ю. ЗАНЬКО

Брест, БрГУ имени А.С. Пушкина

ПОСЛЕВОЕННЫЙ БРЕСТ 1944–1950-е гг.: СОЦИАЛЬНО-КУЛЬТУРНЫЙ ОБЗОР

28 июля 1944 г. город Брест был освобождён от немецко-фашистских захватчиков. В городе осталось 14 960 жителей, около 40 000 человек погибло [10, с. 375] (перед войной население города насчитывало свыше 68 000 человек, в ноябре 1941 г., оккупанты зафиксировали 51 000 брестчан) [5, с. 160]. За период оккупации гитлеровцы взорвали все промышленные предприятия Бреста: 2 электростанции, 5 лесозаводов, хлебозавод, 11 хлебопекарен, 6 мельниц, ликероводочный и пивоваренный заводы, мясокомбинат [4, с. 93–94], паровозное и вагонное депо,

вагоноремонтные и электромеханические мастерские, швейную фабрику, сооружения Днепро-Бугского канала, все мосты [10, с. 376]. Пострадало свыше 3,3 тысячи домов [6, с. 25]. Город не имел электричества, не работал водопровод, действовали только артезианские колонки. Были разбиты все шоссезные дороги, уничтожены все культурно-просветительские учреждения [5, с. 160]. Ущерб, нанесенный промышленности Бреста, по неполным данным составил 45,4 миллиона рублей [4, с. 94], здравоохранению – 13,4, народному образованию – 5,5, торговле – 2,9 [10, с. 375], коммунальному хозяйству – 42,9 миллиона рублей [6, с. 25].

С октября 1944 г. удалось электрифицировать 34 предприятия и основные учреждения, лампочки зажглись в жилых домах [5, с. 161]. Восстановлен лесозавод, городской водопровод и канализация, заработали 60 мелких предприятий по выпуску товаров широкого потребления и бытовому обслуживанию [4, с. 95]. В сентябре 1944 г. одним из первых учебных заведений города, начавших работу, стал техникум железнодорожного транспорта.

К концу 1945 г. удалось восстановить станционное и линейное хозяйство междугородной телефонной и телеграфной станции, частично – городскую телефонную сеть, заработал радиоузел. В этом же году открылся учительский институт – школы остро нуждались в кадрах [5, с. 162].

Это было учебное заведение с 2-хлетним сроком обучения на стационаре и 3-хлетним на заочном отделении, которое давало незаконченное высшее образование. Для Брестского учительского института было выделено 2-хэтажное здание бывшей мужской гимназии, в котором ранее размещался госпиталь. Первоначально в учительском институте было 18 преподавателей (1 кандидат наук, 2 выпускника аспирантуры). В 1949–1950 гг. в институте работали уже 22 преподавателя (2 кандидата наук). Первым директором института был заслуженный учитель БССР И. Вольский, которого в 1946 г. сменил П. Дёма.

В конце первого учебного года в институте насчитывался 51 студент, а в 1945–1950 гг. – 247 студентов. За годы своего существования институт осуществил 4 выпуска. Школы получили около 350 педагогов. 4 июня 1949 г. Указом Верховного Совета БССР Брестскому учительскому институту было присвоено имя А.С. Пушкина (в связи со 150-летием со дня рождения русского поэта). А 1 октября 1950 г. Брестский учительский институт был реорганизован в Брестский педагогический институт [13, с. 85–87].

Предстояло также провести большую работу по возрождению города. Начиная с 1946 г., существовало несколько проектов перестройки города. Поляки, по мнению советских архитекторов, испортили его внешний вид, копируя образцы немецких и западнопольских зданий. Здания эти – пример западноевропейского конструктивизма – составляют

сейчас одну из достопримечательностей города. Предусматривалась полная перепланировка Бреста, вынос пересекающих город железнодорожных путей за городскую черту, и устройство на пространстве 5,5 км² классического архитектурного заповедника позднесталинского «барокко». Это подразумевало снос практически всех строений города, включая «польские» и «русские» дома начала века. По периметру Брест планировалось окружить гигантскими парками, выходящими на протяжении 4 км прямо на госграницу [7, с. 46].

В 1948 г. в институте «Белгоспроект» был разработан генеральный план развития Бреста. План предусматривал усовершенствование планировочной структуры: промышленные и жилые районы и микрорайоны [3, с. 317]. Восстанавливались, реконструировались и благоустраивались центр города и его главные магистрали: улица Ленина, связывавшая Привокзальную площадь с набережной реки Мухавец, улица Московская, начинавшаяся у Брестской крепости и переходившая в шоссе Брест-Москва [3, с. 317].

Местные власти сразу после войны старались держать марку белорусского города хотя бы внешне – до 1 января 1946 г. предполагалось заменить русские тексты на вывесках учреждений, указатели, уличные объявления, рекламу на белорусский язык. Вывески с названиями улиц должны были быть написаны на двух языках. Однако благие начинания были забыты [7, с. 46].

Площадь Ленина застраивалась как административно-общественный центр Бреста. Новые жилые дома и торгово-бытовые объекты возводились и в ближайших деревнях и поселках, включенных в городскую черту. Были реконструированы улицы Комсомольская, Советская, Дзержинского, Пушкинская. Они в 1951–1957 гг. застраивались 2–3-хэтажными жилыми домами (архитекторами О. Суворов, З. Левченко). Была благоустроена Привокзальная площадь, реконструирован в 1956 г. железнодорожный вокзал (он был внешне «советизирован», т.к. имел откровенно «польский» вид, инженер – И. Пестряков), появились здания универмага (1955 г.), швейного ателье (1956 г., архитектор О. Суворов), гостиницы «Буг» (1956 г., архитектор Г. Бенедиктов) [3, с. 317].

За 6 послевоенных лет в городе было построено и восстановлено 618 жилых домов. На 1 января 1951 г. в Бресте насчитывалось 2 215 коммунальных жилых домов с общей площадью 159560 м². За 1949–1950 гг. индивидуальными застройщиками было возведено 252 дома жилой площадью около 10 тыс. м² [3, с. 317].

Одной из основных проблем являлось низкое качество строительных работ. Частыми были срывы сроков сдачи объектов в эксплуатацию. Строители постоянно испытывали недостаток в материалах. Несмотря на

эти проблемы к началу 1950-х гг. основная часть населения была переселена из землянок и барачных в частично восстановленный жилой фонд.

В приспособленных помещениях были открыты поликлиники, больницы и аптеки – закладывались основы здравоохранения. В 1945 г. из местного бюджета на медицинское обслуживание и развитие физической культуры было выделено 3 329 тыс. рублей. На первый план выходила работа по ликвидации инфекционных и эпидемических заболеваний, которые возникли в период оккупации. В 1948 г. городская сетка охраны здоровья насчитывала 7 больничных и 13 других медицинских учреждений. Количество врачей увеличилось в 3 раза в сравнении с 1945 г., среднего медперсонала – в 2 раза. В 1946 г. в городе работало 4 аптеки. В то же время станции скорой помощи не хватало транспорта, аптекам – необходимых лекарств. Были сложности в обеспечении учреждений медицинскими кадрами [10, с. 383].

Война осиротила сотни тысячи детей. В январе 1945 г. приёмник-распределитель НКВД открылся в Бресте на ул. Тришинской, 27 в 2-х небольших зданиях (на 50 мест). Брестский детский дом начал работу 2 августа 1944 г. и размещался по ул. Московской, 2. Из-за плохого питания и антисанитарных условий дети в детских домах часто болели корью, скарлатиной, туберкулёзом, страдали малокровием. Медицинское обслуживание было неудовлетворительным. Долгое время в детских домах нерешённым был кадровый вопрос. В 1944 г. в Брестском детском доме работало лишь 4 воспитателя. В период с 1944 по 1946 гг. на должности директора детдома сменилось 6 человек [11, с. 191]. В 1948 г. в Бресте действовало уже 2 детских дома, в том числе дошкольный, а в 1949 г. в городе работали 3 детских дома, в которых воспитывалось 280 детей [10, с. 192].

Задачи в области культурного строительства в городе заключались в восстановлении разрушенных во время войны очагов культуры, расширении сети культурно-просветительских учреждений.

1 октября 1944 г. правительством республики было принято решение о создании в городе Бресте драматического театра, которому было присвоено имя Ленинского комсомола Белоруссии [8]. Труппу его составили выпускники 4 курса Московского городского театрального училища, главным режиссёром был назначен белорусский режиссёр Н.А. Мицкевич [1, л. 2]. Здание театра было разрушено, и актёры ютились в помещении театральных мастерских, которое прозвали «Зимним дворцом» из-за инея на стенах зимой (к 1956 г. его реконструировали, однако материальные трудности будут преследовать Брестский театр вплоть до 1990-х гг.) [2, л. 1]. Качество многих спектаклей оставляло желать лучшего. Многие пьесы были сняты со сцены, т.к. не приходил зритель. Чтобы привлечь внимание зрителей театр ставил значительное количество

развлекательных пьес, комедий, после спектаклей устраивались танцы, а в буфете практиковалась продажа вина [12].

С 1949 по 1953 г. театр возглавлял талантливый руководитель и режиссер А.В. Миронский. В 1949 г. в Брест были приглашены опытные актеры расформированного Могилевского областного русского театра М. Абрамов, А. Кочеткова, Е. Полосин, Т. Алексеев, А. Ветошкин. Настоящим творческим успехом и визитной карточкой Брестского театра стал спектакль по пьесе К. Губаревича «Брестская крепость». Его премьера состоялась 19 марта 1953 г. Пережив несколько редакций и актерских составов, был показан 953 раза зрителям России, Белоруссии, Украины, Прибалтики, Польши [8].

К 1953 г. в городе работал областной исторический музей (все экспонаты краеведческого музея, организованного в 1941 г., были уничтожены за годы оккупации), драмтеатр на 700 мест, 3 кинотеатра на 900 мест («1 Мая», «Беларусь», «Смена»), дом культуры на Волынке на 170 мест, 6 клубов, 45 красных уголков, 1 областная, 4 городские (общий библиотечный фонд – более 350 тысяч книг) и 44 библиотеки при учреждениях и предприятиях, 4 парка и сквера [9, с. 323].

В послевоенный период уделялось большое внимание развитию народного творчества. Смотры художественной самодеятельности были регулярными, и без её участия не проходило ни одно заметное мероприятие в республике [7, с. 65]. В Бресте к 1957 г. насчитывалось более 90 кружков художественной самодеятельности: 34 духовых, 15 танцевальных, 15 драматических, 10 струнных, 5 духовых [9, с. 324]. Руководство народными коллективами было строго централизовано через Дома народного творчества, главная функция которых определялась как «идейно-художественное воспитание в духе советского патриотизма». На районных смотрах и праздниках песни и танца участники пели «Москва – Пекин», «Серёжа-тракторист», «Партия – наш рулевой», «Мы за мир», величальные песни Сталину. В короткий период административно обращенного внимания к проблемам белорусской культуры (1953 г.) было отмечено, что народные коллективы мало внимания уделяют белорусской песне. Однако, в Бресте на городском празднике песни и танца, в котором участвовала почти вся молодёжь города, пелись в основном партийные, а также русские, грузинские, эстонские, узбекские, корейские и совсем немного белорусских песен [7, с. 66].

Активным организатором проведения культурно-массовых мероприятий выступал парк «1 Мая». В 1954 г. в парке были построены бильярдный зал, спортивный тир, качели. В 1956 г. территория парка была расширена, здесь высадили 300 деревьев и 500 кустарников, сюда была перенесена танцплощадка и построена новая музыкальная раковина для

оркестра. К летнему сезону 1957 г. сооружена музыкальная эстрада на 600 посадочных мест, шахматный зал, 3 физкультурно-спортивные площадки: городошная, волейбольная, баскетбольная; детская карусель; приобретены 10 лодок для лодочной станции. С января 1956 г. в парке работала своя кинопередвижка (летний крытый кинотеатр появился в 1957 г.) [9, с. 325].

В 1956 г. при городском парке был организован самодеятельный кукольный театр под руководством начальника цеха игрушек артели «Стахановец» С.Л. Шапиро, коллектив выступал на детских утренниках и праздниках улиц [9, с. 325].

Начиная с 1950-х гг. полуофициальный статус Бреста – «Западные ворота СССР» весьма благотворно сказывался на развитии и благоустройстве города, население которого быстро росло и к концу 1959 г. составило уже 73,6 тыс. человек [5, с. 161–165].

Таким образом, вся работа социальных и культурных учреждений города в рассматриваемый период была направлена на расширение сети культурно-просветительских организаций и пропаганду новых форм массовой и социальной работы.

1. Государственный архив Брестской области (далее – ГАБО). – Ф. 997. Оп. 1. Д. 2.
2. ГАБО. – Ф. 997. Оп. 1. Д. 30.
3. Гарбуль, П. И. Градостроительство в Бресте в 1950-е годы / П. И. Гарбуль // Берасцейскі хранограф : зб. навук. прац. Вып. 2. – Брэст : Выд-ва С. Лаўрова, 1999. – С. 316–323.
4. Белорусская ССР: Брестская область. – 3-е изд., перераб. и доп. / под ред. М. И. Манюк [и др.]. – Минск : Беларусь, 1987. – С. 207.
5. Брест. На перекрестке дороги и эпох: (1019–2009) / А. М. Суворов. – Брест : Полиграфика, 2009. – С. 240.
6. Брест. Энцикл. справочник / ред. И. П. Шамякин [и др.]. – Минск : Изд-во Белорус. Совет. Акад. имени П. Бровки, 1987. – С. 407.
7. Бодак, А. Ю. Состояние архитектуры и народного творчества в городах БССР в послевоенные годы (на примере Брестчины) / А. Ю. Бодак // Берасцейскі хранограф : зб. навук. прац. Вып. 4. / Дзярж. ун-т імя А.С. Пушкіна ; рэд. рада : М.Э. Часноўскі. – Брэст : Академия, 2004. – С. 63–66.
8. История. 40–50-е годы // Брестский академический театр драмы имени Ленинского комсомола Беларуси [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.bresttheatre.info/first/history/>. – Дата доступа: 19.02.2013.
9. Никитенкова, Л. П. Развитие культуры г. Бреста во второй половине 40–60-е гг. / Л. П. Никитенкова // Берасцейскі хранограф : зб. навук. прац. Вып. 2. – Брэст : Выд-ва С. Лаўрова, 1999. – С. 323–329.
10. Памяць: Гіст.-дакум. хроніка Брэста : у 2 кн. – Кн. 2. / Г. К. Кісялёў [і інш.] – Мінск : БЕЛТА, 2001. – С. 687.
11. Пашкович, Е. И. Проблема детской беспризорности в послевоенные годы и пути её решения в Брестской области / Е.И. Пашкович // Вторая мировая война и послевоенное устройство мира : материалы Междунар. науч. конф., посвящ. 65-летию

победы стран антигитлеровской коалиции во Второй мировой войне / Брест, 27–28 сент. 2010 г. / ред. А.В. Мощук [и др.]. – Брест: БрГТУ, 2010. – С. 189–193.

12. Серский, А. Больше ярких спектаклей / А. Серский // Заря. – 1958. – 16 апр. С. 3.

13. Толкачева, Е. Г. Предшественник университета – Брестский учительский институт / Е. Г. Толкачева // Брестский государственный университет имени А.С. Пушкина в системе образования: история, современность, перспективы : сб. материалов междунар. науч.-практ. конф., посвящ. 60-летию БрГУ им. А.С. Пушкина, Брест, 27 окт. 2005 г. / М-во образования Респ. Беларусь, Брест. Гос. ун-т им. А.С. Пушкина ; под общ. ред. А. Н. Сендер. – Брест : Изд-во БрГУ, 2005. – С. 85–87.

УДК 325.254.4(476) “1914/1918”

Л.А. КОЗИК

Мінск, БДУ

ПАЎСЯДЗЁННАСЦЬ ВА ЁМОВАХ БЕЖАНСТВА Ў ГАДЫ ПЕРШАЙ СУСВЕТНАЙ ВАЙНЫ

На беларускіх землях падзеі Першай сусветнай вайны былі звязаны не толькі з баявымі дзеяннямі і акупацыйнай палітыкай нямецкіх улад. Значную ролю ў гісторыі беларусаў адыграла такая з’ява, як бежанства. На тэрыторыі сучаснай Рэспублікі Беларусь даследчыкі не сабралі ўспаміны сучаснікаў падзей у адзінае выданне. Такую працу ажыццявілі беларусы польскага Падляшша. У 2000 г. яны выпусцілі зборнік успамінаў [1], які з дапаўненнямі быў перавыдадзены ў 2015 г. – у сотую гадавіну пачатку такой бежанства, звязанага з Першай сусветнай вайной [2]. Сабраныя ў ім матэрыялы дазваляюць паглядзець на паўсядзённасць бежанцаў вачыма сведкаў падзей.

Сярод прычын, якія падштурхнулі жыхароў да выезду на чужыну, былі, з аднаго боку, страх перад баявымі дзеяннямі, якія набліжаліся, з другога – прапаганда расійскіх улад і праваслаўнага святарства, з трэцяга – прымусовае высяленне з боку казакоў, якія дзейнічалі ў адпаведнасці з тактыкай “выпаленай зямлі”, каб нічога не дасталося наступаючаму ворагу (“хто супраціўляўся, дык сілком выганялі” [1, с. 59]) [2, с. 82, 112, 115, 158, 175, 181, 250]. Перасяленне было абумоўлена чуткамі аб дэманізацыі нямецкай арміі з боку праваслаўных святароў і адступаючага войска. Шмат хто згадваў, што казакі ездзілі па вёсках і палохалі людзей, гаворачы, што “немцы жанчын крыўдзяць без ніякага разбору, грудзі ім шаблямі абрубваюць, а мужчын дык усіх вешаюць і страляюць” [2, с. 15], альбо, што “немцы будуць скуру дзерці з людзей” [2, с. 36, 243]. Такіх успамінаў захавалася шмат. Аднак разам з імі сустракаюцца і згадкі пра тое, што

рускія салдаты часам адгаворвалі мясцовае насельніцтва ад выезду [2, с. 126, 129]. Але ж ва ўмовах панікі, калі з захаду на ўсход рушыў вялікі натоўп людзей, гэта не дзейнічала. Як зазначыў В. Баранаў, “ніхто не ведаў, куды едзе і ад каго ўцякае! Адны баяліся нашэсця немцаў, а іншыя накіраваліся ў Расію ў пошуках лепшай долі” [2, с. 52].

У дарогу бежанцы збіралі самае неабходнае. Яго клалі на спецыяльна падрыхтаваную фурманку, якая станавілася падобнай на цыганскую кібітку. Зразумела, што калі выязжала вялікая сям’я, месца было не так шмат на пажыткі. Таму бралі самае неабходнае – вопратку, ежу, зберажэнні, часам скаціну, а тое, што мела пэўную каштоўнасць у мірны час, стараліся закапаць на месцы. Пасля вяртання большая частка схаванай маёмасці была разрабавана. Некаторыя з выязджаючых паспявалі здаць скаціну і збожжа на патрэбы арміі. Атрыманая ад вайсковай адміністрацыі даведка давала магчымасць атрымаць грашовую кампенсацыю на новым месцы жыхарства [2, с. 42, 195, 256, 395].

Вялікая, неарганізаваная маса людзей, якая рухалася на ўсход ад фронту, сутыкалася з самымі рознымі праблемамі. З аднога боку, гэта былі нямецкія бамбардыроўкі (натоўп бежанцаў рухаўся адначасова з адступаючай рускай арміяй), з другога – умовы побыту. Людзі начавалі на фурманках, у стадолах прыдарожных вёсак, пад акрытым небам, а елі тое, што ўзялі з сабою ў дарогу [2, с. 34, 52, 82]. Аднак харчовых запасаў і вады не хапала. Не ўсіх маглі накарміць супам і вайскоўцы, якія рухаліся на ўсход. Людзі па некалькі дзён галадалі, а таму ў пошуках харчавання для сябе і скаціны былі вымушаны займацца крадзяжом [2, с. 149, 184].

З цягам часу антысанітарныя ўмовы сталі прычынай распаўсюджвання масавых захворванняў і высокай смяротнасці сярод бежанцаў. Яна набыла такія вялікія памеры, што людзі прызвычаліся да самога факта смерці. Калі быў час пахаваць нябожчыка, то рабілі гэта прама ўздоўж дарогі, а калі не, то трупы “валяліся побач дарогі. Ніхто не прыбіраў, не звяртаў на памерлых увагі” [2, с. 42].

За доўгі час вандроўкі галоўнай праблемай быў голад. З гэтай прычыны бежанцы жабравалі, распрадавалі за мінімальны кошт скаціну. Часцей за ўсё ў сям’і заставаўся толькі конь, на якім везлі небагатыя пажыткі. Спадзяванні на тое, што дзяржава ці дабрачынныя арганізацыі акажуць дапамогу, не заўсёды спраўджваліся: “... Атрымаць [хлеб і гарачую страву] было вельмі цяжка – стаялі тысячы людзей” [2, с. 423].

Новым выпрабаваннем у жыцці бежанцаў стала пагрузка ў цягнік для далейшага падарожжа ў глыб Расіі. На ключавых чыгуначных станцыях (Орша, Баранавічы) сабраўся вялізны натоўп людзей, якія чакалі пагрузкі і адпраўкі далей на ўсход. Тыя, каму пашчасціла трапіць у таварны вагон, знаходзіліся не ў лепшых умовах. Звычайна ў ім ехалі 4–6 сем’яў

пераважна з адной ці суседніх вёсак. На некаторых станцыях, дзе спыняўся цягнік, бежанцам давалі чай і хлеб. Але, як і раней, асноўнай праблемай быў голад [2, с. 62, 150, 184, 195].

Рэгіён рассялення бежанцаў быў вялікі – ад усходняй Украіны і Беларусі да Сібіры і Сярэдняй Азіі. У пераважнай большасці выпадкаў на станцыі прызначэння бежанцаў сустракала мясцовае насельніцтва, якое разбірала іх па хатах (гэта датычылася ў першую чаргу тых, хто трапляў у сельскую мясцовасць) [2, с. 264, 278, 369]. У гарадах людзі звычайна сяліліся ў дамы (баракі) па некалькі чалавек, а часам і некалькі, сем'яў (так было пераважна ў гарадах), ці ў гаспадара, які даваў ім прытулак у сельскай мясцовасці [2, с. 187, 189, 192, 194, 243, 270]. Упершыню за некалькі тыдняў ці нават месяцаў людзі траплялі ў больш-менш нармальныя жыццёвыя ўмовы: “Пасля шматтыднёвага бадзяння ў смуродзе і ў туманах пылу ложка з чыстай пасцеллю і спакой хатняга ачага здаваліся нам быць раем” [2, с. 43]. Дзяржаўнай дапамогі не хапала, таму часта беларусы-бежанцы наймаліся на працу на прамысловыя прадпрыемствы, чыгунку ці да заможнага селяніна, памешчыка [2, с. 337]. Гэта дазваляла выжыць на новым месцы пасялення. Але часцей за ўсё працы не было, і таму бежанцы былі вымушаны жабраваць.

У многіх дзяцей бежанцаў з'явіліся магчымасць атрымаць адукацыю, бо менавіта тут яны пачалі наведваць школу. Часам, праўда, здараліся моўныя непаразуменні, калі беларусы не дакладна разумелі рускую мову альбо гаварылі на сваім дыялекце [2, с. 212, 244].

У памяці бежанцаў (а пераважна запісаны ўспаміны тых людзей, якія былі малымі дзецьмі ці падлеткамі) захаваліся яскравыя ўражанні ад кліматычных умоў, узроўня працоўнай культуры, штодзённага побыту, чалавечых якасцей і інш. Беларусы захавалі ўспаміны пра добразычлівасць людзей, гатоўнасць бескарысна прыйсці на дапамогу. Асабліва важным гэта было для тых дзяцей і падлеткаў, бацькі якіх памерлі ў дарозе. Для іх жыццё было вельмі горкім: неабходна было выжываць у новых умовах, клапаціцца не толькі пра сябе, але і пра малодшых братоў і сяцёр. У гэтай сітуацыі было два выхады – трапіць у дзіцячы прытулак альбо шукаць працу. У апошнім выпадку гаворка пра вучобу не вялася.

Для многіх бежанцаў было здзіўленнем, што мясцовае насельніцтва штодзень мела на сталае пшанічны хлеб (беларусы называлі яго “пірагом” і не разумелі, як яго можна есці, напрыклад, з мясам) і мала спажывала бульбы. Разам з гэтым яны адзначалі вялікую розніцу ў якасці глебы, якая была вельмі ўрадлівай і давала магчымасць для вырошчвання збожжавых у вялікіх памерах.

Пражыванне бежанцаў у іншай культурнай і географічнай прасторы вяло да пераймання ад мясцовага насельніцтва ведаў аб глебаапрацоўцы,

збіранні і захоўванні зерня, жывёлагадоўлі і інш. Праўда, абмен вопытам часта быў двухбаковым.

Становішча бежанцаў змянілася разам са зменай сітуацыі ў Расіі пасля Кастрычніцкай рэвалюцыі 1917 г. Беларусы сталі сведкамі Грамадзянскай вайны, вынішчэння святароў, памешчыкаў і заможных сялян, простых людзей, якія супраціўляліся палітыцы большавікоў і іх прыхільнікаў на месцах. У складаных палітычных умовах добразычлівыя людзі, якія дзяліліся апошнім з бежанцамі, самі сталі “чужымі” ў сваёй краіне. Гэта было звязана як з Грамадзянскай вайной, якая шла ў Расіі, так і з эканамічнай палітыкай “чырвоных”. Апошнія праводзілі максімальную рэквізіцыю збожжа, а тое, што заставалася, знішчалі, “каб белым не асталося”. У сваю чаргу “белыя” імкнуліся пазбавіць харчовых запасаў “чырвоных”. Закладнікамі такой сітуацыі станавіліся простыя людзі, якія раней былі гаспадарамі сваёй зямлі. Голад стаў паўсядзённай з’явай у жыцці не толькі бежанцаў, але і мясцовага насельніцтва: “Людзі ... дзяліліся з намі. Вядома, пакуль голад не настаў. Тады і дзяліцца не было чым” [2, с. 203]. З кожным днём жыццё станавілася цяжэйшым. Палітычная і эканамічная нестабільнасць у Расіі (голад) разам з настальгіяй па родных мясцінах сталі прычынамі вяртання на старое месца жыхарства [2, с. 94, 185, 190, 209, 21]. Шлях дадому стаў новым выпрабаваннем у жыцці бежанцаў.

Для вяртання на радзіму неабходна было мець дакументы з дазвалам на выезд. Але нават іх наяўнасць не азначала лёгкага падарожжа [2, с. 251]. Перш за ўсё трэба было падрыхтаваць запас харчавання ў дарогу, што ва ўмовах голаду ў паслярэвалюцыйнай Расіі было вельмі складана. Тыя, хто мог гэта зрабіць, былі ў значна лепшай сітуацыі, бо нават наяўнасць сухарэй дазваляла вытрымаць доўгі шлях дадому. Не ўсім так шчасціла: многія не вытрымалі голаду і хвароб [2, с. 265]. Не заўсёды на прыстанку можна было знайсці ежу і гарачую воду. Бывала, што падчас стаянкі цягніка прыбегалі дзеці бежанцаў, каб сабраць каласкі з поля, але іх выганялі. Іншы раз салдаты дзяліліся з бежанцамі супам [2, с. 265, 353].

Дадатковым выпрабаваннем для бежанцаў была адсутнасць вагонаў (перш за ўсё гаворка ідзе пра таварныя вагоны, якія прызначаліся для тых, хто вяртаўся на радзіму, і чапляліся да пасажырскіх цягнікоў). Калі хтосьці і атрымліваў дазвол на выезд і месца ў цягніку, гэта не азначала, што ў хуткім часе ён будзе ў роднай вёсцы. Вельмі часта бежанцаў прымушалі пакінуць вагоны, якія перадаваліся на патрэбы Чырвонай арміі. Не аднойчы спробы “адстаяць” вагон заканчваліся смерцю кагосьці з вяртаючыхся. У такіх умовах шлях дадому займаў часам больш за паўгода.

Вярнуўшыся ў родныя мясціны, бежанцы апынуліся ў іншай дзяржаве – Польскай рэспубліцы. У пераважнай большасці пакінутыя

дамы і прыбудовы былі спалены альбо зруйнаваны, а зямля парасла пустазеллем.

Бежанства стала вялікай трагедыяй у гісторыі беларусаў у цэлым і асобных сем'яў у прыватнасці. Сотні тысяч людзей былі вымушаны пакінуць родныя мясціны пераважна не па сваёй воле і доўгі час скітацца па розных частках Расіі. Некаторыя змаглі адаптавацца на новым месцы і засталіся, аднак большасць вярнулася ў родныя мясціны, дзе, як высветлілася пасля вяртання, трэба было пачынаць жыццё практычна з нуля.

1. Бежанства 1915 года / Праграмная рада тыднёвіка “Ніва”. – Беласток : SPNU “Podlaska”, 2000. – 316 с.

2. Бежанства 1915 г. / Праграмная рада тыднёвіка “Ніва”. – Выданне другое, папоўненае. – Беласток : [б.м.в.], 2015. – 576 с.

УДК 930 (476)

А.И. КОРОЛЬ

Брест, БрГУ имени А. С. Пушкина

Научный руководитель: Е.С. Розенблат, канд. ист. наук, доцент

**КУЛЬТУРНАЯ ПОЛИТИКА НЕМЕЦКИХ ОККУПАНТОВ
НА ТЕРРИТОРИИ БЕЛАРУСИ
(ПО МАТЕРИАЛАМ ПОЛЬСКОЙ ИСТОРИОГРАФИИ)**

Культурной политике немецких оккупантов посвящена значительная часть польских исследований. И если в рассмотрении политики в границах Генерал-губернаторства говорится о беспощадной борьбе с польскостью, то при оценке культурной деятельности немецких оккупантов в рейскомиссариате «Остланд» польские исследователи придерживаются диаметрально противоположной позиции. Связано это в первую очередь с «удачей для белорусских земель» в лице генерального комиссара ГАБ В. Кубе.

В своей деятельности В. Кубе руководствовался принципом поиска симпатий у населения посредством определённых уступок в области культуры и политики. В отличие от Эриха Коха В. Кубе объявил в начале своей деятельности в Минске, что обратит особое внимание на развитие культуры.

Первым нормативным актом в этой сфере стали временные инструкции, согласно которым для всех детей, кроме еврейских, в возрасте от 7 до 14 лет вводилось обязательное школьное образование. Местная администрация с октября 1941 г. должна была открыть начальные школы

со следующей программой: родной язык, природоведение (ботаника и зоология), арифметика, география, пение, рукоделие, гимнастика. Преподавание религии, как католической, так и православной, могло вестись за пределами школы. Главный акцент делался на воспитании молодёжи в духе гитлеровской Новой Европы. За распространение в школах советской или польской идеологии следовали суровые наказания. Надзор за деятельностью школ осуществлял генеральный комиссариат в Минске и окружные комиссариаты, в рамках которых создавались белорусские школьные инспекции.

Образование было первым важным шагом В. Кубе на пути к реализации его политических планов. Изданием временных школьных инструкций он подчёркивал, что Генеральный округ «Беларусь» – жизненный простор белорусского народа, и именно белорусскому народу она и должна служить. Задачей школ становилось развитие белорусской культуры, воспитание и просвещение. Освоить это должна была и молодёжь национальных меньшинств – поляков и русских. В инструкциях оговаривалось, что основным языком обучения должен быть белорусский, но в местностях, где преобладало польское население, допускалось существование школ с польским языком обучения. Тем не менее, и в них белорусский язык оставался обязательным предметом с объёмом изучения 6 часов в неделю. Не было школ с русским языком обучения.

В январе 1942 г. в Минске начало выходить периодическое издание «Белорусская школа» в двух сериях – для учеников и учителей. Оно должно было частично заменить советские учебники, которые были выведены из употребления. Несмотря на недостаток кадров, учебников и помещений (часть школьных зданий была занята войсками), количество начальных школ на территории Генерального комиссариата «Беларусь» быстро росла и под конец 1941/1942 г. достигла 3 485. В них обучалось 346 тыс. учеников и работало 9 716 учителей. Эти количественные показатели не особо отличаются от довоенных цифр за 1940/1941 год. Следует отметить, что разработанная В. Кубе семилетняя система образования превышала требования инструкции ОМИ, изданных немного позднее. Для оккупированных советских земель (кроме Прибалтики) там предусматривалось открытие только четырёхклассных начальных школ. Зато проект Кубе уступал системе школьного образования в Прибалтике, где работали также средние школы и некоторые высшие учебные заведения.

Подчёркивается в польских исследованиях и заслуга В. Кубе в возвращении белорусских произведений искусства, вывезенных в Третий Рейх в первые дни оккупации. Тем не менее, оговаривается, что старания В. Кубе были продиктованы желанием наладить сотрудничество с

местным населением, без которого невозможен успех в любых начинаниях оккупационных властей. На это были направлены и заботы о состоянии белорусских музеев и научных учреждений.

В целом, по подсчётам Ю. Туронка, во второй год оккупации было открыто около 30 средних школ – общеобразовательных и профессиональных, которые стали средством национального воспитания молодёжи. Выходили новые газеты и журналы, развивалась издательская деятельность, возникали творческие объединения, любительские культурные организации в провинции, на хорошем уровне работал театр в Минске, в его рамках была создана белорусская опера. Всё это подпитывала национальную идею среднего гражданина и особенно молодёжь.

Ситуация коренным образом изменилась после поражения немецких войск под Москвой. Одним из принципов восточной политики немецких оккупационных властей стало сдерживание местного населения на как можно низком уровне культуры. Школы были допустимы только на начальном уровне, при этом не требовалось вводить обязательное школьное образование. По мнению нацистов, умение читать и писать – в целом, вредное, т.к. даёт наиболее светлым головам узнавать историю, а значит, доходить и до политического мышления, которое могло бы своим остриём повернуться против Германии.

В Восточной Беларуси активной национальной политики не проводилось. На белорусском языке тут не вышло ни одной книжки или брошюры, пресса для местного населения издавалась преимущественно на русском языке. Было дано разрешение на организацию местных (на районном уровне) культурных товариществ и народных домов, при которых было создано несколько любительских театров. В языковые проблемы немцы не вмешивались, поэтому, например, в Витебске и Борисове эти театры давали спектакли на белорусском языке, а в Бобруйске и Могилёве – на русском. Власти не оказывали принуждения и в выборе языке обучения. Да и школы в этом регионе просуществовали недолго – фактически один сезон 1942/1943 г.

Таким образом, деятельность немецких оккупационных властей, по мнению польских исследователей, содействовала возрождению подавленных в 1930-е гг. национальных чувств белорусов и идеалов их государственной независимости. Противовесом этому была русификаторская политика советской власти, направленная на подавление национальных идей в крае. Такая точка зрения логично укладывается в преобладающую в польской историографии теорию «двух врагов», в которой из двух зол – фашизма и коммунизма – меньшим оказывается фашизм.

УДК 130.2

Л.Ю. МАЛЫХИНА

Брест, БрГТУ

**ПАТРИАРХАЛЬНЫЕ УСТАНОВКИ В РЕПРЕЗЕНТАЦИИ
ОБРАЗА ЖЕНЩИН (НА ПРИМЕРЕ ТЕЛЕПЕРЕДАЧИ
«ДАВАЙ ПОЖЕНИМСЯ!»)**

Под патриархальными установками нужно понимать влияние на поведение и мировоззрение людей устоявшихся в европейской христианской цивилизации представлений: о разделении обязанностей, прав, властных полномочий между мужчинами и женщинами, о стандартах красоты, поведения, нравственном кодексе и т.д., в которых особое предпочтение отдают интересам мужчин. Патриархат как артикуляция мужского шовинизма в культуре, несмотря на ощутимые успехи феминизма за последнее столетие, продолжает воспроизводиться на уровне всех социальных институтов – семьи, государственной власти, системы образования, религии, СМИ и других. Патриархат в современных странах Восточной Европы «поддерживается общественными нравами и условиями организации общественной и частной жизни» [2, с. 30]. Репрезентация представляет собой воспроизведение идей, «манифестацию определённого способа видения», которая «легитимирует доминирующую в культуре идеологию, формы субординации и тем самым оказывается политической в своём основании» [5, с. 478]. Репрезентация образа женщин через средства массовой информации является наиболее ощутимым из современных способом влияния на мировоззрение. Поэтому основная идея нашего исследования – фаллоцентричный принцип видения в современной патриархальной культуре стран Восточной Европы – будет раскрыта через анализ репрезентации женщин в программе Первого канала российского телевидения «Давай поженимся!». Эта рейтинговая развлекательная передача вечернего эфира в будние дни наглядно подтверждает доминирование традиционных представлений о роли женщины в современном восточно-европейском обществе. Рассчитанный на широкий круг зрителей этот многолетний творческий проект не только демонстрирует приверженность патриархальным ценностям, но и косвенно реконструирует их. Выбор объекта исследования объясняется тем, что в отличие от информационно-аналитических выпусков, формирующих общую картину мира, художественных фильмов, снятых в разные исторические эпохи новейшего времени и точках мира и других ТВ-

жанров, развлекательные передачи в первую очередь выполняют релаксационную функцию в СМИ и тем самым отражают актуальный срез культурных предпочтений того или иного общества. Популярные в основном среди женской аудитории и подготовленные с активным участием женщин выпуски программы «Давай поженимся!», казалось бы, должны раскрывать женский взгляд на проблему взаимоотношений полов, пропагандировать новые социокультурные установки в этой области. Тем не менее, исследование содержания выпусков названного телепроекта показывает, что в процессе презентации женщин в нём (который является частью репрезентации женского образа в культуре в целом) преобладают мужские ценности и взгляды на красоту, модели поведения, права и обязанности женщин.

На современном этапе гендерные исследования осуществляются преимущественно в сочетании с другими смежными областями научного знания. Так, гендерная методология в истории повседневности помогает более полно раскрыть социокультурный процесс конструирования обществом половых различий. Исследования «женского вопроса» с точки зрения женщин впервые были распространены с 1960-х гг. С учётом накопившегося опыта, выводов и заключений таких специалистов в гендерной теории, как К. Гиллиган, Л. Казакова, А. Усманова, Р. Хоф и И. Тартаковская, передача «Давай поженимся!» будет проанализирована на предмет гендерных приоритетов. Ценным источником по изучению вопроса является саморефлексия, опора на собственный женский опыт. Пытаясь избежать акцентуации на популярном в «женских исследованиях» концепте половых ролей, но не исключая полностью метод биологического детерминизма полов, анализ будет сосредоточен на гендере – социально-культурном конструкте сексуальности. Это поможет нам рассмотреть скрытые возможности влияния властных структур в реконструкции патриархальных ценностей в европейских странах СНГ, где проживает основная часть зрительской аудитории Первого канала.

Практически всегда репрезентация женщины – её действительного и ожидаемого внутреннего и внешнего образа, а значит – физической формы, профессиональных предпочтений, интеллекта, нравственности и других личностных качеств, происходит в развлекательной программе, предназначенной для аудитории старше 16, «Давай поженимся!». Повествовательный сценарий каждого выпуска держится на харизме и обаянии трёх соведущих: остроумной и язвительной актрисы Ларисы Гузеевой, тактичного и наблюдательного астролога Василисы Володиной, зажигательной и прямолинейной свахи Розы Сябитовой. Опираясь на свой личный опыт, знания, эти дамы знакомят между собой мужчин и женщин, реально желающих обрести семейное счастье, дают советы, делают

заклучения о шансах построить отношения с каждым из кандидатов на брак. Удивление вызывает тот факт, что в этой программе, создаваемой женщинами и преимущественно для женщин непоследовательные попытки отстоять личное достоинство женщин, выступающих в качестве невест, соседствуют с открытым признанием устоявшихся патриархальных традиций. В частности, чтобы заслужить снисходительное одобрение ведущих претендентки должны:

1) *вести себя естественно и мягко*, приветствуется, если в трогательном моменте рассказа о своей судьбе прольются слёзы. Излишний эпатаж или отсутствие видимых эмоций, инфантильная манерность или напористость преследуются. В «ловле на живца» (жениха) должен срабатывать принцип «женщина должна быть слабой»: уступчивая, готовая обожествлять своего порой весьма посредственного партнёра, женщина имеет больше шансов;

2) *быть моложе 25 лет*, если будешь взрослее, готовься услышать нелицеприятное «ей нужно рожать уже завтра», как будто репродуктивные функции являются главным качеством невесты. Женщины после 30 слышат нелицеприятные напоминания хозяйек программы о «физиологических часиках», чтобы умерить желание романтических отношений в пользу голого расчёта. Соответственно, инфертильные участницы шоу старше 40 лет всерьёз не рассматриваются. Они могут услышать от Л. Гузеевой: «А на кой он собственно тебе сдался? Наслаждайся свободой, расти внуков!»... Понятно, что мужчины не прочь заполучить в жёны молодую, перспективную девушку, но ведь и интересы зрелой женщины – её жажда любви и желание любить, потребность в заботе, сексе, друге, готовом разделить и радости, и тяготы жизни не должны игнорироваться;

3) или *быть моложе жениха*. Несмотря на открытую неприязнь телеведущих к похотливым мужчинам, желающим «дельфиньего тела» – брака с женщинами намного младше себя, подобная существенная разница в возрасте всё же допускается в подборе невест для состоявшегося, а значит «заслужившего на это право», жениха. Если главной героиней выпуска выступает дама, претендентов на руку и сердце моложе её по возрасту подбирают исключительно редко;

4) *уметь готовить еду*, ещё лучше – уметь готовить блюда из национальной кухни потенциального мужа. Это требование из области всё ещё неизжитых гендерных стереотипов о разделении труда – «мужчина охотится на мамонта, а жена стоит у плиты». Ситуация наоборот всерьёз не рассматривается и никого не заботит тот факт, что современную, работающую на производстве женщину каждодневное стояние у плиты

изнуряет. По иронии судьбы те счастливицы, которых высокие заработки мужа избавляют от нужды зарабатывать на хлеб, имеют кухарок;

5) *терпеть долгое отсутствие мужа* (т.е. командировки, ночную работу, ненормированную по времени занятость в творческой среде и так далее), если он работает на благосостояние семьи. И напротив – чрезмерная занятость героинь программ осуждается: те из них, кто в силу молодости, амбициозности, талантливости и профессионализма «пропадают на работе», в качестве невест не котируются;

б) *не иметь детей*, а если женщине угораздило растить детей от прежних отношений (ведь в случае развода дети на постсоветском пространстве, как правило, остаются с матерью), ведущие призывают снижать планки требований к будущему спутнику. Интересно, что если в студию приходит вдовец или разведённый мужчина, оставшийся с детьми, его самоотверженность и отцовские качества превозносятся;

7) *не иметь в анамнезе женатых любовников*, что автоматически характеризует невесту как беспринципную, бессовестную, а то и расчётливую «стерву». Требование справедливое, обоснованное перевернутой христианской заповедью «не возжелай жены ближнего своего», но в регионе с катастрофическим недостатком мужчин, а тем более свободных, без девиантных отклонений, его осуществить сложно. Конкуренция среди женщин приводит к норме, когда у мужчины за плечами несколько браков или за пределами семьи у него развиваются параллельные отношения интимного порядка. Установка на абсолютный отказ представительницами прекрасного пола от посягательств на священные узы брака скорее всего является выражением желаний женского сообщества, ибо идёт в разрез с принципами эволюционной теории. И в ситуации борьбы за достойного и свободного мужчину женщина должна соответствовать ещё такому требованию как...

8) *выглядеть ухоженной*. (Иногда кажется, что пресловутая красота славянских женщин – всего лишь миф. Прекрасны каждая по-своему восточные, африканские, латиноамериканские и так далее женщины. Но женщины постсоветского пространства бывают реально более ухожены, чем их западноевропейские подруги. Просто привыкли не расслабляться из-за указанных выше обстоятельств, и, что хуже, из-за изъедающей изнутри неуверенности в своей естественной красоте). Участницы телепроекта «Давай поженимся!» редко бывают откровенно нехороши – ведь каждая готовится к эфиру, припасает лучший наряд, предварительно посещает салон. Иногда труд над своей внешностью слишком очевиден – нарощенные волосы, раздувшиеся от силикона губы, грудь, ягодички... Если на первых порах ведущие подтрунивали над такой искусственной красотой, то после косметических операций на теле свахи Розы Сябитовой,

комментариев на этот счёт поубавилось. Усиленный уход за своим телом женщины предпочитают скрывать, чтобы, отвергая самоценность собственного естества, выставить продукт ухоженности как природные достоинства. Невесты в большинстве случаев стараются соответствовать шаблонному образу красавицы, введённому мужской культурой – длинные волосы, декольте, неброский, но обязательный макияж, подчёркнутые «шпильками» и короткой юбкой ноги... (Лишь немногие участницы, благодаря своей эпатажной внешности и провокационным заявлениям заслужили оценки «фрик» у Ларисы Гузеевой). Весь внешний облик невест содержит призыв, все эти проверенные десятилетиями мелочи обязаны затмить истинную природу женского тела. Ведь в глубине души каждая женщина убеждена, что истинная красота не должна требовать каких-то усилий – «настоящая женщина» женственна от природы, тогда как я сама – только маска, фальшивка». Понятно, что и последующим участницам проекта беспокойство и подспудный страх выглядеть естественной изжить вряд ли удастся. Внешний облик всех присутствующих на съёмке женщин говорит о том, что соблазнительная для спутника по жизни подруга – результат каждодневного труда над собой. (И дело здесь не только в обязательности грима при ярком искусственном освещении съёмок. Реальные люди, вырванные из контекста своих невеселых обстоятельств в «чернушных» выпусках передачи «Пусть говорят» Андрея Малахова тому подтверждение. Они-то могут быть немодными, беззубыми, трогательными или пугающими в своей непосредственности. В передачу же «Давай поженимся!» женщины идут презентовать себя!).

Образы женской красоты, которые репрезентируются сегодня через средства массовой информации, во многом определяют самоощущение женщин, их самооценку. Усиленная реклама средств и способов ухода женщины за собой, одежды, навязывание через СМИ глянцевого образа – того стандарта красоты, который не имеет ничего общего с действительностью – вселяет в женщин хроническое чувство неполноценности, ощущение необходимости тяжкой ноши повседневного труда по изменению своей внешности, чтобы понравиться партнёру. «В патриархальной культуре – прекрасное тело – это долг и обязанность женщины» [3]. Навязывание извне стандартов внешности снижает самооценку женщин, вызывает чувства подавленности и подчинённости. В то время как информационное влияние рекламы и содержания других продуктов СМИ на самооценку мужской аудитории не так значительно.

Эти и многие другие транслируемые в передаче «Давай поженимся!» требования к образу идеальной для семьи женщины являются выражением устоявшихся патриархальных принципов видения социально-культурных норм в восточноевропейском обществе. Изучение дискурсивной практики

проекта позволяет выделить в нашем гендерном исследовании несколько проблемных блоков.

Соотношение «мужской» и «женской» работы. При просмотре выпусков «Давай поженимся!» становится очевидно, что пытаясь сохранить личное пространство женского населения страны, т.е. уговаривая не подстраиваться в угоду вкусам мужчины, «не строить из себя девочку», а быть естественной, целеустремленной, образованной, интересной ведущие не избегают, а даже потакают шаблонным стереотипам о гендерных ролях. Например, в выпуске «Высокие отношения» от 28 октября 2014 г. [7] невеста Анна простодушно признается в том, что не умеет и не любит готовить, но имеет массу других достоинств. За что минут на десять предается жёсткому прессингу со стороны ведущих, напоминающих успешной руководительнице большого коллектива, творческой личности, что приготовление еды, содержание дома в чистоте – священная обязанность женщин.

По этому поводу уместно вспомнить заключение И. Тартаковской, что из-за домашних обязанностей женщина не является свободным актором на рынке труда и поэтому вынуждена продавать свою рабочую силу по более низкой стоимости [4, с. 93]. В целом стереотип – «пока муж зарабатывает деньги, жена обеспечивает тылы» с одобрения ведущих программы активно навязывается многомиллионному зрителю. Роза Сябитова использует патриархальную модель сватовства с многовековой историей («У нас товар – у вас купец»), выведывая достаточно ли много зарабатывает жених для того, чтобы обеспечить жену и будущих детей и тем самым поощряет сохранение за мужчинами контроля над рынком труда. Не удивительно, что «женщины не допускаются к высокооплачиваемым местам, из-за этого они вынуждены смотреть на брак как на средство решения материальных проблем и смиряться со своей бесплатной эксплуатацией дома» [4, с. 87]. В условиях ужесточающихся условий в современной мировой экономике такое новое «прикрепление» женщин к домашнему хозяйству удовлетворяет интересы мужчин, озабоченных проявленной в XX столетии конкурентоспособностью женщин на рынке труда.

Асимметричное родительство. Ещё один фактор, ограничивающий шансы женщины не только на рынке труда, но и на рынке невест, – наличие детей. Этот «довесок» женщины (по выражению ведущих программы) обязательно обсуждается ещё «на берегу»: сможет ли жених полюбить чужого ребёнка, воспитывать, обеспечивать его и так далее. В то время как дети женихов интересуют «дежурного финансиста» программы – Р. Сябитову только как статья расходов на алименты. В деле укрепления патриархальной традиции, когда основной груз обязанностей по уходу за

детьми и их воспитание ложится на мать, осуждению ведущих обязательно подвергаются молодые женщины, которые ради образования или реализации в профессиональной сфере были вынуждены оставить ребенка с бывшим мужем или в семье родителей. Доминирование детоцентричной женской судьбы, поощрение того, что вся тяжесть ответственности за детей лежит на матери и попутно ограничивает её шансы на рынке труда и в устройстве личной жизни, пока ещё остаётся характерной чертой гендерных отношений на восточно-европейском пространстве.

Конструирование гендерной идентичности и сексуальная иерархия. В программе происходят репрезентации не просто внешнего образа идеальной женщины – молодой, стройной, с аппетитными округлостями, но и обсуждаются навязанные мужчинами мифы о разделении женщин на образы святош или блудниц. «Патриархальное общество жёстко контролирует сферу сексуальных отношений, предписывая женщине сохранение девственности до брака, {...} связывая её сексуальную жизнь преимущественно с воспроизводством рода, а не с получением удовольствия» [2, с. 31]. Если к 40-летнему возрасту мужчина имеет за спиной разрушенную семью, несколько любовниц – это свидетельство того, что он востребован, здоров. В отношении похожих по поведению участниц проекта, ведущие (а их слова можно отождествлять с принятыми в обществе моральными нормами) не столь лояльны – они тщательно разбирают допущенные «ошибки», призывают к ужесточению материнского контроля за девушками, ведущими половую жизнь до брака, или ласково журят «блудницу», если она раскаялась. По мнению психолога К. Гиллиган, общественный контроль за сохранением девственности до брака возник в ту пору, когда рождаемостью детей можно было управлять только строгим воздержанием, и сексуальные потребности женщин отрицались [1, р. 5–23]. Половое воздержание, ставшее необязательным в нынешнюю эпоху контрацепции и аборт (и даже снижающее умственные способности женщин, по мнению З. Фрейда), тем не менее, остается желаемым фактором для невест. Поэтому в ряде программ «Давай поженимся!» о неискушенности участников в половой сфере заявляется прямо. Для мужчин девственность – это ещё один патриархальный способ закрепощения жены за собой: ведь увеличивается вероятность того, что невеста-девственница, не зная истинных предпочтений своего тела, не имея возможности уже будучи в браке сравнить любовников, станет верной супругой. С другой стороны, женихи и невесты, сохранившие девственность после 30, также подвергались в названном телепроекте более пристальному изучению, как люди аномальные, не умеющие строить близкие отношения. Получается, что с точки зрения общественной морали – её в программе

реконструируют все участники – ведущие, невесты и женихи, их друзья-советчики – ценность представляет не столько девственность физиологическая, сколько половое воздержание свободных от брака женщин.

В конечном итоге в репрезентации образа женщины в программе «Давай поженимся!» почти не остается места для «женского» взгляда. Развитие собственной, адаптированной к каждой конкретной личности, женской судьбы, не заикленной на самопожертвовании ради интересов мужчины – не предмет рассмотрения в матримониальном по своей основной задаче проекте. Как будто понравиться мужчине и есть основная жизненная цель каждой женщины, а самоценности женская судьба не представляет! Патриархальные заботы нашего общества направлены на то, чтобы выгодно «продать» женщину и делается слишком мало для того, чтобы дать толчок, создать мотивацию для дальнейшего совершенствования мужчин. (Что вполне созвучно выводам психологов-мужчин – Э. Эриксона, Б. Беттельхейма, считающих, что женская идентичность способна развиваться только в связи с близостью с мужчиной, а мужское поведение принимается за «норму» [1, р. 12–13]).

Раскрывая саморазрушительный потенциал жертвенной морали у женщин, исследовательница К. Гиллиган видит его преодоление в осознании свои прав. Развивая с точки зрения психологии теорию половых различий, она склоняется к концепции, что «у мужчин обычно возникают трудности во взаимоотношениях, а у женщин – в индивидуализации». Взяв на вооружение этот ценный исследовательский вывод, нужно продолжать работу по разоблачению шовинистических по отношению к женщинам патриархальных установок в нашей культуре.

Нередко ведущие программы формулируют такое требование к будущей жене, как «вдохновлять мужчину на свершения». Что ж, некоторым это удастся, но как раз тем, которые не относятся к себе уничтожительно. Так, по теории нравственного развития женщины К. Гиллиган [1, р. 5–23], только на этапе взросления женщина заботится о себе, затем – исключительно о других, преодолевая якобы эгоизм, на третьем этапе, если удосужится дорасти до него, заботится о себе и других людях одновременно. И хотя постсоветское общество продолжает вырабатывать новые модели «патриархальной сделки», в которых материнская и супружеская забота, определённое сексуальное поведение «становятся способами извлечения благ, механизмами неявного контроля или ограничения свободы действий других» [2, с. 38]; на мой взгляд, женщины нового поколения больше, чем их мамы и бабушки через воспитание самоуважения к себе способны перейти «от рабства зависимости до динамики взаимозависимости» [1, р. 22] с мужчиной.

Получается, что вполне женский по целевой аудитории ТВ-проект Первого канала спокойно транслирует патриархальные ценности, предпочтительные властным структурам (как минимум в лице мужского руководства канала). Гендерная политика в европейских странах, достигшая успехов в продвижении женских прав в научной, деловой, политических сферах вынуждена учитывать естественное неравенство полов в личной сфере, продиктованное не только физиологическими особенностями, но и особенностями многовекового патриархального уклада христианского и мусульманского населения. Подобные проанализированному выше продукты СМИ, как отмечает Лина Казакова, «часто несут в себе имплицитное сообщение, что женщина должна бояться – бояться возраста, бояться еды, бояться одиночества» [3].

Принимая во внимание биологически обусловленные различия между полами, необходимо признать, что выявленные в телепередаче «Давай поженимся!» элементы патриархальной культуры объяснимы, соответствуют природе человека. Так, полигамия мужчин, возможность производить здоровое потомство даже в пожилом возрасте, большее, чем у женщин стремление к социальной реализации и другие факторы фактически легализуют организацию «рынка невест» в «Давай поженимся!». Но, обращаясь к социальным и культурным предпосылкам половых различий, мы должны признать, что маргинальный статус женщины в современном обществе, тщательно закамуфлированный в изданиях и эфирах, политически и экономически выгоден мужчинам. Каждый из продуктов СМИ, так или иначе, несёт в себе воспитательный потенциал, навязывает определённые стереотипы. Так, телепроект «Давай поженимся!» с многомиллионной русскоязычной зрительской аудиторией регулярно реконструирует «одобренный» женский образ свойственный нашей патриархальной культурной среде. Нам доводят мысль – если ты будешь ухожена, благопристойно в мужском представлении одета, соответствуешь стандартам хорошей хозяйки и матери, то, может быть, если возраст ещё не критический, тебе удастся обратить на себя внимание потенциального мужа. Это соответствует типичной стратегии развития нравственности у девочки, а затем взрослой женщины, возводящей в основу своей морали только любовь и заботу к другому.

Необходимо отказаться от принятого в обществе постулата о естественном различии полов, на котором базируется патриархальная система власти и возникает теория о разделении ролей между мужчиной и женщиной. «Естественность» мужских и женских качеств спорна, существует множественность их соотношений, эволюционирующих со временем, в том числе из-за давления социально-культурных установок, исторических изменений. Следует согласиться с мнением доктора Р. Хоф,

что «соотношения полов являются репрезентацией внутрикультурных систем правил» [6, с. 45]. А правила иногда меняют. И, конечно, именно создатели культурных продуктов в СМИ имеют в своих руках эффективные механизмы для внедрения новых образов феминности. Сегодня женщины-ведущие в программе «Давай поженимся!» говорят в два голоса, выражают две точки зрения, «ту, которая ей навязана доминирующей в обществе идеологией (то есть представляет «мужской» взгляд на мир), и ту, которая связана с мыслями и чувствами репрессированной социальной группы – в данном случае женщин» [5, с. 478]. Возможно, в последующем независимость их суждений от навязанных обществом установок будет выражаться ярче. Очень показательным в этом плане стало своего рода «постшоу» с Василисой Володиной перед уходом в декретный отпуск. В проникновенном интервью Ю. Меньшовой в «Наедине со всеми» [8] она отчётливо выразила чувство разочарования от создавшихся в нашем обществе социально-культурных установок в области взаимоотношений полов, обосновала свои претензии к проявлению мужского шовинизма в «Давай поженимся!».

А пока мы должны признать, что, несмотря на зримые успехи феминистского движения, популяризацию в обществе достижений гендерной науки, большая часть восточноевропейских женщин по-прежнему смотрят на себя глазами мужчины, представляя себя объектом его желания; репрезентация образа женщины в визуальных формах искусства происходит под влиянием патриархальных установок.

1. Carol Gilligan. In a Different Voice: Psychological Theory and Women's Development. Cambridge, Mass.: Harvard University Press, 1982. – 184 p.

2. Здравомыслова, Е. Ушёл ли в прошлое патриархат? Специфическая власть «слабого пола» / Е. Здравомыслова, А. Темкина // Гендер для «чайников». – М. : Звенья, 2009. – С. 25–41.

3. Казакова, Л. Женщина в зеркале масс-медиа [Электронный ресурс] / Л. Казакова // Режим доступа: http://takaya.eu/texts/essay/beauty_ideals/.

4. Тартаковская, И. Мужская работа, женская работа / И. Тартаковская // Рубеж (альманах социальных исследований). – 2001. – № 16–17. – С. 87–101.

5. Усманова, А. Женщины и искусство: Политика репрезентации / А. Усманова // Гендерные исследования: учеб. пособие. ХЦГИ. – СПб. : Алетейя, 2001. – С. 465–492.

6. Хоф, Р. Возникновение и развитие гендерных исследований / Р. Хоф // Пол. Гендер. Культура: Немецкие и русские исследования / под ред. Э. Шоре, К. Хадер. – М. : РГГУ, 2009.

7. Высокие отношения. Давай поженимся! Выпуск от 28.10.2014 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.1tv.ru/prj/marry/vypusk/33951>

8. Наедине со всеми. Василиса Володина. Эфир от 04.09.2014 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://naedinesovsemi.ru/sezon2/naedine-so-vsemi-vasilisa-volodina-efir-ot-04-09-2014.html>

УДК 930.85(392)

Е.И. МЕЛЕШКО

Гродно, ГрГУ имени Янки Купалы

МИРОВОЗЗРЕНИЕ БРИТАНЦЕВ ВИКТОРИАНСКОЙ ЭПОХИ

Викторианская эпоха стала периодом наиболее активного расширения границ Британской империи. Великобритания представляла собой мировое государство, в границах которого «никогда не заходило солнце». Период расцвета Британской империи стал эпохой формирования национального мировоззрения, определившего характер долговременных форм поведения и ценностей британцев.

В прессе и многочисленных литературных произведениях эпоха Виктории прославлялась как время невиданных достижений и успехов во всех сферах деятельности государства и общества.

В это время осознается, пропагандируется и анализируется все английское – менталитет, национальный характер, особенности истории, мораль и ближайшие перспективы. Таким образом, выстраивалась концепция национальной идентичности.

В XIX в. англичане высоко ценили рациональную размеренность жизни. Роль традиции в английской культуре сопоставима только с ролью «практического» разума. Она выступала своего рода гарантом надежности мира, гармонизировала его элементы, заметно упрощала повседневную жизнь. Используя силу традиций, англичанин избегал непредсказуемости в обыденной среде и, таким образом, достигал решения многих практических проблем [1, с. 458].

Подлинной ценностью викторианского духа являлась его внутренняя свобода, глубокое и полное самоощущение личного бытия. Свобода по-английски выражалась в универсальном интересе к своему внутреннему миру, в уважении к личному духовному опыту.

Определенное место в ряду факторов, формирующих английское общество, занимала печать. Английская пресса составляла существенную часть социального и политического организма страны. Не было страны, где весь народ читал бы так много газет, журналов и книг. Англичанин читал всю свою жизнь, и не только для развлечения: читая, он учился, так как он с детства свыкся с той мыслью, что для человека учение никогда не заканчивается.

Домашний очаг, дом – вот область, где английская семья проявляла свою индивидуальность. Дом – владение, заповедное и недоступное для чужих. Чужие – это все, кто принадлежит к внешнему миру. В деревне и в

городе каждый английский дом был существенно независим от своих соседей.

Английский дом был проникнут своеобразной и глубокой поэзией, которую, как утверждают англичане, только англичанин способен оценить и выразить. «Это храм отдохновения, убежище, где находишь не только защиту от всякой обиды, но и крепкий оплот против страха и сомнений. Если домашний очаг не совмещает в себе всего сказанного, это не дом, это не более, чем клочок внешнего мира, который прикрыли крышей и осветили внутри. Только тогда, когда домашний очаг есть священное место, храм, куда допускается лишь тот, кого там могут встретить с любовью, только тогда это дом» – писали современники [2, с. 39].

Глава семьи, муж и отец, главенствовал в доме. Один американец не без удивления заметил, что в Англии женщина смотрит на мужчину, как на высшего для себя: «Воля главы семьи признается домашним законом и никому не придет в голову оспаривать ее». Глава семьи создал свой дом, его средствами держится хозяйство, представитель семьи перед обществом и законом несет ответственность и взамен получает повиновение и почтение. Как отец он хочет, чтобы его прежде всего уважали, а потом уже любили [3, с. 173].

В Англии XIX в. можно было нередко услышать, что молодой человек, обращаясь к отцу, говорит ему «сэр», точно слуга своему господину. Почтение, которое англичанин умел внушать своим детям, усиливалось престижем тех прав, которые давал ему закон: он волен был распоряжаться своим имуществом как ему заблагорассудится.

На родовую земельную собственность семьи английский закон всегда смотрел, как на маленькое отдельное государство. И в этом государстве отец являлся неограниченным господином, как и в своем доме. «Англичанин не встречает у себя в доме ни отпора, ни протеста. Его желания не подлежат обсуждению. Сыновья его чтят, жена поддерживает их в этом собственным примером» – свидетельствуют источники [1, с. 451].

В Англии родительская власть над детьми была ограничена. После того как ребенку исполнится двадцать один год, отец не имел над ним никакой власти. Для англичанки XIX в. обязанности жены важнее обязанностей матери. Англичанка мужественна, терпелива; ее не заботил завтрашний день. Покорная, даже скорее пассивная жена; ей тоже были присущи физическая энергия и нравственная твердость, которые почти всегда отличают мужчин-англичан [4, с. 74].

Англичанин с детства привыкал считаться с опасностями внешнего мира, с трудными положениями жизни, с характерами людей. Ко всему этому он доходил собственным опытом, учился на своих ошибках. Ребенка приучали полагаться только на себя, рано предоставляя его собственным

силам; свободный выбор между добром и злом развивает в нем сознание ответственности. Ему внушали отвращение ко лжи, ему верили на слово, пока не доказано, что он соврал.

Воспитание, которое давала в Англии семья, продолжалось школой. Ребенок находил здесь знакомые правила: они руководили всеми отделами его воспитания – воспитанием физическим, нравственным и умственным, так как отныне оно практиковалось во всей полноте.

Воспитание не было отделено от образования. Они у англичан до такой степени слились, что английский язык не различает этих двух понятий и выражает их одним словом – *education*. Семейный идеал воспитания послужил в Англии руководящим правилом для всей педагогической системы. Государство в течение многих лет не вмешивалось в структуру общественного образования, поэтому школам не навязывалось «сверху» никаких искусственных педагогических систем. Таким образом, у английской школы не было никаких причин разрывать связь с воззрениями семьи.

Школа являлась для ребенка как бы продолжением его домашней жизни; семья передала ей свой бодрый дух, свои здоровые привычки, практический, наполненный энергией и силой взгляд на жизнь.

Во всех английских школах воспитание ставило себе одну и ту же двойную цель: ребенка надо воспитывать так, чтобы он, во-первых, имел здоровье, крепкое и выносливое тело, и, во-вторых, чтобы он был личностью, т. е. имел бы волю и характер, умел сам решать за себя, упорствовать в своих решениях, настойчиво приводить их в жизнь.

Ценность воспитания измерялась не количеством сведений о всевозможных предметах, которые ученики успели вложить в своей голове за время обучения, а тем, дали ли ему годы подготовки любовь к знанию, способность увлекаться наукой и неуклонно трудиться долгое время [1, с. 453].

Воспитание, как его понимали и применяли англичане, развивало физическую энергию и закаляло характер. Оно сохраняло любовь к знанию, любознательность, цельность призвания. Англичанин, каково бы ни было его общественное положение, учился самопомощи и добровольно подчинялся дисциплине.

Все викторианское общество было проникнуто следующим кредо: жить надо для того, чтобы действовать, а не затем, чтобы наслаждаться. В викторианской Англии преклонялись перед трудом, когда успех являлся его наградой, перед полезным и смелым предприятием, когда оно увенчалось успехом. Весь уклад английского общества отличался глубокой серьезностью – естественное последствие наследственного английского склада ума, который заставлял англичанина принимать жизнь и окружающих с особенной серьезностью.

Главное, преобладающее свойство британцев – это неутомимая, непрерывная деятельность. Душа англичанина только тогда удовлетворена, когда все его физические и нравственные силы работают, повинаясь усилию воли. Трудности только придавали ему бодрость, противодействие возбуждало и никогда не утомляло.

Свою любовь к труду англичане доводили до излишества, до патологической реализации цели: откладывать по грошам целыми годами, с единственной целью – обеспечить себе завтрашний день. Викторианцы боялись продолжительного отдыха, полного покоя: безмятежное существование отталкивало их.

В Англии XIX в. физические упражнения были в большом почете: они стояли наряду с чистотой и гигиеной. Ребенок в школе, взрослый человек во время досуга с увлечением предавались играм на свежем воздухе; они отдавали им много времени и энергии.

По всей стране располагались широкие площадки, отведенные под крикет, футбол, теннис, кросс; на реках – лодки для катания, в портах – яхты для дальних поездок, по дорогам – бесчисленное множество велосипедов. Все это представляло большой капитал, все создавалось с терпением и настойчивостью. Это являлось результатом целой революции, постепенно совершившейся в нравах общества.

Англичанин XIX в. весь состоял из мускул. Физические упражнения у всех тех, кто их выполнял, убили склонность к излишествах в еде и питье. «Атлетические игры для англичанина не простое отдохновение от умственного труда и не обязательное дополнение либерального воспитания, а настоящая потребность» – писали современники [1, с. 383].

Поэты, врачи, философы и гигиенисты – все в один голос пропагандировали уважение к телу, все рекомендовали физические упражнения. Следовать природе – вот их руководящий принцип, а идеал – сделать нацию сильной, сделав крепкими, бодрыми, выносливыми людей.

В нравственном воспитании ребенка главное внимание обращено на правдивость, на верность данному слову. Англичанин – цельный человек, который верит себе и внушает доверие окружающим. «Первое, что поражает вас в англичанах, это искренность их поступков и слов. Англичанин может быть холоден или приветлив, любезен или надменен, внимателен или небрежен, но вы видите, что он искренен. Если англичанин говорит вам: «милости просим», – вы чувствуете себя у него как в доме как дома. Если, встречаясь с вами, он всею рукою жмет вашу руку, вы можете быть уверены, что он также горячо пожмет ее при прощании. Слова его – его поступки. Его публичные речи – для него

крепкие узлы: вы можете верить всему, что он обещает, и даже рассчитывать на большее» [1, с. 386].

Английское выражение «всему свое место и время» говорит о необходимости поддержания порядка. Стремление к порядку наложило отпечаток на традиционную одежду англичан. Даже в повседневной жизни сохранялись «форменные» традиции.

У англичан, в отличие от шотландцев и валлийцев, нет своего национального костюма. С другой стороны, английские обычаи и традиции подразумевали наличие большого количества разнообразных костюмов – от торжественных церемониальных, ассоциируемых с монархией и большими государственными праздниками, до традиционных костюмов.

Терпимость, честность и склонность к компромиссу – фундаментальные качества британского характера наряду с высокоразвитым чувством справедливости, которое очень редко изменяет британцу. Стремление к справедливости традиционно обуславливало индивидуальное и групповое поведение англичан [5, с. 118].

Викторианство выражало интересы и мироощущение «среднего класса». Британцы в повседневной жизни были не очень вежливы друг с другом – привычка, которая могла показаться неприятной в других культурах. Большинство британцев вкладывали в свои слова несколько иной смысл. Такова была особенность британского характера, уникального в этом смысле.

Во времена королевы Виктории вступил в свои права средний класс. В обществе стали преобладать его ценности: трезвость, пунктуальность, трудолюбие, экономность и хозяйственность. Они ценились и до правления Виктории, но именно в ее эпоху эти качества стали нормой. Это казалось естественным, поскольку именно они ощущались наиболее полезными в новом индустриальном мире.

Все эти факторы в немалой степени поспособствовали развитию национального самосознания и складыванию уникальных черт национального характера.

Историю английского народа можно резюмировать двумя его свойствами, исключаящими друг друга, но соединившихся в нем – дух дисциплины и дух независимости. Английский народ воспитывал свою совесть и верил в человеческую свободу. Этот период подъема национального самосознания не случайно читается англичанами как «золотой век» в истории своей страны.

1. Леклерк, М. Воспитание и общество в Англии / М. Леклерк. – СПб., 1899. – 516 с.

2. Корнейчук, Э. А. Менталитет: истоки и исторические формы / Э. А. Корнейчук. – Волгоград: ВГПУ, 2001. – 52 с.
3. Глеб, М В. Имперская идея в Великобритании (вторая половина XIX века) / М В. Глеб. – Минск : Беларус. навука, 2007. –192 с.
4. Матвеев, В. А. Британия вчера и сегодня / В. А. Матвеев. – М. : Междунар. отношения, 1989. – 252 с.
5. Дэвис, Н. История Европы / Н. Дэвис. – М. : АСТ, 2005. – 543 с.

УДК 903.1

В.С. МИСИЮК

Брест, БрГТУ

АЛЕКСАНДР ЦИНКАЛОВСКИЙ – ИССЛЕДОВАТЕЛЬ ПРОТОГОРОДОВ БЕРЕСТЕЙСКОЙ ЗЕМЛИ

Личность Александра Николаевича Цинкаловского (9 января 1898 – 19 апреля 1983) мало известна исследователям истории культуры Брестчины. Меж тем она окружена вниманием и уважением на Волыни, где жил и работал ученый. В последние годы здесь переиздаются его работы [6], детально изучают творчество [2], проводят тематические конференции, областной краеведческий музей устраивает юбилейные выставки, учреждают именные премии [1, с. 51–52], устанавливают памятные доски и т.п. По самым скромным подсчетам, творчество исследователя стало предметом рассмотрения сотни научных и научно-популярных публикаций.

Ключевые события жизни Александра Цинкаловского связаны с Волынской губернией. Он родился во Владимире-Волынском, учился в ковельской гимназии, стал организатором сети украинских школ на Кременеччине. Как и у многих отпрысков аристократических семей, в его жилах текла кровь разных народов (польского, немецкого и др.), а предки интересовались древностями и пробовали себя в литературе.

В гражданскую войну Александр Николаевич служил офицером в армии УНР. После окончания войны становится сельским учителем и в тоже время активно участвует в общественной жизни Владимира-Волынского, поддерживает местную «Просвиту», участвует в выборах в Сейм. Реализуя программу С. Петлюры «смены меча на перо», пользуясь помощью украинских студенческих организаций и стипендиальных программ, в 1925 г. А. Цинкаловский поступает на православный богословский факультет Варшавского университета. Специализируется на церковной истории, христианском искусстве и археологии [3, с. 10].

Во время обучения в Варшаве Александр Цинкаловский устанавливает связи с украинскими научными центрами Львова: музеем Научного общества имени Т. Шевченко и Митрополичьим архивом. Благодаря этому сотрудничеству, были найдены, описаны и сохранены многие памятники письменности и шедевры искусства (20 рукописей, 300 старопечатных книг, кресты-энколпионы, иконы и пр.) [3, с. 11]. После окончания университета становится членом Научного общества имени Т. Шевченко. Материалы своих исследований публикует в украинских журналах («Украинское юношество», «Наш мир», «Жизнь и знание», «Записки НТШ») и польских («Wiadomości archeologiczne»). Только на страницах последнего было опубликовано 120 его статей. После войны ученый не порывал связей с украинскими общественными организациями. Он состоял в Украинском общественно-культурном обществе, публиковался в его печатных органах «Нашем Слово», «Наша Культура», серии «Украинский календарь». Очень плодотворно складывалось сотрудничество с издаваемым в Канаде научно-краеведческим журналом «Летопись Волини».

Будучи студентом в 1928 г. Александр Цинкаловский при поддержке видного археолога Владимира Антоневи́ча становится сотрудником Государственного археологического музея в Варшаве. По заданию музея он часто выезжает в экспедиции в Люблинское, Полесское и Волинское воеводства. Проводит археологические исследования, обследует и фотографирует достопримечательности. Многие были сделаны Александром Цинкаловским благодаря членству в Польском археологическом обществе. В частности, он возглавил археологическую экспедицию на раскопках крупнейшего регионального археологического памятника эпохи Средневековья Зимненского городища. С 1936 г. и до начала Второй мировой войны ученый возглавляет краеведческий, т.н. Волинский, музей в Кременецком лицее. С приближением фронта в 1943 г. он вывозит экспонаты в Варшаву, где возглавляет Волинский отдел Государственного археологического музея. В пламени пожара, охватившего Варшаву во время восстания 1944 г., были утрачены бесценные экспонаты собранных им археологической и этнографической коллекций, а также рукописи. После восстания Александр Николаевич эмигрирует в Германию. В 1952 г. возвращается в Польшу и поселяется в Кракове. Работает в Археологическом институте Польской Академии наук. В эти годы, пристальное внимание уделялось им памятникам Холмщины и Подляшья. В частности, ученый обнаружил городище древнего центра Червеньских городов – города Червеня. Умер А. Цинкаловский в Кракове. Похоронен на православном кладбище Варшавы [3, с. 10–11].

Более 40 лет Александр Николаевич собирал материал в полутора тысячах населенных пунктов региона. За один сезон 1939 г. исследователь привез из экспедиций 3 139 артефактов. Он обнаружил и описал памятники висоцкой, трипольской культуры, культуры шаровидных амфор, культуры шнуровой керамики, лужицкой культуры. В том числе им были описаны памятники истории и археологии, находящиеся на территории Брестской области. При подготовке изданий, посвященных археологии Белоруссии, советские археологи смогли познакомиться с коллекцией А. Цинкаловского, хранящейся в Варшавском и Краковском университетах [5, с. 75]. С другой стороны фамилия ученого, так же, как и многих других археологов, не были упомянуты во введении к изданию «Археологические памятники Белоруссии. Железный век». В этом издании есть только одна ссылка на Цинкаловского, а такой памятник, как Здитовское городище, не упомянут вовсе. Вероятно, сделано это по причине связей автора с «буржуазной историографией». Шесть лет обивал ученый, на котором висело клеймо эмигранта, петлюровца и пилсудчика, пороги академических институтов Киева. В это время шла активная подготовка серии «История городов и деревень Украинской ССР», составлялись областные своды памятников. Однако труд, представленный Цинкаловским, не вписывался в эту кампанию. Длительные бюрократические проволочки и явное нежелание представителей советской академической науки поддержать автора послужили причиной того, что он решился передать свою монографию с помощью профессора Кембриджского университета в Канаду. Лишь небольшая толика его наследия была опубликована уже после смерти. Словарь содержит около пятисот статей, в которых описаны города, деревни, урочища, реки и озера Пинщины.

Возвращаясь к изучению памятников Берестейской земли, следует отметить, что, по собственному свидетельству Цинкаловского, его поездки в Полесское воеводство были регулярными. Хотя, очевидно, они сводились к археологической разведке, возможности обстоятельно исследовать выявленные памятники не было. Тематика публикаций и изысканий говорит о пристальном внимании к протогородам в долине Западного Буга (Зимно, Червень, Владимир-Волынский, Дрогичин и др.). Бурные события эпохи привели к тому, что собранные пытливым исследователем памятники погибли, оказались в разных коллекциях (Варшавы, Кракова, Львова и др.), безвозвратно были утрачены описания.

Во-первых, даже в тех скромных отечественных изданиях, где упомянут археолог, его имя стоит в одном ряду с М. Балинским, Н.Ф. Беляшевским, Ф.В. Покровским, Е. Тышкевичем, Ю.В. Кухаренко, В.Ф. Исаенко и др. Причиной тому была не только активная жизненная

позиция, но и используемая методика. Очевидно, что исследования носили точечный характер. Исследования актовых документов, светских и церковных, изучение топонимов, позволяло уточнить местонахождение археологических памятников. Не случайно, краеведческий словарь «Древняя Волынь и волынское Полесье» ему предлагали опубликовать в Институте языкознания. Цинкаловский и сам понимал важность междисциплинарных исследований. В одной из статей словаря есть фраза: «Документ имеет важное значение при изучении топонимики Пинцины» [8, с. 453]. Судя по всему, основной упор Александром Цинкаловским был сделан на обнаружение и описание городищ.

Во-вторых, беглое знакомство с описанными Александром Цинкаловским пунктами говорит о довольно широкой географии – междуречье рек Пульва (Иванцевичи, Телятичи) [4, с. 98; 5, с. 85], Лесная (Шумаки, Коростичи, Янцевичи, Хомунты) [5, с. 88], Полахва (Кривляны) [5, с. 80], Ясельда (Здитово) [5, с. 80]. Есть основания полагать, что этот перечень не полный. Но даже он позволяет представить себе, насколько распространенным явлением были в предгосударственный период протогорода. Это явление только предстоит изучить. До сих пор большинство из открытых А. Цинкаловским городищ детально не исследованы. Это, в частности касается летописного города Здитова. Открытые во второй половине XX в. курганы типа Головно, территория распространения волынской керамики, области распространения полутораоборотных и s-оконечных височных колец, в комплексе с другими особенностями свидетельствуют о том, что к концу X ст. региональная культура обладала целым набором отличительных признаков.

Изучение протогородов Берестейской земли имеет важное значение, поскольку именно в это время возникают условия для качественного скачка, «бутылочного горлышка эволюции» – трансформации наиболее значимых торгово-ремесленных центров в города. Появление протогородов свидетельствует как о классово-профессиональной дифференциации общества, концентрации власти в руках родо-племенной знати, так и о сопутствующих геополитических факторах (оживлении торговли, вторжениях варяжских дружин, расширении торговых связей арабских купцов, централизации власти в соседних регионах и пр.). В XI–XII стст. роль городищ заметно падает (практически половина из них перестает функционировать), а их прежние функции концентрируются в городах. Это полностью соответствует данным профессора М. Кучинко, о том, что в данном регионе города возникают не на границах, а прежде всего в центре этнокультурных и физико-географических регионов – центрах сельскохозяйственных округов, с примерной площадью 1 тыс. км². Как следует из летописных свидетельств, жители сельской местности

Берестейской земли были объединены в округа – сотни. Хотя городища утратили свои функции, а соседние с ними населенные пункты понизили свой статус, последние, тем не менее, стали важными элементами нового административного и экономического уклада жизни.

1. Білик, В. Матеріали О. Цинкаловського у фондах Волинського краєзнавчого музею / В. Білик // Минуле і сучасне Волині та Полісся. Олександр Цинкаловський і край : матеріали XXVII Міжнар. наук. іст.-краєзн. конф., присвяч. 1020-ій річниці від першої писемної згадки про Володимир та 110-річчю від дня народж. О. Цинкаловського – Луцьк, 2008. – Вип. 27. – С. 49–53.

2. Охріменко, Г. В. Олександр Цинкаловський та праісторія Волині / Г. В. Охріменко, О. М. Каліщук. – Луцьк : Волинська обласна друкарня, 2007. – 740 с.

3. Каліщук, О. 110 років від дня народження О. М. Цинкаловського (1898–1983) – історика, археолога, краєзнавця, дослідника Волині / О. Каліщук // Календар знаменних і пам'ятних дат Волині на 2008 рік. – Луцьк : Твердиня, 2007. – С. 10–11.

4. Поболь, Л.Д., Археологические памятники Белоруссии. Железный век / Л. Д. Поболь. – Минск : Наука и техника, 1983. – 456 с.

5. Поболь, Л.Д. Древности Белоруссии в музеях Польши / Л. Д. Поболь, Ю. В. Кухаренко. – Минск : Наука и техника, 1979. – 205 с.

6. Цинкаловський, О. Княжий город Володимир / О. Цинкаловський. – Луцьк : Надстир'я, 2003. – 122 с.

7. Цинкаловський, О. Стара Волинь і Волинське Полісся: Краєзнавчий словник. Від найдавніших часів до 1914 р. / О. Цинкаловський. – Т. 1. – Вінніпег : Волинь, 1984. – 601 с.

8. Цинкаловський, О. Стара Волинь і Волинське Полісся (Краєзнавчий словник. Від найдавніших часів до 1914 року) / О. Цинкаловський. – Т. 2 / Ін-т дослідів Волині. – Вінніпег : Волинь, 1986. – 579 с.

9. Цинкаловський, О. Старовинні пам'ятки Волині / О. Цинкаловський. – Торонто : Волинь, 1975. – 124 с.

УДК 94:314(477.7)

Ю.Р. МОСКАЛЕВА

Винница, Донецкий национальный университет

ПОВСЕДНЕВНАЯ ЖИЗНЬ ВОСПИТАННИКОВ ДЕТСКИХ ПРИЮТОВ НА ЮГЕ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ (XIX – НАЧАЛО XX ст.): АНАЛИЗ ПЕРИОДИЧЕСКИХ ИЗДАНИЙ

Исследования истории повседневности на нынешнем этапе в украинской историографии находятся на стадии становления, поскольку до сих пор продолжается процесс научно-теоретического обоснования данного направления. Для реконструкции событий прошлого необходимо «видение» повседневных реалий, важно осмысление сферы, которая изучается. Особенно важны эти детали становятся для изучения

повседневности беспризорных и безнадзорных детей, попадающих под опеку. В случае с изучением детской беспризорности и безнадзорности в XIX – начале XX ст. свою информативную ценность обнаруживают периодические издания. Данный вид источников имеет комплексный и синтетический характер. Во-первых, периодика содержит много форм информации (документы, статистические данные, письма, воспоминания). Во-вторых, информация в разных газетах поступает к читателю оперативно, что говорит об отражении самых знаковых событий.

Изучению проблем детской беспризорности, где непосредственно освещается именно аспект повседневной жизни беспризорных детей, посвящены труды Е. Другановой, Н. Сейко, Ф. Ступака [8]. В работах продемонстрированы примеры поддержки быта учащихся, благоустройства и обеспечения библиотек в различных учебных заведениях Украины, определены главные этноконфессиональные характеристики благотворительности в сфере образования, роль отдельных попечителей и государства в помощи беспризорным и безнадзорным. Однако данные работы касаются всей территории Украины. Отдельно рассмотрели благотворительную деятельность Российской империи И. Гребцова и С. Накаева. Некоторые аспекты проблемы деятельности еврейских детских заведений Одессы освещены в кандидатской диссертации Ю. Гузенка [7]. Заслуживают внимания исследования А. Савочки, в которых рассмотрена история становления и развития благотворительных обществ Ялтинского уезда в XIX ст. [14].

Касательно раскрытия информативного потенциала периодических изданий данного периода, в 2012 г. вышла статья Н. Гончаровой, в которой представлен анализ периодического издания «Вестник благотворительности» [6]. Исследовательница уделила внимание роли дворянства в делах благотворительности. Но для нас данная работа представляет ценность именно благодаря своему источниковедческому направлению.

Таким образом, целью данного исследования является показать проблему детской беспризорности через призму истории повседневности, привлекая к анализу периодические издания.

Появление специальной периодики по вопросам благотворительности датирована второй половиной XIX ст. К этому времени изданий, целенаправленно освещавших проблемы обездоленных не существовало. Так, к первой половине XIX ст. можно отнести «Журнал императорского Человеколюбивого общества» (1817–1826). В нем находим информацию, датированную 1819 г., об открытии в Павловске училища для глухонемых детей (1806 г.), которое позже было переведено в Петербург [9].

Ценным источником для освещения дел благотворительности на территории Екатеринославской губернии выступает издание «Екатеринославские губернские ведомости» (1838-1918). Именно на страницах этого журнала показана эволюция благотворительных учреждений края.

Созданное в 1829 г. Новороссийское женское благотворительное общество получило широкую огласку на страницах «Одесского вестника» (с 1827 г.). Так, основной поток капитала для пожертвований в сиротские заведения поступали от проведения лотерей, концертов, спектаклей, организованных руководителями общества [4]. Также на страницах издания имеется информация о «Доме призрения сирот» Одесского женского благотворительного общества. Несомненным преимуществом его расположения (вдали от центра города) было наличие там колодцев с пресной водой, что являлось дефицитом для Одессы. На довольно большом участке воспитанники и сотрудники данного заведения разбили сад, который состоял из многих тысяч «лесных, фруктовых и тутовых деревьев, а также кустов винограда» [11]. Наличие плодового сада обеспечивало детей собственными фруктами, позволяя поддерживать иммунную систему питомцев на должном уровне, учитывая распространение в те времена такой болезни, как чахотка. Характерно, что в течение 30–40-х гг. XIX ст. почти каждая пятая выпускница детского дома приобщалась к воспитанию младших детей. К тому же, воспитанники приюта приобщались к работе в других городах. Об этом свидетельствует, например, отправка 4-х девушек «смотрительницами» в институт Св. Нины в Тифлисе [3, с. 725–727].

Если обратиться к периодическим изданиям Таврической губернии, находим газеты и журналы, которые полностью или косвенно освещают вопросы благотворительной политики местных органов по решению проблем детской беспризорности и безнадзорности. Назовем основные из них: «Таврические епархиальные ведомости», «Культура народов Причерноморья», «Южные ведомости», «Ялта» и др. Именно комплексное исследование всех периодических изданий дало возможность обрисовать картину филантропии края.

Основателем первого в Таврической губернии приюта для мальчиков выступил известный государственный и общественный деятель Андрей Яковлевич Фабр (1789–1863). В самом начале истории приюта в нем содержалось лишь двадцать мальчиков в возрасте от четырех до тринадцати. Ограничение числа детей Андрей Фабр объяснил тем, что «лучше ухаживать за их меньшим количеством, но придать им более пристойное содержание» [2, с. 104]. Одним из обязательных условий принятия в приют, по желанию А.Я. Фабра, место рождения сирот. Они

непрерывно должны были быть выходцами из Таврической губернии. Форма контроля была достаточно демократичной – руководство сиротского дома обязано было «предоставлять ежегодно отчет по нему, так же как и капиталы» [13]. С восьми лет детей обучали арифметике, Закону Божьему, русской и церковной грамматике, церковному пению. В одном из помещений учреждения находилась небольшая библиотека, где дети могли выполнять домашние задания и заниматься самообразованием. С десяти лет ребята посещали городское училище. Самые талантливые ученики, которые хорошо себя вели и имели лучшие оценки, получали возможность поступить в университет или другое учебное заведение. Такая возможность появилась, поскольку проценты с благотворительного капитала шли в оплату за обучение выпускников заведения [5]. В тринадцать лет мальчиков отдавали в ремесленные мастерские или обучали делу сапожника. Впоследствии предоставление воспитанникам приюта базовой профессиональной подготовки стало одним из приоритетных направлений. В 1890 г. при заведении появилась отдельная ремесленная школа, в которой преподавались плотничество, кузнечество, колесно-экипажное дело. Срок обучения в ремесленной школе составлял четыре года, с возможностью продлить обучение еще на один год по решению школьного совета и комитета. В учебном учреждении поддерживалась жесткая дисциплина: ученика могли исключить за плохое поведение, невыполнение приказов учителей, плохие оценки. В учреждении также активно применялось и поощрение учащихся к работе: трудолюбивые получали денежное вознаграждение от продажи изготовленных изделий. В 1895 г. состоялся первый выпуск ремесленной школы. Двенадцать учеников, которые успешно сдали экзамены, получили свидетельства и звания подмастерьев. Летом много внимания уделялось труду воспитанников в саду и огороде, которые находились при учреждении. Значительное внимание также было сосредоточено на физическом развитии детей: под руководством надзирателя они занимались гимнастикой и играли в разнообразные игры.

Благодаря многочисленным пожертвованиям со стороны членов императорского двора (Великие князья Алексей Александрович и Александр Александрович внесли по 300 руб. в кассу общества), проведению благотворительных мероприятий, удалось приступить к сбору средств для открытия первого в Ялтинском уезде детского приюта (поселок Алупка), где занимались дети местных рабочих. Уже в апреле 1875 г., из-за недостатка мест для воспитанников, состоялась закладка нового двухэтажного сиротского приюта [10, с. 460]. В новый приют принимались сироты и неполные сироты в возрасте от двух до восьми лет. Мальчики воспитывались в этом учреждении до двенадцати лет, а девочки

до семнадцати. Сохранилось описание этого благотворительного заведения: «Дом каменный, очень просторный и снаружи, и внутри, производит хорошее впечатление; кругом большой двор, где устроен небольшой огород. На нижнем этаже помещается спальня для мальчиков (большая комната), потом спальня для маленьких детей, столовая, кухня и гардеробная; на втором этаже спальня для девочек, мастерские, уборные, комнаты надзирательницы и ее помощницы. При доме есть службы: сарай, баня, прачечная с сушилкой». В приюте мальчиков обучали лишь плетению корзин, в то время как девочки учились вязанию чулок, вязанию и шитью, что в будущем давало им возможность найти себе работу [1].

Своеобразной является история благотворительной деятельности в городе Николаеве. В 1875 г. в Николаеве возникла потребность в открытии в городе ночлежного дома. В том же году он был открыт, а его содержание возлагалось на «Общество ночлежных домов». Одним из направлений работы общества было устройство детских приютов труда, учебных мастерских. Это событие освещено в периодическом издании «Южанин» [16].

Большой потенциал имел журнал «Трудовая помощь», выходящий с 1897 г. 10 раз в год. Структура издания состояла из следующих постоянных рубрик: 1) журналы заседаний Комитета Попечительства, 2) ведомость о приходах-расходах, 3) статьи, относительно развития попечительства в регионе, 4) хроника благотворительности в России и за границей, 5) литературное обозрение. Интересным остается тот факт, что большинство статей направлены на улучшение именно досуга призреваемых детей, открытие «домов трудолюбия». В одном из номеров детально представлены сезонные работы ребят, имеется ссылка на то, что трудовой деятельности уделяли больший процент времени, нежели учебной. Так, понятие «дневник» являлось производным от подробного описания дневных работ [15, с. 20]. Особое внимание уделялось и духовному воспитанию, поскольку ребята ежедневно имели возможность уединения на утреннюю и вечернюю молитвы, в т.ч. и о умерших попечителях.

Наиболее информативным по своему содержанию выступает журнал «Вестник благотворительности» (1897–1902 гг.). Интересно, что учредителем журнала выступало Центральное Управление детских приютов Ведомства учреждений императрицы Марии. Однако ведомственная принадлежность не влияла на круг вопросов, которые освещало издание. Журнал ставил себе целью «покончить с диким, стихийным убоголюбием, сделать свой вклад в упорядочение помощи действительно нуждающимся, а также обобщить и распространить передовой опыт опеки среди обществ и организаций сферы опеки» [12].

Начало Первой мировой войны пагубно повлияло на финансовые дела всех благотворительных учреждений Юга Российской империи. В течение 1914–1916 гг. капиталы приютов значительно уменьшились, сократилось количество пожертвований и доходов. Открывались ясли для детей, родители которых были призваны на войну или умерли. Органы местного самоуправления в то время не имели возможности предоставить благотворительным заведениям никакой финансовой поддержки.

Подытоживая, стоит отметить, что особенностью анализируемой прессы, как исторического источника, является то, что ее материалы позволяют воссоздать ряд неизвестных или малоисследованных страниц, касающихся заданной темы. В то же время отмечается, что значительный комплекс разноплановых материалов периодики требует тщательного источниковедческого анализа, прежде всего с точки зрения полноты освещения событий и достоверности данных, которые помещались на их страниц. Стоит отметить, что анализ периодических изданий данного периода показывает, что проблема детской беспризорности, равно как и развитие повседневной жизни детских приютов, являют собой барометр социально-экономической и политической стабильности в отдельно взятый исторический период развития государства.

1. Беспризорные дети // Ялта. – 1896. – 25 дек.
2. Бобкова, О. М. Организация и деятельность Сиротского дома тайного советника А. Я. Фабра / О. М. Бобкова // Культура народов Причерноморья. – 2007. – № 85. – С. 100–105.
3. Бориневич, А. С. Благотворительность / А. С. Бориневич // Одесса. 1794–1894. Издание городского общественного управления к столетию города. – Одесса, 1895. – С. 705–780.
4. Внутренние новости в Одессе // Одесский вестник. – 1834. – 14 марта.
5. Годовой отчет о деятельности Ялтинского благотворительного общества за 1869/1870 год // Таврические губернские ведомости. – 1871. – 4 февр.
6. Гончарова, Н. О. Благодійна діяльність дворянства Південної України на сторінках «Вестника благотворительности» / Н. О. Гончарова // Інтелігенція і влада. – 2012. – Вип. 26. Історія. – С. 141–147.
7. Гребцова, И. С. Очерки развития женского благотворительного движения на юге Российской империи (первая половина XIX ст.) / И. С. Гребцова, С. А. Накаева. – Одесса : Астропринт, 2007. – 280 с.; Гребцова, И. С. Становление государственного попечительства и общественной благотворительности в Одессе в конце XVIII – 60-е гг. XIX ст. / И. С. Гребцова, В. В. Гребцов. – Одесса : Астропринт, 2006. – 320 с.; Гузенко, Ю. І. Становлення і діяльність благодійних об'єднань на півдні України в другій половині XIX – на початку XX ст.: на матеріалах Херсонської губернії : дис. ... канд. іст. наук : 07.00.01 / Ю. І. Гузенко. – К., 2004. – 241 л.
8. Друганова, О. М. Розвиток приватної ініціативи в освіті України (кінець XVIII – початок XX століття) : дис. ... докт. пед. наук : 13.00.01 / О. М. Друганова. – Харків, 2008. – 579 с.; Сейко, Н. А. Доброчинність у сфері освіти України (XIX – початок XX століття) : автореф. ... докт. пед. наук : 13.00.05 / Н. А. Сейко. – Луганськ, 2009. –

44 с.; Ступак, Ф. Я. Благодійність та суспільна опіка в Україні (кінець XVIII – початок XX ст.) : автореф. дис. ... докт. іст. наук : 07.00.01 / Ф. Я. Ступак. – Переяслав-Хмельницький, 2010. – 40 с.

9. Журнал императорского Человеколюбивого общества. – 1818. – Ч. 4.

10. Кашкадамов, М. Сиротский дом тайного советника Фабра в Симферополе / М. Кашкадамов, П. Аверкиев, О. де-Мезон // Таврические епархиальные ведомости. – 1870. – № 14. – С. 453–462.

11. Одесский вестник. – 1844. – 3 июня.

12. От редакции // Вестник благотворительности. – 1897. – № 1.

13. Открытие очага-яслей // Южные ведомости. – 1917. – 16 июля.

14. Савочка, А. Н. Становление и развитие общественных благотворительных организаций в Ялтинском уезде (вторая половина XIX – начало XX века) / А. Н. Савочка // Ученые записки Таврического национального университета им. В.И. Вернадского. – 2010. – Т. 23 (62), № 1. – С. 155–167.

15. Трудовая помощь. – 1889. – № 1. – 35 с.

16. Южанин. – 1893. – 19 декабря.

УДК 903

А.В. МОЩУК

Брест, БрГТУ

АНТИСЕМИТИЗМ В МЕЖВОЕННОЙ ПОЛЬШЕ И ЗАПАДНОЙ БЕЛАРУСИ (ПРИЧИНЫ, ФОРМЫ, МЕТОДЫ): ОБЩЕЕ И ЧАСТНОЕ

Межвоенная Польша, а вместе с ней и Западная Беларусь, являлась тем государством, в котором в межвоенный период проявления антисемитизма достигли достаточно большой степени. Вместе с тем формы, методы, а также размах данных проявлений имел существенные различия, как на территории этнически польских земель, так и в западнобелорусском регионе.

Антисемитизм как явление во второй польской республике достаточно чётко дифференцируется как по периодам своих пиков, так и по мотивам и формам его проявлений. Первый этап развития антисемитизма в стране приходился на рубеж 10–20-х гг. XX в. и условно был связан с окончанием Первой мировой войны и воссозданием независимого польского государства. В его основе лежал комплекс причин, который можно разделить на несколько групп.

Во-первых, своеобразным толчком к развитию антисемитизма стала погромная волна, которая прокатилась по будущим восточным областям молодого польского государства в результате ряда военных конфликтов в самом начале его существования. В основе данной волны лежал широкий

спектр мотивов – от элементарной анархии, безнаказанности и «традиционного» восприятия еврея как объекта физического насилия, до стремления к материальному обогащению за счёт еврейского населения. В определённой степени моральным побуждением к подобного рода действиям было то, что в глазах рядового обывателя из числа местного нееврейского населения, еврей зачастую ассоциировался с мошенником «наживающимся за счёт бедных неевреев».

Во-вторых, рост антисемитизма в данный период, особенно на государственном уровне, связан с процессом создания национальных государств на территории западных окраин бывшей Российской империи – Западно-Украинской Народной Республики (ЗУНР) и литовского государства. В данном случае еврейские политические круги либо поддерживали местных национальных лидеров, которые проводили открытую антипольскую политику, либо заявляли о своём нейтралитете.

В глазах польских национальных лидеров и, прежде всего лидера национальных демократов Р. Дмовского, который фактически исповедовал принцип «кто не с нами, тот против нас», это являлось открытым предательством интересов польского государства. Не случайно два самых больших погрома начала 1920-х гг. на территории Польши произошли в этнически смешанных регионах, где польская национальная политика натывалась на противодействие со стороны других наций. Во Львове, где еврейское население заявило о своём нейтралитете в польско-украинском конфликте, евреи были обвинены поляками «в сотрудничестве с украинцами». И в Вильно, который являлся центром литовского и белорусского национального движения, евреи так же были обвинены в том, что поддерживали литовские националистические силы.

Фактически образ еврея стал собирательным образом врага польского государства, будь то еврей-большевик Советской России, либо сторонник ЗУНР или Литовской республики. Нет сомнений и в том, что волна антисемитизма была вызвана ростом польского национализма и провозглашением доктрины «Польша для поляков».

В-третьих, нельзя списывать со счетов и последствия жестокого экономического кризиса, который прокатился по Польше в конце 10-х – начале 20-х гг. XX в. В условиях роста экономических проблем существует тенденция обострения межнациональных взаимоотношений, что выливалось, в данном случае, в постоянном нагнетании антиеврейских настроений, т.к. в глазах рядового обывателя, еврей представлялся либо конкурентом, либо мошенником, наживающимся на тяжёлом положении поляков (украинцев, белорусов и т.д.).

Второй этап роста антисемитизма связан со второй половиной 30-х гг. XX в. В его основе лежали две основные причины:

1. Последствия экономического кризиса 1929–1932 гг., который фактически подорвал польскую экономику, тем самым, поставив рядового польского обывателя на грань выживания.

2. Рост профашистских настроений в Польше на волне популярности идей национал-социализма, связанных с приходом А. Гитлера к власти в Германии.

Характеризуя развитие антисемитизма в Польше, следует понимать, что он дифференцируется не только по периодам проявления, но и по формам. С одной стороны достаточно чётко определяется государственная политика дискриминации еврейского населения, которая проявлялась через определённые мероприятия государственных органов власти, например печально известная *numerus clausus* – «скамья гетто» – в университетах, в результате введения которой количество евреев-студентов в польских университетах сократилось с 24.6 % в 1921–1922 гг. до 8.2 % в 1938–1939 гг. [1, л. 12].

Кроме этого, польское государство проводило политику, направленную на ограничение влияния евреев на польскую экономику. Евреям стало практически невозможно получить банковские ссуды, либо лицензии на ремесленную деятельность.

С другой стороны, мы можем говорить о бытовой стороне антисемитизма, в том числе на уровне негативного восприятия образа еврея рядовым обывателем. Подобную характеристику различным сторонам антисемитизма дают лидеры польского Бунда – той партии, которая фактически возглавила борьбу еврейского населения с данным явлением.

Характеризуя проявления антисемитизма в Польше, руководство Бунда выделяет два основных его направления: бытовой или хозяйственный и общественно-политический, причём последний рассматривался исключительно как способ борьбы польского государства с рабочим движением [4, s. 237]. С данным утверждением сложно не согласиться, однако стоит понимать, что различные формы антисемитизма характерны для различных этапов существования польского государства.

Так, в самом начале второй польской республики мы сталкиваемся в большей степени с проявлениями погромной практики, которая в меньшей степени имеет политическую окраску. Здесь, на наш взгляд, на первый план выходит жажда наживы за счёт еврейского населения. Показателен, в данном отношении, допросный лист польской контрразведки одного из солдат формирований С.Н. Булак-Балаховича, в котором в ответ на вопрос о мотивах своего участия в движении, допрашиваемый откровенно признаётся: «Хотел сколотить состояние» [2, л. 129]. Ответ возможно и не характерный, но показательный, т.к. в большей степени сколотить данное

состояние проще всего было за счёт бесправного, да и незащищенного еврейского населения, а не бедного жителя полесской деревни.

При этом следует отметить, что на территории Западной Беларуси степень активности антисемитских элементов была минимальна. Данное явление, на наш взгляд, обуславливалось традиционной концентрацией еврейского населения края в городах и местечках, которое, в свою очередь, приводило к тому, что основная масса контактов, а, следовательно, и возможных противоречий с титульным населением сводилась к сфере торговли. Безусловно, конфликтные ситуации могли возникать и на этой почве, но, на наш взгляд, они носили в основном, бытовой характер. Так, польская гражданская администрация фиксировала недовольство со стороны белорусских крестьян монополией еврейских торговцев в сельской местности, необоснованным, с их точки зрения, завышением цен и т.д.

В западнобелорусском регионе в отличие, например, от центральных регионов Польши титульное население (белорусы) практически не было представлено в сфере торгово-промышленной деятельности. Здесь также отсутствовали крупные промышленные центры, где интересы еврейского и титульного пролетариата могли вступать в противоречия (борьба за рабочие места и т.д.). Также с определённой долей вероятности мы можем утверждать, что в Западной Беларуси в межвоенный период сохранилась тенденция, когда основным источником формирования промышленного пролетариата выступало еврейское население. Межвоенный западнобелорусский город или местечко это прежде всего еврейский город, где белорусы, поляки или русские составляли меньшинство.

Безусловно, проявления антисемитских настроений, прямых погромных действий, особенно в конце 1930-х гг., отмечаются и на территории Западной Беларуси, однако в большей степени они носят единичный характер. С другой стороны, пример погрома 1937 г. в Бресте достаточно ярко характеризует мотивационную составляющую действий погромщиков, которая, на наш взгляд, сводилась к бездействию или, наоборот, прямому попустительству со стороны властей, а также, со стороны обывателей, принявших участие в погроме, элементарной возможности безнаказанно пограбить.

Таким образом, очевидно, что территория четырёх западнобелорусских воеводств Второй Речи Посполитой не стала регионом массовых проявлений антисемитизма. По крайней мере, мы можем привести примеры лишь единичных всплесков погромных явлений, зачинщиками или участниками которых являлось местное население.

1. Государственный архив Брестской области (далее – ГАБО). – Ф. 1. Оп. 10. Д. 1299.

2. ГАБО. – Ф. 93. Оп. 1. Д. 346.

3. Розенблат, Е. Евреи Западной Белоруссии глазами их соседей / Е. Розенблат, И. Еленская // Диаспоры. Независимый научный журнал. – 2006. – № 3. – С. 150–179.

4. Nowogródski, E. Żydowska partia robotnicza w Polsce 1915–1939 / E. Nowogródski. Warszawa : ŻIH, 2005. – 362 s.

УДК 94(4)

Л.П. НИКИТЕНКОВА

Брест, БрГУ имени А.С. Пушкина

РОССИЙСКОЕ ОБЩЕСТВО И АЛКОГОЛЬНЫЙ ВОПРОС КОНЦА XIX – НАЧАЛА XX вв.

Торговля спиртным была и остаётся прибыльным делом, к которому любое государство всегда во все времена проявляло интерес, так как значительную часть поступлений в казну составляли питейные доходы. Рациональная алкогольная политика страны, которая учитывает традиции, обычаи своего народа в вопросах потребления спиртных напитков, политика, которая идёт по пути формирования в государстве негативного отношения к пьянству, служит одним из важных критериев цивилизованного общества.

Об угрозе и опасности алкогольной проблемы для населения Российской империи говорили известные учёные. Академик И.П. Мержеевский на открытии I съезда русских психиатров в Москве в 1887 г. сказал: «В наших больницах и госпиталях число психически больных, имеющих в этиологии своей алкоголизм, равняется от 7–42 %... Злоупотребление спиртными напитками ведёт к хроническому пьянству, которое в свою очередь порождает пауперизм, преступление и помешательство... В некоторых случаях склонность к пьянству непосредственно передается от родителей к детям» [9, с. 60]. По уровню потребления крепких спиртных напитков Россия занимала на рубеже XX в. одиннадцатое место в мире [4, с. 68].

В качестве одного из направлений государственной политики Российской империи борьба с пьянством определилась в последней трети XIX в. По инициативе министра финансов С.Ю. Витте с 1894 г. началось введение государственной винной монополии. Продажа спирта, вина и водочных изделий на местное потребление составляло исключительное право казны, и должна была проводиться из принадлежащих казне заведений, а также из заведений, содержащихся частными лицами, если им это будет разрешено казной. Открываться они могли с разрешения

губернатора, а вне города – с согласия владельца земли или усадьбы, кроме того, обязательно нужно было получить разрешение сельских обществ.

Винокурение, варение пива, портера, мёда могло происходить на частных заводах. Но спирт для переработки они покупали у государства, по ценам, определенным министром финансов. Приготовление из очищенного спирта вина и разлив его в стеклянную тару осуществлялся на казенных складах, где за этим процессом должен быть строгий контроль. Вино и спирт в продажу должны поступать «не иначе, как в очищенном перегонкою виде и крепостью не ниже 40 градусов» [7, т. 14, № 10766].

По закону от 2 мая 1895 г. устанавливалась казённая продажа спиртного в следующих губерниях: Бессарабской, Волынской, Екатеринославской, Киевской, Подольской, Полтавской, Таврической, Херсонской и Черниговской – с 1 июля 1896 г., в губерниях Виленской, Витебской, Гродненской, Ковенской, Минской, Могилёвской, Смоленской – с 1 июля 1897 г., а в губерниях Царства Польского – с 1 января 1898 г. [7, т. 15, № 11620].

19 февраля 1896 г. принимается закон о применении Положения о казённой продаже спиртного в южных и западных губерниях: Петербургской, Новгородской, Псковской, Олонецкой, Харьковской [7, т. 16, №12545].

Осуществление реформы шло с большим трудом, и только в 1906–1913 гг. водочная монополия была реализована во всём своём объёме [8, с. 219].

В годы введения монополии были попытки ввести в употребление новые наименования водки с целью облагородить этот продукт. «Столовое вино», «народное вино», «винная водка» – такие названия не прижились в языке. А вот жаргонный термин «монополька» привился быстро и прочно. Ещё один термин «самогон» появился в конце 90-х гг. XIX в. и означал самовольное и незаконное изготовление неочищенного, плохого хлебного вина [8, с. 189]. Государственная монополия на водку с 1902 г. по 1914 г. принесла казне 100 млн рублей дохода [6, с. 102].

Во все времена торговля алкоголем выгодна, поэтому установление государственной монополии – это своего рода и контроль за продажей спиртных напитков. Отсюда правительство решило оказывать содействие организации трезвенного движения. В стране появляются кружки и группы, которые пропагандировали трезвый образ жизни. Подписан был Устав «Попечительств о народной трезвости» в декабре 1894 г. Государство стремилось через эти организации сформировать негативное отношение к пьянству, но не к потреблению алкоголя вообще. Необходимо было воспитывать культуру питья, умеренность потребления спиртных напитков. Первый пункт Устава гласил, что цель учреждения

Попечительств «для ограждения населения от злоупотребления крепкими напитками» [7, т. 14, № 11152]. В интересах народного здоровья и нравственности «Попечительства» должны были вести надзор за тем, чтобы торговля алкоголем осуществлялась по установленным правилам, согласно закону от 6 июня 1894 г., распространять мнение о вреде неумеренного употребления крепких напитков, изыскивать средства для предоставления населению возможности проводить досуг вне питейных заведений.

«С 1898 года при Русском обществе охранения народного здоровья начала работу Комиссия по вопросу об алкоголизме и мерах борьбы с ним» [4, с. 68]. По данным этой организации «на 10 тысяч населения империи приходилось 33 алкоголика среди ремесленников и мещан, 25 среди крестьян, 11 среди дворян» [4, с. 68]. Главными причинами распространения алкоголизма были названы тяжёлые жизненные условия и привычки и обычаи. Члены комиссии пришли к выводу о нецелесообразности полного запрещения торговли спиртным. Сам последний император признавал, что «нельзя ставить в зависимость благосостояние казны от разорения духовных и хозяйственных сил множества моих верноподданных» [5, с. 474]. Примером воздержания от употребления спиртных напитков должны были служить общества трезвости, которые стали активно создаваться в 90-е гг. XIX в. Общества трезвости были двух видов – церковно-приходские и светские. Церковно-приходские объединения стали появляться после указа Синода 1889 г. «О содействии возникновению обществ трезвости» [3, с. 351]. Трезвенное движение было поддержано духовенством, которое не могло не видеть, что употребление алкоголя ощутимо подтачивало и нравственные и государственные устои. Деятельность обществ не ограничивалась изданием печатной продукции, призывающей к трезвому образу жизни, благодаря таким обществам появились первые вытрезвители, приюты и бесплатные лечебницы.

События начала XX в. – русско-японская война 1904–1905 гг., первая буржуазно-демократическая революция 1905–1907 гг. в России – заставили правительство ввести ограничения на водочное производство и торговлю. В Государственной Думе третьего созыва, начиная с 1907 г., работала комиссия, которая обсуждала различные проекты по борьбе с пьянством. Предлагалось даже на водочных этикетках писать слово «Яд» с изображением черепа и костей [2, с. 222].

Проблемы пьянства существовали и в русской армии. В 1908 г. после долгих споров в армии была отменена «чарка», а с 1910 г. устав внутренней службы запрещал нижним чинам посещать места распивочной продажи водки и пива, а также приносить спиртные напитки в казармы, но вместо «чарки» солдатам полагалось слабое вино или пиво. «Чарка» не

была отменна лишь на флоте, однако она стала употребляться в два приёма – 2/3 к обеду 1/3 к ужину [1, с. 339].

28 декабря 1909 г. в Петербурге открылся I Всероссийский съезд по борьбе с пьянством [10]. Работало три секции: первая – физиологическое и патологическое действие алкоголя; алкоголизм у отдельных лиц: причины и меры борьбы с ним; вторая – общественные причины и последствия пьянства; третья – законодательные и общественные меры борьбы с пьянством как массовым явлением [10]. Съезд высказался против винной монополии как средства отрезвления народа, против попечительств о народной трезвости, которые в большей степени носили показной характер и были бесполезной тратой денег из казны.

В связи с началом Первой мировой войны появляются высочайшие повеления о сокращении потребления алкогольных напитков во всех странах-участниках конфликта. 22 августа 1914 г. вышло постановление о запрете продажи и распития крепких напитков в Российской империи [11, с. 148]. В Государственной Думе готовился проект «утверждения трезвости на вечные времена» [11, с. 148]. Постановления антиалкогольной направленности появляются во Франции – запрет на продажу и употребление абсента, в Англии – сокращены часы работы пабов [11, с. 149]. В странах Тройственного союза тоже заинтересованы были в поднятии работоспособности, сознательности населения, так как исход войны в многом зависел от работы тыла, поэтому подобного рода мероприятия проводились и там. Воздержание от алкоголя напрямую связывалось с патриотизмом. Эти административно-запретительные меры были подготовлены всем предшествующим периодом и не вызвали серьёзных протестов со стороны населения. Правда, избежать пьяных погромов винных магазинов в связи с воинскими призывами 1915–1916 гг. в отдельных районах Российской империи не удалось. Производители спирта, лишившись сбыта, начали останавливать заводы. Казна перестала получать доход. Самогоноварение стало настоящим бедствием. В сентябре 1916 г. Совет министров запретил производство спирта на всех винокурнях. [2, с. 226]. Правда, некоторые исследователи считают принятие сухого закона одной из причин событий 1917 г. В целом же, стремление большей части общества совпало с желанием государства жёстко контролировать питейный рынок и бороться с пьянством, искоренить которое очень сложно без заинтересованности в этом самого населения и мер, принимаемых самим государством.

1. Военная энциклопедия / под ред. В. О. Новицкого. – СПб. : Т-во И. Д. Сытина, 1911. – Т. 2. – 567 с.

2. Курукин, И. В. «Государево кабацкое дело»: Очерки питейной политики и традиций в России / И. В. Курукин. – М. : АСТ : ЛЮКС, 2005. – 382 с.

3. Курукин, И. В. Повседневная жизнь русского кабака от Ивана Грозного до Бориса Ельцина / И. В. Курукин. – М. : Молодая гвардия, 2007. – 520 с.
4. Николаев, А. В. Антиалкогольные кампании XX века в России / А. В. Николаев // Вопросы истории. – 2008. – № 11. – С. 67–78.
5. Ольденбург, С. С. Царствование Императора Николая II // С. С. Ольденбург. – М. : ТЕРРА, 1992. – 640 с.
6. Политический продукт. Водка на русском столе // Родина. – 2001. – № 7. – С. 93–103.
7. Полное собрание законов Российской империи. Собрание третье : в 33 т. СПб. : Типография II Отделения Собственной его Императорского Величества Канцелярии. 1881–1913 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://runivers.ru/lib/detail.php?ID=151214>. – Дата доступа: 18.12.2015.
8. Похлёбкин, В. В. История водки / В. В. Похлёбкин. – М. : Центрполиграф, 2007. – 269 с.
9. Тарновская, П. Н. Женщины-убийцы. Антропологическое исследование / П. Н. Тарновская. – СПб. : Т-во художественной печати, 1902. – 283 с.
10. Труды первого Всероссийского съезда по борьбе с пьянством : в 3 т. – Т. 1. – СПб., 1910 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://caritashouse.ru/materials/pdf/congres_1910.pdf. – Дата доступа: 20.03.2016.
11. Чагадаева, О. Вперёд к победе без шнапса и абсента. Мировая война и алкогольный вопрос / О. Чагадаева // Родина. – 2013. – № 8. – С. 148–149.

УДК 373.5.016:94(476.7) «1930/39»

Е.И ПАШКОВИЧ

Брест, БрГУ имени А.С. Пушкина

КРАЕВЕДЧЕСКИЕ АЛЬМАНАХИ КАК ИСТОЧНИК ПО ИСТОРИИ ПОВСЕДНЕВНОСТИ НА ПОЛЕСЬЕ В 30-е гг. XX в.

Государственный архив Брестской области обладает богатой библиотекой, включающей достаточно редкие издания, в том числе изданий краеведческого характера 20–30-х гг. XX в. С 1935 по 1939 гг. в Пинске в типографии братьев Вильковичей было издано 8 краеведческих альманахов: «Z krainy wjunów» (1935), «Słów kilka o Pińsku oraz święta, obrzędy i wierzenia ludu poleskiego» (1936), «Polesie pod znakim nastawky i dykty» (1936), «Polesia czar» (1936), «Polesie i Turysta», «Dzieci Polesia» (1937), «Z poleskiej knieji» (1938), «Kobieta na Polesiu» (1939). В эти сборники вошли работы учащихся Государственной гимназии имени Ю. Пилсудского в Пинске, выполненные в рамках занятий в краеведческом кружке. Краеведческий кружок при гимназии был основан 1 апреля 1924 г. Руководил кружком заместитель главы Пинского отдела Польского краеведческого товарищества, учитель географии и

природоведения Юзеф Обуховский¹. Одним из направлений деятельности кружка являлась организация и проведение краеведческих экскурсий, во время которых гимназисты знакомились с особенностями полесской флоры и фауны, записывали народные обряды и традиции, разрабатывали туристические карты с целью популяризации туризма на Полесье. Так, например, в 1933 г. состоялась трехдневная экскурсия на лодках по Огинскому каналу до Телехан и к Выгонощанскому озеру. Весной 1934 г. были организованы две краеведческие экскурсии, участники которой познакомились с историческими памятниками Пинска. В том же году состоялась поездка 18 гимназистов в д. Стытычево (8 км от Пинска); 27 человек посетили Логишин с целью изучения добычи мела и глины. Число членов кружка в конце 1933/1934 учебного года составляло 60 человек, каждый из которых уплачивал членский взнос в размере 30 грошей в месяц, а вступительный взнос составлял 20 грошей [1, с. 51].

В гимназии обучались дети из самых разных уголков Полесья: Давид-Городка, Янова, Дрогичина, Столина, Пинска и его окрестностей. Их краеведческие работы посвящены широкому кругу аспектов истории и повседневной жизни региона: каждодневному труду, обычаям, праздникам, материальной, духовной, социальной среде. Авторы статей использовали опубликованные этнографические работы, энциклопедическую и другую справочную литературу. Некоторые из опубликованных работ стали результатом этнографических исследований в конкретных деревнях и местечках, где были сделаны записи собственных наблюдений и воспоминания местных жителей. Некоторые сборники сопровождаются интересными иллюстрациями, многие из которых принадлежат авторству художника Александра Лозицкого².

В предлагаемой статье хотелось бы остановиться на таких изданиях, как «Polesie pod znakiem nastawki i dykty» и «Kobieta na Polesiu».

¹ Обуховский Юзеф (1891–1960?) – краевед, учитель, с 3 сентября 1932 г. – директор государственной гимназии имени Ю. Пилсудского в г. Пинске. После Второй мировой войны, находясь в г. Ополе (Польская Народная Республика), сыграл большую роль в восстановлении Музея города (с 1950 г. – Музей опольского Шлёнска), являясь его директором с 1946 по 1953 г.

² Лозицкий Александр Иванович (1910–1973) – один из самых ярких представителей пинской художественной школы, краевед. Родился в Пинске. После обучения в Пинской, а затем в Брестской гимназии, в 1932 г. поступил в Академию изобразительного искусства в Кракове, которую закончил в 1937 г. Одновременно с учебной в академии проходил обучение на двухгодичных педагогических курсах. В 1937–1939 гг. находился на педагогической практике в государственной гимназии в Пинске в качестве учителя рисования. С 1945 г. – заместитель директора областного краеведческого музея в Пинске по научной работе, руководитель изобразительной студии при Доме народного творчества в Пинске.

Заслуживает внимания работа Яна Райчука, ученика 7 класса, в которой описывается характерное приспособление для ловли рыбы, как указано автором, встречавшееся, по его мнению, только на Полесье – «наставки». Эта снасть представляла собой конусообразный каркас из лозы. Основой каркаса служили два обруча: первый – 1,5–2 м в диаметре, второй – меньше и располагался на расстоянии 1,2 метра от первого. Сквозь обручи были протянуты деревянные прутья-ребра, соединенные на уровне 1,8–2,5 м за пределами верхнего обруча. Внутри образованного таким образом конуса прикреплялись три круга сети: два внешних – из редкой сетки, и внутренний – из густой. Приспособление устанавливалось одним, чаще двумя рыбаками в заросших, прибрежных частях водоемов, где глубина была не более 2 м. В работе описываются и другие рыбацкие снасти – сеть, «жак» или «венцеж» (верша), который мог быть однокрылым или двукрылым [4, с. 9–12].

Целый ряд работ посвящен традиционным работам и промыслам в деревне. Дается описание, как толкли просо, как белили льняное полотно, стирали белье, готовили пищу, изготавливали керамическую посуду в Городной. С. Лозюк, ученик 7 класса гимназии, в своей статье, посвященной Логишину, описывает меловой промысел. В работе указывается, что добыча мела проходила осенью, после завершения сельскохозяйственных работ. Мел извлекали лопатой на поверхность, сушили, потом размачивали водой в доме в сенях и формовали в шары, которые грузили в мешках на воз и везли на продажу по деревням, как правило, зимой [4, с. 21–25].

В. Путиловский, ученик 6 класса гимназии, описал работы по выращиванию и обработке льна. Его статья была опубликована в «Polesie pod znakiem nastawki i dykty» [4, с. 40], и в «Kobieta na Polesiu», где сопровождалась рисунками [3, с. 8–15]. В статье отмечается, что под посев льна хозяйкой выбирался лучший участок, который тщательно ею обрабатывался. Созревший лен вырывался женщинами и укладывался в пучках рядами на поле. Там он находился в течение 7–10 дней, после чего свозился в хлев (стодолу), где окончательно высыхал (дозревал). Затем каждый пучок колотился на глиняном полу т.н. деревянным «прачем» для того, чтобы выбить семена из головок. В этой работе хозяйке могли помогать дети и муж, который выбивал семена цепом. Эта процедура, как правило, происходила в конце августа, после чего пучки помещались в воду на неделю, издавая неприятный запах, потом лен выкладывался тонким слоем и сушился. В конце октября – ноябре лен терли и трепали специальными приспособлениями («терницей», «трепалкой»). Связанный в косы лен отправлялся на чердак до зимы, когда лен начинали вычесывать специальными гребнями с зубцами из гвоздей, а потом чистить с помощью

щеток из щетины. После всех упомянутых процессов начиналось прядение – т.н. «попрады». Прядение льна проходило зимой во время вечеров: в определенной хате вечером собирались женщины разных возрастов, монотонно вращали веретена и пели, а мужчины в это же время плели жаки. В. Путиловский записал одну из песен, которую исполняли на вечерках в д. Кривчицы, что в 15 км от Пинска:

*Булы люды нывирныи,
Ны вировалы в Господа Бога,
Да оно вировалы в лютого смока,
Да давалы смоку що дня оброку,
Дай по чоловіку.*

*Да шила чэрга по цилому свиту,
Зашла чэрга до самого цара.
Той жэ цар думае гадае,
Чы самому пойты,
Чы жону послаты.*

*Сам пойду – царство загинэ.
Жону пошлю – то она загинэ.
Е у мэне дочка, одна одыночка.
То я тую пошлю,
До мора по воду.
Встань дочка, встань убэрайся,
Бэры мидныи вэдра,
Иды до мора по воду.*

*То як панна к мору прыступала,
Воду набырала,
Люты смок з мора выплывае.
З его уст, то огонь сапле.
З его нуздра, то дым выпырае.*

*Тая панна улякалася,
За крутые горы захавалася.
Святы Юрый на коню выезджае:
Стуй жэ, панна. Стуй, нэ лякайся!
За крутые горы нэ хавайся.*

*Бэры смока за крутые рогы.
Да вэды смока до ойца и до матки,
Ныхай батько и матка покаюцца
Правою рукою пэрэжэгнаюцца [4, s. 40].*

После прядения нити отбеливали и только потом приступали к ткачеству.

Помимо обработки льна в сборнике также описаны такие традиционные работы, как стирка и отбеливание полотна, заготовление камыша («чэрога»), которым кормили скот (телят, овец) и покрывали крыши [3].

Описывая традиции приготовления пищи в деревне Каролинек гмины Поречье Пинского повета, ученик 4 класса гимназии Генрих Триц отмечает, что женщины готовили два раза на день – утром и вечером. Вместе с завтраком готовился и обед, а потом оставлялся в печи, чтобы не остыл. Традиция готовить картошку в мундире уходит в прошлое. Хотя вареная картошка оставалась наиболее распространенным блюдом. Ее подавали с кислым молоком, рассолом, квасом из капусты, квашенной капустой с растительным маслом. Из картофеля готовили бабку. Помимо картофеля варили каши. На первое подавали супы, крупник, борщи. Супы наливали в отдельные тарелки, а кашу могли есть из общей тарелки. В статье отмечается, что в 1930-е гг. местные жители все чаще использовали алюминиевые ложки. Хлеб пекли раз в неделю сразу по 6–8 буханок. Хлеба ели много, мясо – только по праздникам [3, с. 41].

Работа Валентины Василевич, учащейся 6 класса гимназии, посвящена традиционным костюмам жителей Полесья. Однако автор не отметила, для какого региона характерны описанные ею традиции, информация является очень обобщенной и не может служить основой для каких-либо научных выводов. Как отмечено в статье, незамужняя девушка на Полесье носила льняную рубашку с вышитыми рукавами и воротом. Верхняя одежда состояла из красной юбки, украшенная разноцветными полосками и кофты (блузки) или кафтана. Обязательным элементом одежды были фартуки, обшитые снизу кружевом. Женщин замужних, старшего возраста, зачастую можно было встретить с «намиткой» – особым головным убором. Но, как правило, замужние женщины носили фабричные платки (хустки). Обувью служили «постолы» – лапти из лыка и со шнурком из конского волоса. Валентина Василевич упоминает, что с целью утеплить лапти в холодную пору года внутрь их вкладывали солому. Мужской костюм состоял из штанов (нагавиц), которые застегивались на одну большую пуговицу (гузик) и рубашки из толстого полотна с вышивкой спереди красными и черными нитками. Костюм дополняла длинная «сукмана» – свитка. Зимой полешук носил кожух, баранью шапку, постолы. Как отмечено в работе, в деревнях, расположенных вблизи от городов и местечек, в праздничные дни полешуки все чаще одевались в городскую одежду [4, с. 25–27].

На страницах сборников можно встретить описание традиционных обрядов, в т.ч. свадебного, похоронного, дожинок. Свадебный обряд в деревне Кошевичи Жабчицкой гмины Пинского повета включал целый ряд обязательных этапов [3, s. 50–57]. Начиналось все со сватовства с засыланием сватки с хлебом в дом невесты. Если на следующий день родители невесты не возвращали хлеб сватке – то это было знаком согласия на сватовство. Вскоре после этого проходил прием в доме невесты потенциального жениха и его родителей. Как правило, это происходило вечером за накрытым столом. Жених подавал невесте рюмку водки с монетой, а она ему отвечала подарком в виде рушника, куска полотна. После сватовства невеста могла заплетать волосы в одну косу, перевязанную лентой, а не складывать корзиночкой. Примерно через 10 дней после сватовства родители невесты ехали в гости в дом жениха «измерять одежду». Снимали мерку с одежды жениха, скатерти («настыльника»), мешков, а фактически осматривали, какое хозяйство в доме жениха и как оно ведется.

Следующим этапом было приглашение гостей на свадьбу, для чего посылались хлеб родственникам. Невеста все это время была занята шитьем одежды для будущего мужа, приготовлением закусок на предстоящие три дня свадебных гуляний. В работе описывается обряд приготовления каравая и сопровождавшие его песни. Вот фрагмент одной:

*Хто ж тэбэ Матрунко годовав,
Хто ж тоби коровай розчыняв?
Бралы водыцю в Стыры,
Розчынялы корова матыры.
Бралы водыцю з Крыныцы,
Розчынялы корова сэстрыцы.*

В день свадьбы невеста рано утром ходила из хаты в хату по деревне, чтобы получить благословение ее жителей. В доме жениха в это время собирались близкие родственники и дарили ему деньги.

После того, как жених и его гости заезжали в дом невесты, там происходил обряд «прибивания рук» и «выкуп невесты» или «перепывание молодэй». Отец невесты брал хлеб, клал его на руки молодых и обращался к присутствующим: «Хто тут е – молодэйи, молодого, отец, маты, сусяды дальшы и близшы – блогословытэ дитём руки прыбыты». Ему отвечали: «Бог блогословытэ». После чего невеста наливала рюмку водки и подавала жениху. Жених выпивал, наливал очередную рюмку и подавал ее невесте вместе с хлебом и деньгами. Невеста забирала деньги и выпивала водку или отдавала рюмку кому-нибудь из членов семьи жениха. И так выпивали все по очереди. Затем невеста выходила в «комору», где происходил обряд

«облачения невесты в свадебный наряд», во время которого невеста сидела на «деже», а присутствующие пели песни. Невеста одевала богато вышитую юбку из домотканого полотна, верхнюю рубашку (блузку), венок из цветной бумаги с лентами. Одетую невесту в комнату с гостями вводил ее отец, за ними шли подружки невесты. Молодые, родители и друзья и подружки молодых три раза обходили стол. Подружка невесты прикалывала жениху цветок и садилась между молодыми. Присутствующие гости дарили подарки, ненадолго садились за стол и кушали. Затем отправлялись в церковь на «фурманках», запряженных украшенными лошадьми. На первой – невеста с «дружками», на второй – жених с дружками.

После венчания, невеста выходила из фурманки, ступая сначала на дежу, а потом на землю. Одна из подружек невесты в этот момент пела:

*Звынчалы, звынчалы пару дыток,
Да нэ розвють буйныйи витры,
Да нэ розбрэшуць людзьки языки.*

Молодых встречали родители. Мать держала на крышке от дежи хлеб, соль и водку. Опять все обходили три раза стол. На столе перед молодыми родители ставили две зажженные свечи. Сами молодые сидели за столом на кожухе.

Через несколько часов свадьбы жених ехал по своим родственникам, а вернувшись, выкупал место около невесты. В конце первого дня свадьбы происходил обряд дарения приданного. Родители невесты могли дать ей в приданное корову, свинью, деньги и сундук¹. Мать молодой пела:

*Да бэрэш зяцьку, да умий шановаты,
Ны давай збытковаты,
Ны старому, ны малому, ны соби молодому.
Дэ блыжэй то ейю пошлы,
Дэ далэй сам пойды.*

Невеста прощалась с родителями, обсыпала всех зерном, молодые уезжали в дом жениха, где продолжалась свадьба. В конце дня невеста уходила в комору, снимала венок и надевала чепец. Свадьба завершалась дележом каравая.

Интерес представляет работа Луции Шоломицкой, ученицы 1 класса гуманитарного лицея. Её статья под названием «Шляхтянка» основана на опубликованных краеведческих и статистических исследованиях, а также

¹ В отдельной работе описывается, что по традиции в сундук клались куски ткани, вышитая рубашка, фартуки, шерстяная юбка, чепец, намитка, бусы, подушка [4, s. 27–28].

собственных наблюдениях. В статье приводится факт, что на Полесье 170 деревень и осад были заселены застенковой шляхтой – всего 35 000 человек. Шляхетские поселения чаще всего встречались в таких поветах, как Пинский, Лунинецкий, Столинский, а прежде всего вдоль рек Припять, Пина, Стоход. Шляхетскими являлись такие фамилии, как Горегляд, Лемешевские, Шоломицкие, Лозицкие. 90 % этих семей принадлежали к православному вероисповеданию, говорили на том же языке, что и все полешуки, могли владеть немного большим количеством земли, однако сохраняли шляхетскую идентичность. Их особенность проявлялась в крое ворота, белой сукмане, обращении друг к другу «на вы», традиции произнесения речей во время семейных застолий. Представители этих фамилий брали в жены только шляхтянок и выходили замуж только за шляхтичей [3, s. 67].

В целом, благодаря подборке работ, вошедших в сборники, можно получить достаточно полную картину жизни полесской женщины на разных этапах ее жизни, как в повседневном труде, так и в праздники.

В некоторых статьях дается краткая история и описание облика некоторых населенных пунктов. Так, к примеру, указывается, что в 1934 г. Логишин лишился права на самоуправление в связи с большими затратами на содержание магистрата и недостаточной численностью жителей – 2 700 человек. Упоминается, что в Логишине действовали такие государственные учреждения как почта, полицейский участок, суд, а также пожарная служба и одна общественная организация – «Товарищество польской молодежи». Самым красивым зданием являлась 7-классная школа [4, s. 21–25]. При описании Городной, которая до 1927 г. обладала самоуправлением, упоминается о действовавших 18 торговых лавках различной специализации, владельцами которых были евреи [4, s. 30]. Ян Райчук посвятил свою статью одной из самых злободневных проблем крестьянина-полешука – чересполосице. В работе указывалось, что на 2–3 га могли располагаться несколько десятков крестьянских наделов («шнуров») в длину 1–2 км, в ширину – 2 м. Наделы одного крестьянина могли находиться друг от друга на расстоянии 5–6 км. Такие обстоятельства значительно осложняли обработку земли.

Вот такая картина из жизни в Иваново описывается в одной из работ: *«На малой, незамощенной улице стоит дом, низкий, крытый соломой, которая скрывается под слоем мха, свидетельствующего о древности этой халупки. Не может хозяин из-за бедности своей построить себе новый дом. Беднота выглядывает из-под сломанного забора и хлева, видно ее везде. Входим во внутрь. Дом внутри кажется еще ниже. В первом помещении, называемом «хатой» находится стол, а вдоль стен стоят лавки. В одном углу находится печь, очень большая, занимающая почти*

1/6 всего помещения, а около нее – отапливаемая печь – «груба». За этой печью вдоль стены на лавах, называемых «ослонами», положены доски – нары. Это так называемый «запык». Обычно там спят дети. Сколько их есть, все они спят на том «запыке», одни вдоль, другие поперек. Из «хаты» двери ведут в маленькую комнату с одним окошком. В комнате этой, называемой «выщѣбка», хранят хлеб, молоко, масло, сыр и в небольшом количестве сало, стоят там бочки с огурцами и капустой. За «выщѣбкой» находится комора. Там хранятся овощи, зерно и некоторые запасы на зиму. Стоит там кровать, сбитая из досок, на которой спят в летнюю пору. Домашняя утварь бедная. Украшений на стенах нет. Если в доме есть ребенок, который ходит в школу, то иногда на стенах можно увидеть его рисунки. (...) Долгими осенними вечерами, при свете керосиновой лампы сидит на лаве хозяин в шапке, отдыхает после тяжелой работы, а хозяйка моет посуду после ужина – оба молчат. На вопросы хозяин неохотно отвечает и ждет знак жены, когда можно идти ложиться спать» [3, s. 47].

Таким образом, некоторые из представленных в сборниках работы гимназистов могут представлять интерес с научной точки зрения, так как содержат этнографический и краеведческий материал, достаточно подробно записанный, передающий особенности конкретной местности или населенного пункта, в том числе культуры повседневности.

1. Алейнік, А. У. Польская гімназічная адукацыя на тэрыторыі Палескага ваяводства ў 1920–1930-я гг. : дыс. ... магістра гіст. навук : 1-21 80 16 / А. У. Алейнік. – Брэст, 2015. – 107 л.

2. Гістарычная брама. – 2004. – № 1 (22) [Электронны ресурс]. – Режим доступа: <http://brama.brestregion.com/nomer22/artic20.shtml>. – Дата доступа: 24.11.2015.

3. Kobieta na Polesiu / Koło Krajoznawcze uczniów gimnazium państwowego im. Marszałka J. Piłsudskiego w Pińsku. – Pińsk: Drukarnia Braci Wilkowiczów, 1939. – 72 s.

4. Polesie pod znakiem „nastawki” i dykty / Koło Krajoznawcze uczniów gimnazium państwowego im. Marszałka J. Piłsudskiego w Pińsku. – Pińsk, 1936. – 63 s.

УДК 301

И.А. ПОСОХИН, Г.И. ПОСОХИНА

Братислава, Брест, БрГУ имени А.С. Пушкина

**ПРОБЛЕМА КУЛЬТУРНОЙ АДАПТАЦИИ
ЭМИГРАНТОВ ТРЕТЬЕЙ ВОЛНЫ НА ЗАПАДЕ**

Эмиграция – это не просто факт перемещения из одной страны в другую, это процесс болезненной трансформации идентичности и сознания эмигранта, его восприятия мира и своего места в нем. Большинство тех, кто стал частью эмиграционного потока из СССР, известного как «третья волна» (конец 60-х – 80-е гг. XX в.), имели сформированный комплекс представлений, убеждений, ценностный комплекс и подход к жизни. Следовательно, драматичные перемены отъезда и поселения в принимающей стране – это не просто смена пейзажа за окном и смена политической парадигмы, это и смена самого уклада повседневной жизни, а для творческого человека – и смена жизненного материала, с которым ему необходимо работать. Как отмечает Н. Лебедева, специалист в сфере этнической и кросс-культурной психологии, эмиграция – это «проблема глубоко личностная, амбивалентная по самой своей сути, и она не решается сменой бытовых и социальных условий, а требует коренной перестройки личности, смены ценностных и поведенческих стереотипов, трансформации социальной и личностной идентичности» [5]. В особенности тяжело переживают трансформации, связанные с эмиграцией, взрослые люди (которыми и являлось подавляющее большинство эмигрантов из СССР), поскольку они обладают полностью сформировавшимся личностным комплексом.

Обширные свидетельства о жизни в эмиграции представлены в литературе, которая привлекает особое внимание, поскольку зачастую именно произведения писателей-эмигрантов являются единственным прямым, хоть и не самым надежным источником знаний о жизни в эмигрантской среде. Отображенная писателями, эмиграция превращается в новый онтологический опыт, наполненный широким спектром переживаний (как о себе, так и об оставленной стране). Хотя, как справедливо отмечает М. Путна, «не следует забывать, что обычная жизнь маленьких людей эмиграции проходила не в больших исторических драмах, а в постоянных заботах о куске хлеба, в “маленьких” флиртах, любовях и предательствах, в “маленьких” личных воспоминаниях и личных мечтах, в ощупывании чужого пространства, с которым они могли сжиться или не сжиться; их жизнь хоть и вышла из колеи и переместилась на чужую почву, но все же продолжалась и там» [1, с. 19]. Эти моменты

повседневности не стоит исключать, когда речь идет о культурных деятелях, которые, на первый взгляд, возвышаются над остальной массой эмигрировавших людей. В действительности они так же, как и другие, оказываются под перекрестным влиянием целого ряда факторов, обуславливающих специфику их бытия в принимающей стране. Но для писателей это влияние становится еще более сложным, поскольку затрагивает творческие стороны личности, очень чувствительные к окружающей ситуации.

Основным фактором, влияние которого в ситуации эмиграции является одним из центральных, является языковой фактор. Перемещение из одной культурно-языковой среды в другую, если таковое происходит по собственной воле приехавшего, практически всегда сопровождается процессами адаптации, ассимиляции, языковой интерференции. Это в большей степени касалось тех советских эмигрантов, кто уехал на Запад «за лучшей долей», и пополнил ряды ученых, врачей, работников сферы экономики, которым удалось построить «карьеру». Ситуация естественно меняется, если эмигрант становится таковым вопреки своему желанию. «Творческие» эмигранты третьей волны, в отличие от своих предшественников первой волны, часто не владели иностранными языками настолько хорошо, чтобы органично влиться в новую языковую среду. Это даже способствовало возникновению особых русскоязычных анклавов, известных «русских районов» (Сент-Женевьев-де-Буа в Париже, Брайтон Бич в Нью-Йорке, Збраслав в Праге и др.). Большинство, например, литераторов, за редким исключением, продолжало писать свои произведения исключительно по-русски, существуя в «пузыре» русскоговорящих писателей. Известны даже примеры сознательного отказа от использования и изучения иностранного языка. Кроме того, поскольку большинство наиболее заметных культурных деятелей третьей волны эмиграции относилось к русскоязычной культурной традиции, то в их коллективном образе они отождествлялись (или отождествляли себя) со всей судьбой народа и страны, поэтому и отношение к метрополии оставалось для них важным моментом. Третью волну, однако, характеризовало во многом иное, по сравнению с первой волной, отношение к родине, что было связано, с одной стороны, с ситуацией отъезда, с другой – с ожиданиями и перспективами. Первая волна уезжала в атмосфере первых послереволюционных лет, после гражданской войны, зачастую спасая свою жизнь. И, как не раз отмечалось, с убежденностью в недолговременности наступивших перемен. Представители третьей волны начали уезжать в относительно спокойные (застойные) годы советской власти с убежденностью, что советская власть в ближайшем будущем никуда не денется. Эти различия отразились в том, что представители

первой волны в гораздо меньшей степени ассимилировались с принимающей культурой, нежели эмигранты третьей волны. Отличия можно найти и в характере присущего эмигрантам чувства ностальгии. С. Бойм в своей статье «Конец ностальгии?» предложила классифицировать ностальгию по двум типам: «тотальная» ностальгия, стремящаяся «восстановить или построить вновь мифический коллективный дом», и ироническая «рефлексирующая» ностальгия, выявляющая «противоречивое отношение к прошлому» [2]. Первой волне было свойственно, исходя из данной классификации, скорее чувство «тотальной», мифологизированной ностальгии. Отмечает это и О. Матич, утверждая, что первую волну «характеризовали анахроничность, пребывание в своем собственном историческом времени, и в прошлом, и в настоящем», а в основе культурного мифа, определившего ее, «лежала мечта о возвращении, даже ожидание его» [6]. Третью же волну, наоборот, характеризовало, скорее, противоречивое отношение к прошлому, отсутствие идеализированных (утопических) представлений о прошлом России.

Немалую роль в процессах адаптации к принимающей среде играет и фактор, который можно назвать «бытовым» или фактором «повседневности». На наш взгляд, он связан, в первую очередь, с условиями жизни эмигранта, его каждодневными занятиями, работой, доходами и уровнем жизни. В случае представителей творческих профессий очевидно, что большинство из них покидали не только свои родные метафизические миры, читательские, зрительские и слушательские аудитории, но и, возможно, свои квартиры, а также множество приземленно-материальных вещей. В эмиграцию они часто отправлялись словно в пустоту, с чувством, что возврата не будет. В связи с этим Е. Скарлыгина пишет: «В материальном отношении эмигранты “третьей волны” были к пересадке на чужую почву совершенно не подготовлены, не имели в советской России никакого “состояния”, движимого и недвижимого имущества, которое могло бы помочь им в первое время после пересечения границы. Так же как послереволюционным и послевоенным эмигрантам, многим из них пришлось расстаться с профессией, биться за выживание, а нередко и смириться с положением маргиналов» [8, с. 175–176].

Ярким представителем третьей волны был Сергей Довлатов (1941–1990), в судьбе которого можно проследить несколько типических черт в процессе культурной адаптации эмигранта в принимающей стране. Как и многие другие писатели, оказавшись в эмиграции, Довлатов далеко не всегда мог позволить себе жить литературными доходами, но ему и не довелось, насколько известно из доступных источников, работать на поденных работах. В частности, он не стал еще одним нью-йоркским

таксистом. В 1979 г. Довлатов вместе с семьей поселился в районе Форрест-Хиллз (Forrest Hills), принадлежавшем нью-йоркскому «боро» Куинс. В те годы это был второй по величине русский район Нью-Йорка после знаменитого Брайтон-Бич. На протяжении всех лет эмиграции Довлатову приходилось соединять литературное творчество с работой журналиста: редакторство в газете «Новый Американец», работа на «Радио Свобода». Рассуждая о своем благосостоянии, Довлатов отмечал: «В Америке успех и слава – не одно и то же. Успех и деньги – не синонимы» [4, с. 405]. Однако не без гордости он в одном из поздних писем отмечал, что «на литературные заработки купил, представьте себе, дом в Катскильских горах: полгектара земли и на ней “хижина дяди Тома”» [3, с. 345–346]. Американскую жизнь он воспринимал как практически диалектическое единство противоположностей. С одной стороны, ужас, криминал, большие или меньшие (например, плохие спички) неудобства. С другой стороны – «пьянящая» свобода и приспособленность к нормальной человеческой жизни.

В произведениях Довлатова очень ярко отразилась повседневность русскоязычной эмигрантской среды в Америке. Причем характерно, что его произведения оказываются направленным сразу трем адресатам: «родному» читателю, американскому читателю (через перевод) и эмигрантскому читателю. Для каждого из трех читателей «американская» составляющая описания эмигрантской повседневности (топонимы, урбонимы Нью-Йорка, *фудстемпы*, *велфер* и т.д.) выполняет разные функции: для читателя в эмиграции, живущего в Америке, это отсылки к новой реальности, в которой он живет; для американского адресата, читающего перевод, данные слова становятся органичной частью английского текста, лишаясь качеств «инородных вкраплений», присущих оригиналу; для советского же читателя или читателя, не знакомого с американскими реалиями и не владеющего английским, эти слова становятся экзотизирующими элементами, особыми маркерами текста, созданного в ином языковом пространстве. Кроме этого, Довлатов в своих произведениях отразил и конфликт поколений, возникающий в эмиграции. Как отмечает Н. Лебедева, «ценности родителей, сформированные под влиянием русской культуры, “в сильной степени отличаются” от ценностей детей, растущих в условиях других культур. Чаще всего, вырастая, дети эмигрантов начинают стыдиться своих несурзных, так и не сумевших до конца вписаться в новое общество родителей» [5]. Практически прямое подтверждение последнему утверждению мы находим в одном из довлатовских лейтмотивов, которым являются его отношения с дочерью: «Катя в нас совершенно не нуждается, мы для нее – неприличные этнические родители, вроде индусов или корейцев»

[3, с. 317]. Довлатов, писатель и отец, отмечает, что Катя довольно быстро влилась в нью-йоркский образ жизни, расставив приоритеты не в пользу своей советской составляющей. Сам же эмигрантский Нью-Йорк в книгах Довлатова – это нечто гигантское, но одновременно расщепленное и способное существовать в качестве суммы автономных и более миниатюрных пространств. Такими миниатюрными (в масштабах огромного города) пространствами становятся эмигрантские районы, живущие по собственным, отдельным от остального города правилам. Если использовать терминологию М. Фуко, взятую из его лекции «Другие пространства» [9, с. 191–204], то подобные кварталы можно было бы назвать гетеротопией, т.е. неким «иным» пространством, существующим в рамках общего бóльшего пространства.

В статье мы лишь вкратце коснулись проблематики факторов адаптации эмигрантов третьей волны к новой для них социокультурной среде и проиллюстрировали их примерами из творчества «летописца» эмигрантской повседневности, С. Довлатова. Тема, естественно, гораздо шире и включает в себя целый спектр других факторов, оказывающих влияние на способ адаптации эмигранта в принимающей стране.

1. Putna, M. Rusko mimo Rusko. Dějiny a kultura ruské emigrace 1917–1991. 2. díl. / M. Putna, M. Zdražilová. – Brno : Petrov, 1994. 301 с.

2. Бойм, С. Конец ностальгии? [Электронный ресурс] / С. Бойм // Новое литературное обозрение. – 1999 – № 39. – Режим доступа: <http://magazines.russ.ru/nlo/1999/39/boym.html>. – Дата доступа : 10.11.2015.

3. Довлатов, С. Жизнь и мнения. Избранная переписка / С. Довлатов ; сост. А. Арьев. – СПб. : Журнал «Звезда», 2011. – 384 с.

4. Довлатов, С. Собрание сочинений : в 4 т. / С. Довлатов. – СПб. : Азбука, Азбука-Аттикус, 2011. – 2064 с.

5. Ионцев, В. Эмиграция и репатриация в России [Электронный ресурс] / В. Ионцев [и др.]. – Режим доступа: <http://www.cisdf.org/TRM/Ionzev/index.html>. – Дата доступа: 25.08.2015.

6. Матич, О. Литература Третьей волны: границы, идеология, язык [Электронный ресурс] / О. Матич // Новое литературное обозрение. – 2014 – № 3 (127). – Режим доступа: <http://magazines.russ.ru/nlo/2014/3/21m.html>. – Дата доступа: 10.03.2016

7. Попов, В. Довлатов / В. Попов – М. : Молодая гвардия, 2010. – 368 с.

8. Скарлыгина, Е. Русская литература 20 века: на родине и в эмиграции / Е. Скарлыгина. – М. – СПб. : Нестор-История, 2012. – 312 с.

9. Фуко, М. Интеллектуалы и власть. Избранные политические статьи, выступления и интервью / М. Фуко. – М. : Праксис, 2006. – Ч. 3.

УДК 347.9 (438) (091)

М.Н. САХАРЧУК

Брест, БрГУ имени А.С. Пушкина

Научный руководитель – Е.С. Розенблат, канд. ист. наук, доцент

АДМИНИСТРАТИВНО-ТЕРРИТОРИАЛЬНОЕ ДЕЛЕНИЕ ПИНСКОГО СУДЕБНОГО ОКРУГА (1921–1939)

После окончания советско-польской войны и подписания 18 марта 1921 г. Рижского мира территория Западной Беларуси вошла в состав Польши. На только что присоединённых землях начался процесс организации польской гражданской администрации. В марте 1921 г. было образовано Полесское воеводство, которое в административно-территориальном плане было разделено на 10 поватов: Брестский, Дрогичинский, Камень-Каширский, Кобринский, Коссовский, Лунинецкий, Пинский, Пружанский, Сарненский, Столинский [2; 13; 15, с. 60–62].

Важная роль в стабилизации общественно-политической ситуации в регионе польскими властями отводилась созданию эффективно функционирующей судебно-правовой системы, которая должна была символизировать становление польской гражданской администрации и укрепление доверия населения к новой власти.

11 января 1921 г. начал свою деятельность Пинский окружной суд, юрисдикция которого распространялась на территорию Пинского, Лунинецкого, Брестского, Кобринского, Дрогичинского и Столинского поватов. Вследствие того, что в Польше деление на судебные округа не соответствовало административно-территориальному делению государства на воеводства и поваты – на территории Полесского воеводства функционировало несколько окружных судов: территория Пружанского и Коссовского поватов попадала под юрисдикцию Гродненского окружного суда, Камень-Каширский и Сарненский поваты относились к окружным судам в Луцке и Ровно.

Низшей судебной инстанцией на территории Пинского окружного суда являлись мировые суды, компетенция которых распространялась на территорию города, местечка и ряда близлежащих гмин. Деятельность мировых судов организовывались практически в тех же округах, в которых они функционировали ещё в составе Российской империи и Комиссариата Восточных Земель. В Пинском судебном округе в 1921 г. было организовано 24 мировых суда: в Бресте (2 района мирового суда), Домачево, Каменец-Литовске, Малорите, Высоко-Литовске, Кобрине (3 района мирового суда, Дрогичине, Янове, Пинске (3 района мирового

суда), Доброславке, Вичевке, Логишине, Лунинце (2 района мирового суда), Ганцевичах, Лахве, Теребежове, Столине, Давыд-Городке [5].

При организации судебно-правовой системы на территории Полесского воеводства польские власти столкнулись с множеством трудностей, наиболее острыми среди которых являлись тяжёлая социально-экономическая ситуация в регионе и нехватка судебных кадров. Судьям часто приходилось организовывать деятельность мировых судов в зданиях, не соответствовавших требованиям, предъявляемым к зданиям суда. Отсутствие подходящих зданий для организации судопроизводства отрицательно сказывалось на уважении местного населения к польской гражданской администрации. Польские власти возложили обязанность по организации деятельности судопроизводства на гмины, которые должны были предоставить мировому суду подходящее здание; кроме того, на гмину ложилась обязанность по их ремонту, отоплению и электрификации. Магистраты обязаны были обеспечить польских чиновников средствами передвижения, а также организовывать выездные сессии суда [6]. Однако, даже несмотря на принятые меры, по состоянию на 1925 г. в Пинском судебном округе из 24 мировых судов только здания мировых судов в Бресте, Пинске и Кобрине соответствовали требованиям Министерства юстиции [4, л. 1–4].

В 1928 г. в Польше была проведена судебная реформа, целью которой являлась унификация судебного законодательства и реорганизация судебно-правовой системы государства [1, с. 485–487; 14]. На территории Полесского воеводства проведение реформы предполагало серьёзные административно-территориальные изменения границ судебных округов. В 1933 году юрисдикция Пинского окружного суда стала распространяться на территорию Пружанского, Коссовского, Камень-Каширского поветов. Включение Пружанского и Коссовского поветов в состав Пинского окружного суда было обусловлено большими расстояниями до окружного суда в Гродно, значительно увеличивавшими материальные затраты и негативно сказывавшимися на оперативности и эффективности судопроизводства. Включение Камень-Каширского повета было вызвано стремлением польских властей ослабить украинское национальное движение и стабилизировать общественно-политическую ситуацию на Полесье [11, л. 58–61]. Таким образом, в результате административно-территориальных изменений в судебных округах, территория Пинского окружного суда стала соответствовать границам Полесского воеводства, что значительно улучшило эффективность функционирования судебной системы в регионе.

Согласно проведённой судебной реформе, на всей территории Польши устанавливалась единая система гродских судов, которые

являлись низшей судебной инстанцией. В Пинском судебном округе было организовано 25 гродских судов: в Бресте, Каменце, Высоко-Литовске, Домачево, Малорите, Кобрине, Дрогичине, Янове, Пинске, Доброславке, Логишине, Морочно, Пинковичах, Любешове, Хойно, Жабчицах, Погосте-Загородском, Поречье, Лунинце, Ганцевичах, Лахве, Столине, Давид-Городоке, Белой над Горынью [9, л. 1–4].

Таким образом, итогом судебной реформы стало увеличение количества гродских судов в Пинском судебном округе; особенно в Пинском повете. Данные изменения были обусловлены сложными географическими условиями региона, затруднявшими эффективное функционирование судопроизводства. Так, например, выездная сессия суда для разбирательства в отдалённые гмины могла занимать почти неделю [7, л. 5]. В связи с этим увеличение количества мировых судов в отдалённых гминах увеличивало эффективность и оперативность рассмотрения дел.

Однако вскоре границы судебных округов вновь претерпели изменения, вследствие того, что в годы мирового экономического кризиса политика судебных властей была направлена на ликвидацию небольших по размерам гродских судов и их объединение в более крупные судебные районы. Данное решение было обусловлено необходимостью уменьшить экономические затраты, связанные с функционированием большого количества гродских судов. Таким образом, польским властям пришлось пойти на сокращение количества мировых судов, несмотря на то, что это негативно сказалось на оперативности и эффективности судопроизводства на Полесье.

После проведённой реорганизации судебной системы, в Пинском окружном суде функционировало 19 гродских судов: в Бресте, Каменце, Высоко-Литовске, Домачево, Малорите, Кобрине, Дрогичине, Лунинце, Ганцевичах, Столине, Давид-Городке, Камень-Каширской, Телеханах, Пинске, Пружанах, Логишине, Морочно, Коссово, Берёзе-Картузской. В наиболее крупных гродских судах (в Бресте, Пинске, Столине, Кобрине, Дрогичине, Камень-Каширском) в одном суде было от 2 до 4 гродских судей [12, л. 5].

При проведении судебной реформы 1928 г. также возник вопрос о необходимости перемещения окружного суда из Пинска в Брест или о создании в Бресте отдела суда, имевшего большую компетенцию, чем та, которой располагал гродский суд [3, л. 131–134].

Необходимость организации отдела суда в Бресте была обусловлена различными причинами. Во-первых, Брест был единственным в Польше воеводским городом, в котором не было окружного суда. Сторонники перемещения окружного суда в Брест приводили аргументы, основанные

на необходимости размещения окружного суда в воеводском городе; кроме того, частые поездки по судебным делам в Пинск были довольно затратными и занимали много времени. Во-вторых, на Брестский повет приходилось более половины гражданских дел всего Пинского судебного округа, и открытие суда в Бресте решило бы проблему медленного рассмотрения этих дел. Сторонники сохранения окружного суда в Пинске аргументировали свою позицию тем, что Пинск являлся политическим и историческим центром Полесья, и в скором времени именно он должен стать воеводским городом, а не Брест [8, л. 31–34]. Кроме того, размещение окружного суда в Пинске увеличивает эффективность борьбы с антипольскими настроениями в регионе и способствует становлению польской власти.

Министерство юстиции, исходя как из политических, так и из экономических соображений, приняло решение об открытии в Бресте иногороднего отдела Пинского окружного суда, компетенция которого распространялась на Брестский, Кобринский, а с 1 сентября 1933 года – Пружанский и Коссовский поветы. Гродские суды в Бресте, Домачево, Каменце-Литовске, Высоко-Литовске, Малорите, Кобрине, Берёзе-Картузской, Пружанах, Коссово (с 1935 г. – Ивацевичи) в административном плане стали подчиняться Брестскому иногороднему отделу Пинского окружного суда. Несмотря на то, что Иногородний отдел Пинского окружного суда в Бресте в административном плане подчинялся Пинскому окружному суду, он имел значительную внутреннюю автономию и особенности внутренней организации [10]. Организация и деятельность Иногороднего отдела Пинского окружного суда в Бресте позволила значительно уменьшить количество нерешённых гражданских дел и увеличить эффективность судопроизводства [8].

Таким образом, на протяжении всего межвоенного периода польскими властями проводились мероприятия, направленные на реорганизацию административно-территориального деления Пинского судебного округа в зависимости от текущей общественно-политической ситуации и криминогенной обстановки на Полесье. На изменения границ мировых судов значительное влияние оказывали сложные географические условия Полесья, а также последствия мирового экономического кризиса, вынудившие судебные власти провести сокращение количества мировых судов. Организация Иногороднего отдела Пинского окружного суда в Бресте позволила польским судебным властям оптимизировать судебное деление Полесского воеводства, что отразилось на увеличении эффективности функционирования судебно-правовой системы в регионе.

1. Бардах, Ю. История государства и права Польши / Ю. Бардах, Б. Леснодарский, М. Пиетрчак. – М. : Юридическая литература, 1980. – 560 с.
2. Борка, А. І. «Мясцовыя органы дзяржаўнага кіравання і самакіравання ў Заходняй Беларусі (1921–1939 гг.) : дыс. ...канд. гіст. навук : 07.00.02. / А. І. Борка. – Гродна, 2007. – 130 л.
3. Циркуляры и распоряжения Министерства Юстиции и Апелляционного суда // Государственный архив Брестской области (далее – ГАБО). – Ф. 2031. Оп. 3. Д. 34..
4. Докладная Председателя Оружного суда об организации судебных учреждений и условиях жизни чиновников в Западной Беларуси // ГАБО. – Ф. 2031. Оп. 3. Д. 40.
5. Заявления, справки, автобиографии граждан о приеме их на работу в качестве судей // ГАБО. – Ф. 2031. Оп. 3. Д. 91.
6. Протоколы съездов судебных работников Виленского апелляционного округа и приложения к ним // ГАБО. – Ф. 2031. Оп. 3. Д. 220..
7. Дело об организации и реорганизации судебных органов Пинского судебного округа // ГАБО. – Ф. 2031. Оп. 3. Д. 619.
8. Переписка с Министерством юстиции и Апелляционным судом об организации Брестского иногороднего отдела Пинского окружного суда // ГАБО. – Ф. 2031. Оп. 3. Д. 622..
9. Дело об организации и реорганизации судебных органов Пинского судебного округа // ГАБО. – Ф. 2031. Оп. 3. Д. 625.
10. Циркуляры Министерства юстиции, докладные окружного суда по вопросам дислокации, организации и деятельности судов Пинского судебного округа // ГАБО. – Ф. 2031. Оп. 3. Д. 713..
11. Циркуляры, указания, выписки из книг приказов Министерства юстиции // ГАБО. – Ф. 2031– Оп. 3. Д. 714.
12. Дело о дислокации гродских судов Пинского судебного округа по состоянию на 1935 год // ГАБО. – Ф. 2031. Оп. 3. Д. 1340
13. Dziennik Ustaw Rzeczypospolitej Polskiej. – 1921. – Nr. 29. – Poz.166. Rozporządzenie Rady Ministrów z dnia 7 marca 1921 r. w przedmiocie których zmian w przepisach prawnych, obowiązujących na Ziemiach Wschodnich. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://isap.sejm.gov.pl/DetailsServlet?id=WDU19210290166>. – Дата доступа: 20.04.2012.
14. Dziennik Ustaw Rzeczypospolitej Polskiej. – 1928. – Nr.12. – Poz.93. Rozporządzenie Prezydenta Rzeczypospolitej z dnia 6 lutego 1928 r. Prawo o ustroju sądów powszechnych.[Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://isap.sejm.gov.pl/DetailsServlet?id=WDU19280120093>. – Дата доступа: 20.04.2012.
15. Wojciech Śleszyński. Bezpieczeństwo wewnętrzne polityce państwa polskiego na ziemiach północno-wschodnich II Rzeczypospolitej. – Warszawa : Instytut Studiów Politycznych PAN, Instytut Historii Uniwersytetu w Białymstoku, Oficyna Wydawnicza Rytm, 2007. – 400 s.

УДК 322(476)(09)

В.В. СУШКО

Брест, Филиал БрГТУ Политехнический колледж

**ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ НЕОПРОТЕСТАНТСКИХ ОРГАНИЗАЦИЙ
В БЕЛАРУСИ В УСЛОВИЯХ РЕФОРМИРОВАНИЯ
РЕЛИГИОЗНОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА:
(ВТОРАЯ ПОЛОВИНА 1980-х – НАЧАЛО 1990-х гг.)**

В процессе исторического развития Беларусь формировалась как поликонфессиональное государство, в котором доминирующими являются православная и католическая церкви. Однако в конце XIX – начале XX вв. на территории Беларуси, особенно Западной (Брестский регион), начинают распространяться неопротестантские религиозные направления: баптизм, адвентизм и пятидесятничество. Появление неопротестантских общин вызывало у представителей власти Российской империи и местных органов управления настороженность и недоверие, так как баптисты, адвентисты и пятидесятники «вторгались» в ареал традиционных христианских конфессий. Противоречиво складывались взаимоотношения неопротестантов и советских органов власти: от попыток использовать верующих во внешнеполитической деятельности до жесткого противостояния и отказа неопротестантов подчиняться советскому законодательству.

Исходя из особенностей религиозной практики, активной миссионерской деятельности, взаимодействия с зарубежными единоверцами, отказа от соблюдения советского религиозного законодательства было обусловлено противостояние структур власти и неопротестантских деноминаций вплоть до второй половины 1980-х гг.

В условиях атеистического общества все больше укоренялась борьба с религиозными верованиями, неопротестанты использовали нелегитимные методы осуществления своей работы, что привело к ухудшению взаимоотношений государства и верующих. Законодательная система в СССР в области свободы совести («Положение о религиозных объединениях» от 27 февраля 1977 г., статьи УК БССР) не могла в полной мере обеспечить соблюдение прав верующих, так как многие пункты соответствующих документов противоречили осуществляемой религиозной практике представителей неопротестантизма, что обусловило конфронтационные отношения между государством и последователями баптизма, адвентизма и пятидесятничества.

Противостояние неопротестантов и советского государства было связано также особенностями вероучения, укладом религиозных объединений верующих. Общины и группы неопротестантов являются строгими, иерархичными, четко структурированными образованиями, в которых разработаны соответствующие кодексы поведения верующих. Для неопротестантов характерна высокая степень консолидации адептов, традиции семейного религиозного воспитания, наличие тесных взаимосвязей между членами религиозных объединений.

Для всех неопротестантских религиозных образований период 1985–1992 гг. был одним из самых значительных в процессе становления их взаимоотношений с государством: от конфронтации к диалогу. Главная роль на пути формирования партнерских отношений принадлежала эволюции законодательной базы в области религиозного законодательства.

Советские органы власти во второй половине 1980-х гг., учитывая проводимую политику либерализации всех общественных сфер, не могли игнорировать необходимые изменения по отношению к религиозным объединениям. В этих условиях государство начало конструктивный диалог с верующими, который позволил установить необходимые контакты во многих общественных сферах: образовательной, просветительской, нравственной, экологической и т. д.

Деятельность общин и групп неопротестантов в период второй половины 1980-х – начале 1990-х гг. характеризовалась достаточно противоречиво: с одной стороны государство заявляло о готовности установления сотрудничества с верующими, а с другой стороны сохранялась настороженность. Достаточно замкнутые и сплоченные объединения верующих продолжали свою деятельность по уже устоявшимся принципам, где одним из важнейших был постулат о недоверии государственным структурам, отказ от официальной регистрации, а, порой, и сознательное нарушение советского законодательства о культах, если оно противоречило исполнению обрядов. В данный период активизировалась работа всех неопротестантских объединений, но, в первую очередь, пятидесятников, о чем свидетельствуют статистические данные Уполномоченного по делам религиозных культов Брестской области: по состоянию на 1 января 1986 г. в БССР действовали 39 официальных групп пятидесятников, 23 из которых находились на территории Брестской области и 14 без официальной регистрации, учитывая, что общее число протестантских групп составляло 111 объединений [4, л. 12]. В зарегистрированных группах Брестчины насчитывалось 2457 человек (804 мужчины и 1 653 женщины), при этом за год в общины были приняты 191 человек, из которых 57 были молодыми людьми в возрасте до 30 лет [4, л. 56].

Государству необходимо было переосмыслить отношение к религиозным организациям, в первую очередь, посредством изменения религиозного законодательства. Новый закон должен был ликвидировать старую и создать новую политико-правовую реальность, обеспечивающую суверенитет личности в вопросах вероисповедания и отношения к религии.

В отличие от предыдущих законодательных документов, данный Закон от 1 октября 1990 г. рассматривал религиозную сферу не как «чуждую и враждебную», а как неотъемлемое право человека исповедовать религию или быть атеистом, учитывая также общепринятые нормативные акты мирового сообщества. Таким образом, в БССР 16 августа 1991 г. принимается Постановление Совета Министров БССР «О создании в республике государственных органов по делам религии» [2], позже, 4 октября 1991 г. Постановление СМ Республики Беларусь «Об установлении временного порядка регистрации уставов религиозных организаций» [3].

Новый период государственно-религиозных отношений в стране связан с образованием и становлением независимой Республики Беларусь и новой законодательной базы, определявшей характер взаимоотношений с религиозными организациями. Итогом работы правительства в сфере религиозного законодательства стало принятие Закона «О свободе вероисповеданий и религиозных организациях» от 17 декабря 1992 г. Закон ликвидировал все необоснованные ограничения, которые были применены в отношении религиозных организаций в советском законодательстве о религиозных объединениях, упростил процедуру регистрации общин верующих, регламентировал возможность проведения внекультовой деятельности группами верующих, признавал право собственности и юридического лица за религиозными организациями, обеспечивал право священнослужителей на социальное обеспечение и страхование.

В Законе отразилась попытка привести свободу вероисповеданий в соответствие с международно-правовыми нормами о правах человека. В первую очередь это относится к предоставленной каждому гражданину возможности самостоятельно, без какого-либо принуждения, определять свое отношение к религии, т. е. закреплено полное и свободное самоопределение человека в его мировоззрении и духовных интересах по отношению к религии, исповеданию или неисповеданию ее, являться атеистом или верующим. Однако, несмотря на выявленные позднее противоречия, данный Закон являлся демократичным по отношению к религиозным объединениям, позволив им беспрепятственно осуществлять необходимую вероучительную культовую практику.

Неопротестантские общины и группы получили возможность беспрепятственно сотрудничать с зарубежными единоверцами согласно статье 11, где закреплялось право религиозных организаций Беларуси, имеющих управляющие центры за границей, действовать в соответствии с их статутами и приглашать в республику иностранных священнослужителей. Особое значение в среде протестантских организаций получила статья 16, гарантировавшая статус юридического лица религиозной общине, состоящей из не менее 10 человек старше восемнадцатилетнего возраста и проживающих в одном или смежных населенных пунктах [1, с. 25]. Этот факт позволил легализовать деятельность большого числа групп и общин ХВЕ и ЕХБ «Совета церквей», которые советским законодательством объявлялись деструктивными.

Учитывая высокую религиозность неопротестантских семей, содержание статьи 3 позволило родителям полноправно воспитывать детей в соответствии со своими религиозными убеждениями [1, с. 21], что послужило поводом для повсеместного открытия воскресных школ общинами ХВЕ, АСД и ЕХБ. Согласно статьям 24 и 25 религиозные организации активно осуществляли культурно-просветительскую деятельность, издание религиозной литературы, а также ее экспорт и импорт (журналы «Крыніца жыцця», «Благодать», «Братский вестник» и другие).

Важнейшим показателем активизации неопротестантских объединений, после принятия Закона «О свободе вероисповеданий и религиозных организациях» от 17 декабря 1992 г., стал рост числа религиозных общин и групп. Так в 1989 г. число общин евангельских христиан-баптистов было 171, в 1994 г. – 174; число групп христиан веры евангельской в 1989 г. – 39, в 1994 г. – 242; численность объединений адвентистов седьмого дня увеличилась с 11 в 1989 г., до 22 в 1994 г. [5].

В Беларуси получили официальную регистрацию: Союз ХВЕ, устав религиозной организации «Конференция христиан адвентистов седьмого дня», Союз ЕХБ. Таким образом, верующие неопротестанты смогли беспрепятственно осуществлять многие виды деятельности: образовательную, просветительскую, миссионерскую, социальное служение.

Большое внимание неопротестантских групп во второй половине 1980-х – начале 1990-х гг. было обращено к работе по привлечению новых адептов. Для осуществления этих целей в Беларусь активно приглашались всевозможные миссионеры и миссионерские общества, при этом работа проводилась не только среди неверующих либо не определившихся в вероисповедании людей, но и среди других верующих, в первую очередь

православных и католиков. Одними из первых на территории Беларуси начинают осуществлять свою деятельность иностранные миссионерские общества «Гедеоновы братья», «Неемия», «Надежда», «Добрая весть», «Светло истины» и другие.

Готовность государства к диалогу с конфессиями позволила ранее закрытым и локальным группам верующих проявлять свою социальную активность, что характерно было, в первую очередь, для молодежи и людей среднего возраста. Если во второй половине 1980-х гг. неопротестантские верующие представляли собой достаточно скрытных, малообщительных людей, отказывающихся от участия в общественной жизни, то в начале 1990-х эта ситуация несколько изменилась в сторону увеличения социальной активности.

Таким образом, либерализация советского общества второй половины 1980-х – начала 1990-х гг. способствовала росту активизации деятельности объединений неопротестантов на территории Беларуси. Этому процессу содействовало формирование партнерских отношений между государством и религиозными организациями, что, в свою очередь, обусловило кардинальное преобразование законодательной системы в области свободы совести. Неопротестантские деноминации инициировали активное миссионерское движение, привлекая к этому иностранных пасторов и проповедников, стимулировали образование новых общин верующих, создавали образовательные центры, беспрепятственно осуществляли социальное служение. Однако формирующаяся нормативно-правовая система Республики Беларусь, после объявления о независимости страны в 1991 г., не выработала еще законодательное регулирование многих аспектов. Были выявлены недостатки в содержании Закона 1992 г. «О свободе вероисповеданий и религиозных организациях», которые необходимо было устранить: определить порядок приглашения иностранных священнослужителей; разработать условия проведения экспертизы религиозных организаций на право получения регистрации в Беларуси; уточнить компетенцию государственных органов по работе с религиозными объединениями; создать законодательные барьеры на пути проникновения в страну деструктивных сект и культов.

1. Аб свабодзе веравызнанняў і рэлігійных арганізацыях : Закон Рэсп. Беларусь ад 17 снеж. 1992 г. № 2030-XXI // Ведымаці Вяроўнага Савета Рэсп. Беларусь. – 1993. – № 2. – Ст. 18.

2. О создании в республике государственных органов по делам религии: постановление Совета министров БССР, 16 авг. 1991г., № 318 // Збор пастаноў Урада БССР. – 1991. – № 23. – Ст. 289.

3. Об установлении временного порядка регистрации статуты религиозных организаций: постановление Совета министров Респ. Беларусь, 4 окт. 1991 г., № 371 // Збор пастаноў Урада Рэсп. Беларусь. – 1991. – № 25. – Ст. 339.

4. Статистические отчеты отдела по делам религий и национальностей Брестской области. Отчет за 1985 г.

5. Текущий архив Комитета по делам религий и национальностей при Совете Министров Республики Беларусь (с 2006 г. аппарат Уполномоченного по делам религий и национальностей Республики Беларусь).

УДК 94(476)

Т.М. ТОХИЯН

Брест, БрГУ имени А.С. Пушкина

**ПОВСЕДНЕВНАЯ ЖИЗНЬ БЕЛОРУССКИХ
ПОМЕЩИКОВ В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XIX в.
(НА ПРИМЕРЕ КОБРИНСКОГО И ПИНСКОГО УЕЗДОВ)**

В определении методов изучения истории повседневности среди историков нет единства. Традиционно мыслящий историк полагает, что тексты «способны говорить сами» и, установив репрезентативность дошедшего до него памятника, старается лишь без искажений привести его в своем исследовании. В отличие от такого типа исследователя – историк повседневности вчитывается в текст, размышляя об обстоятельствах высказывания запечатленных в нем идей и оценок, проникая во внутренние смыслы сообщенного, учитывая недоговоренность. Внимание историка повседневности сфокусировано на изучении социального. Он использует психологические приемы вживания, эмпатии и поэтому создает более субъективированное знание, нежели знание, получаемое с помощью традиционного этнографического или исторического описания. В этом случае интерпретация чужих мыслей и слов, действий – всегда является «переводом» с чужого эмоционального языка. Именно с таких позиций и на основе архивных документов в статье была сделана попытка проанализировать повседневную жизнь белорусских помещиков Кобринского и Пинского уездов в первой половине XIX в.

Повседневная жизнь белорусских помещиков была сконцентрирована в основном в усадьбе. Первое, что можно заключить из поверхностного анализа источников – жизнь поместья определялась личностью помещика, который обустроивал по своему усмотрению землю, создавал особый микроклимат, окружив себя близкими людьми. Второе, что определяло повседневную жизнь помещика и поместья, – это ряд

факторов: социальный, политический, экономический и природно-климатический.

Имена помещиков, расположенные на территории Кобринского и Пинского уездов, отличались друг от друга. Все зависело от статуса, материального положения, родовитости их владельцев. Крупнопоместные усадьбы были малочисленны, среди них выделяются усадьбы Александра Скирмунта в Молодово и Поречье. Они поражали роскошью и убранством, своим изысканным и разнообразным архитектурным стилем. К такого типа усадьбам можно отнести и имение Вороцевичи (принадлежало Ордам). Имена небогатых помещиков в регионе составляли большинство и существенно отличались укладом жизни. К усадьбам их можно отнести лишь условно, так как по своему убранству, качеству жизни они более походили на крестьянские (Сочивки, Кротово, Пешково).

На повседневную жизнь помещиков в большей степени оказывали влияние политические, социально-экономические факторы. На протяжении первой половины XIX в. в западных губерниях Российской империи продолжался пересмотр шляхетских прав начатый в конце XVIII в. После восстания 1830–1831 гг. процесс был ускорен и сопровождался конфискацией имений [7, с. 70].

Было конфисковано имение Вороцевичи, которое с начала XVII в. принадлежало Ордам. В начале XIX в. владельцем был Михаил Орда, инженер-фортификатор, маршалок шляхты Кобринского уезда. За участие в восстании имение Наполеона Орды, которое ему перешло от отца в пожизненное владение, подлежало конфискации после смерти матери. 2 марта 1834 г. Юзефина Орда подала прошение на пожизненное владение имением Вороцевичи, указав на то, что она им владеет с 1802 г. [8, л. 1,5].

29 мая 1835 г. вдовствующая Юзефина дала подписку чиновнику, командированному для описания имения, что движимое имущество, скот, рухлядь, платья не утаит от показа. После описи имения, земельные угодья которого составляли 35 волок, 2 морга, было возбуждено дело о претензиях на имущество Наполеона Орды со стороны Богуслава Крашевского. В целях освобождения сына от казённой недоимки Юзефина заняла 7 тысяч злотых, выдав их в 1827 г. [10, с. 217–218]. Неприятности коснулись не только владельцев имений, но и крестьян, которые были вынуждены работать больше, чтобы хозяйка могла погасить заём. Психологический дискомфорт определял повседневность значительной части жильцов усадьбы, в том числе и крестьян.

Повседневная жизнь имения была связана в первую очередь с сельским хозяйством и управлением крестьянами, которым нужно было раздать поручения, отругать и наказать, проконтролировать выполнение барщины. По решению Кобринского уездного суда в декабре 1833 г. было

признано свободными 5 домов – 40 чел. От свободных крестьян помещица Орда тоже требовала чиншевых выплат. И в связи с этим крестьянин Савицкий подал жалобу в государственные органы о неправомерности сбора податей помещицей Ордой в сумме 100 руб. [1, л. 1–4].

Наполеону Орде после конфискации было дано право на аренду трех ферм, на которые было разбито имение. После событий 1863 г. он был лишён и этого права, кроме того ему было запрещено жить в имении.

Конфискация постигла и часть имения Пешково Пинского уезда в связи с участием его владельца Оржешко в восстании 1830–1831 гг. [2, л. 1]. В связи с конфискацией имения его сёстрам дали по 1 000 руб. серебром [3, л. 1]. Однако клеймо участника восстания будет фигурировать в документах различного характера и сказываться на отношении государственных структур к его родным и близким [4, л. 2] все последующие годы. 1 сентября 1859 г. в имение, где проживали сёстры Марианна Реутова, Анна Пясецкая и Франтишка Кострова пришло предписание Минской палаты государственных имуществ о взыскании с хозяев 55 четвертей озимого, 15 четвертей ярового хлеба в запасный магазин [4, л. 31]. Одна из сестёр Франтишка Кострова (урождённая из Оржешков) написала письмо на имя императора Александра II, в котором говорилось о том, что часть имения была конфискована в 1846 г., четвертая часть имения была выделена 3 сёстрам – Франтишке Костровой, Мариане Реутовой, Анне Пясецкой по внесению ими недоимок. Сёстры, как следовало из письма, четверть имения продали помещику Людовику Станиславу Бенклевскому по купчей (от 21 сентября 1856 г.) и просительница осталась только на одном участке, а с неё было предписано взыскать в Оховский сельский магазин хлеба 55 четвертей и это решение, на её взгляд, несправедливо. Она указывает, что суд подверг описи имущество, и она просит прекратить опись имущества [4, л. 58]. В 1862 г. Франтишка Кострова, не получив ответа, повторила попытку, ещё несколько раз написала письмо на имя императора с тем же содержанием [4, л. 70]. После описи имущества представителями Палаты государственных имуществ и объявления торгов дело благоприятно разрешилось в связи с указом императора об освобождении сестёр от необходимости предоставлять хлеб в магазин, на том основании, что они из магазина хлеб не брали и пополнять не обязаны и от конфискации освободить на день указа от 8 октября 1864 г. [4, л. 97]. Но прежде чем указ вышел, на протяжении 5 лет между Минской палатой госимуществ и сёстрами велась переписка и родные и близкие участника восстания находились в ожидании конфискации имущества.

Процесс конфискации затронул и имение Кротово, которое принадлежало нескольким владельцам: Петру Чаплицу [4, л. 331]; Викентию Ширме [4, л. 334]; И.В. Ширме. Имение И.В. Ширмы было

конфисковано по причине участия его хозяина в восстании 1830–1831 гг. [5, л. 1]. В 1836 г. было составлено хозяйственное описание лесной дачи имения Кротово. В связи с тем, что имение перешло в казну, здесь имели место случаи незаконной рубки леса жителями деревни [5, л. 6].

Судьба имения Сочивки была более благоприятна. Участь быть конфискованным его не постигла лишь по причине того, что оно напрямую не принадлежало Игнатию Домейко, участнику восстания. Сочивки – владение Родовицких. В 1771 г. его купил Адам Анцута, городской судья, а затем земский берестейский, женатый на Анне Володковичевой. По наследству перешло самому младшему, шестому сыну Станиславу [9, л. 151]. По духовному завещанию от 25 ноября 1820 г. владелицей имения стала его родная сестра Каролина Домейко, по второму браку Бересневич (умерла в 1832 г.). После поражения восстания 1830–1831 гг. было заведено дело о конфискации имения Сочивки за участие Игнатия в восстании. Однако оказалось, что оно не принадлежало «мятежнику». По распорядительной записи 21 марта 1821 г. из суммы в 150 тыс. злотых, в какую оно было оценено, причиталось дочерям Антонине Езерской и Марии Вержбицкой по 25 тыс., для трёх сыновей (Адама, Казимира, Игнатия) по 60 тысяч злотых; для мужа Юзефа Бересневича – 30 тысяч злотых. Соответственно в казённую палату была взыскана сумма 23 333 злотых. В 1884 г. владельцем только половины имения (287 десятин земли) был её сын Эдвард Езерский. От Езерских имение перешло Солютанам.

Владельцы имений на протяжении первой половины XIX в. доказывали своё право на дворянство. Зачастую, если у претендентов не было документов на имение, то государственные органы привлекали жители имений в качестве свидетелей. К делу по установлению дворянства Годембов-Годебских были привлечены 6 крестьян (Гаврилович, Майкевич, Кузевич) из имений Теребунь и Бродница, которые 4 декабря 1846 г., свидетельствовали о том, что «они помнят от старых людей, что имение Бродница в 16 крестьянских дворов было продано шляхтичем Годебским по купчей Скирмунтам» [6, л. 20]. По свидетельствам самих представителей рода Годебских история рода берёт своё начало с 1558 г. [6, л. 3].

Сельское хозяйство составляло основу жизнедеятельности поместий. Однако в первой половине XIX в. начала медленными темпами развиваться вотчинная промышленность, поскольку основные природные ресурсы принадлежали помещикам. Им же принадлежали крепостные крестьяне и деньги. Наибольшее распространение приобрели перерабатывающие предприятия, которые работали на сельскохозяйственном сырье – винокуренная, суконная, полотняная, сахарная, мукомольная. В Гродненской губернии первенство держали суконная и винокуренная отрасли промышленности. Особенно удобно

было заниматься винокурением. Для производства спирта необходимо было выращивать картофель, а почвы Пинского и Кобринского уездов были благоприятны для выращивания этой технической культуры. Однако в целом промышленность развивалась очень медленно. Рынок сбыта продукции был узкий. Крестьяне были не в состоянии купить промышленные изделия. Не имея больших денег, крестьянское хозяйство ориентировалось на самообеспечение.

Среди всех вотчинных имений Кобринского и Пинского уездов выделяются имения Молодово и Поречье, которые принадлежали Михаилу Казимиру Огинскому. В 1792 г. он продал Молодово и Поречье Шимону Скимунту (1747–1835), который сумел наладить хозяйство, быстро приумножить свои владения и стать богатейшим в регионе. Он делает Молодово семейной резиденцией и передаёт его единственному сыну Александру (1798–1870). При нём Молодово превращается в один из наиболее оживлённых центров общественной жизни. Кроме Молодовского имения ему отошли Поречье (10 500 моргов) и Клетное (10 946 моргов). После смерти его имение унаследовал сын Генрих (1834–1918).

Благодаря энергичной деятельности Скимунтов, развитие Пореченского имения пошло по новому пути. Первый завод по переработке сахарной свеклы на сахар-рафинад, построенный в Молодово в 1830 г., не принёс положительных результатов. К его работе, как особому новшеству на Полесье, общественность относилась с недоверием и настороженностью. В 1835 г. завод сгорел. Неудачи с первым предприятием не остановили Александра, который получил профессиональную подготовку на предприятиях Германии, Франции, Бельгии. Уже в 1835 г. он имел патент на изобретённый аппарат для ускоренного испарения воды из сахарного сиропа с использованием пара. Кроме сахарного завода в Молодово была и винокурня, основанная в 1833 г. Здесь работало 8 человек, которые вырабатывали за год 17 тыс. ведер. Уже в 1899 г. сумма производства составляла 32 000 руб., а количество рабочих было 9 человек [10, с. 497].

В 1836 г. в Поречье заработала большая суконная фабрика. Скимунт самостоятельно усовершенствовал известную технологию, закупил заграничное оборудование, пригласил из Германии пять опытных мастеров. На фабрике изготавливались сукна тонкие и чёрные 7 сортов, а также разного рода трико, сатин. На их производство закупалась мытая и перегонная шерсть в губерниях Беларуси, в Подольской, Киевской и Волынской губерниях, а также на ярмарках в Варшаве, Харькове и Полтаве. По ассортименту продукции, его качеству и техническому оборудованию фабрика считалась одной из лучших в России. Она включала 4 машины для очищения шерсти, 30 – для приготовления шерсти к прядению, 10 – для её прядения, 60 механических станков для ткачества,

приобретённых в Саксонии, 4 машины для валяния сукна, паровые снаряды для его декатировки, 13 машин для стрижки сукна и 10 машин ворсовальных. Были заложены специальные плантации по выращиванию ворсянки, шишки которой использовались в производстве сукна.

На фабрике ежегодно выделялось от 60 до 90 аршин тканей. Ткани пользовались спросом, об их качестве свидетельствуют многочисленные награды на выставках. Фабричным трудом было занято от 200 до 444 чел. (бывшие крепостные, казённые крестьяне, отставные солдаты, евреи). Семейные рабочие жили в четырёх специально построенных домах. Имелись также четыре общежития для молодых рабочих. Рабочие были обеспечены бесплатным продовольствием и получали в год от 15 до 40 руб. Подмастерья зарабатывали от 100 до 200 руб., мастера от 500 до 1 000 руб. При фабрике имелась больница, действовало училище, где дети бесплатно учились грамоте и ткацкому ремеслу [10, с. 497]. В усадьбе имелись также паровая мельница и сыроваренный завод. Поречье являлось редким примером успешного развития промышленности на селе, довольно удалённом от города, чем и определялось планировочное своеобразие усадьбы [10, с. 498].

Повседневная жизнь помещиков в первой половине XIX в. определила развитие региона и его специфику в последующие годы.

1. Дело об установлении права на свободу от крепостной зависимости крестьянином Савицким (24 марта 1837 г. – 20 июля 1837) // НИАБ в г. Гродно. – Ф. 1. Оп. 11. Д. 13.

2. Дело об исполнении указа Сената о доставлении сведений на часть им. Пешково Пинского уезда участника польского восстания 1831 г. Оржешко (начато 1 декабря 1845 г.) // НИАБ в г. Минске. – Ф. 299. Оп. 2. Д. 2358.

3. Дело об исполнении указа Сената о выдаче денег сестрам участника польского восстания 1831 г. помещика Оржешко с конфискованного им. Пешково Пинского уезда (начато 5 ноября 1847 г. окончено 16 ноября 1847 г.) // НИАБ в г. Минске. – Ф. 299. Оп. 2. Д. 3150.

4. Дело о взыскании с наследников имения Пешково Пинского уезда, конфискованного у участника Польского восстания в 1831 г. Оржешки, хлеба в Оховский сельский запасный магазин (3 сентября 1852 г. – 28 декабря 1866 г.) // НИАБ в г. Минске. – Ф. 299. Оп. 2. Д. 4078.

5. Дело о взыскании с наследников имения Пешково Пинского уезда, конфискованного у участника Польского восстания в 1831 г. Оржешки, хлеба в Оховский сельский запасный магазин (3 сентября 1852 г. – 28 декабря 1866 г.) // НИАБ в г. Минске. – Ф. 299. Оп. 2. Д. 4078.

6. Дело о хозяйственном описании лесов им. Кротово, Пинского уезда, конфискованных у участника восстания 1831 г. И.В. Ширмы (29 января 1837 г. – 24 апреля 1837 г.) // НИАБ в г. Минске. – Ф. 333. Оп. 24. Д. 198.

7. Дело о рассмотрении материалов об отыскании им. Теребунь и Бродницы Пинского уезда для доказательства дворянского происхождения рода Годзембов-Годдебских // НИАБ в г. Минске. – Ф. 299. Оп. 2. Д. 2587.

8. Люты, А. М. Сацыяльна-эканамічнае развіццё Беларусі ў другой палове XVIII – першай палове XIX ст./ А. М. Люты. – Мінск : БДПУ, 2004.

9. Об установлении прав владения им. Вороцевичи Кобринского уезда помещицы Юзефы Орда (2 марта 1834 г. – 16 июня 1834 г.) // НИАБ в г. Гродно. – Ф. 1. Оп. 19. Д. 561.

10. Ревизские сказки мещан, христиан гор. Кобрина и крестьян казённых имений Кобринского уезда за 1816 год. // НИАБ в г. Гродно. – Ф. 24. Оп. 7. Д. 408.

11. Федорук, А. Т. Старинные усадьбы Берестейщины / А. Т. Федорук ; ред. Т. Г. Мартыненко. – 2-е изд. – Минск : БелЭн, 2006.

УДК 7(067)

Л.В. ХАРИЧКОВА

Брест, БрГУ имени А.С. Пушкина

МОДЕРН В ЕВРОПЕЙСКОЙ ПОВСЕДНЕВНОСТИ КОНЦА XIX – НАЧАЛА XX вв.

С конца XIX в. стремление к новому, современному вызывает движение художественного обновления по всей Европе. В его основе желание преодолеть историзм и эклектизм искусства второй половины XIX ст. В результате во многих странах Европы практически одновременно утверждается новый оригинальный художественный стиль, который становится господствующим в европейском и американском искусстве с 1890-х гг. до начала Первой мировой войны.

Несмотря на различие названий, которые этот стиль получает в европейских странах («ар нуво» во Франции, «югендстиль» в Германии, «сецессион» в Австрии, «либерти» в Англии и Италии, «модерн» в России), в его основе общие формальные характеристики: декоративность, широкое использование растительных мотивов (орнаментов), обилие криволинейных очертаний, оплывающих, неровных контуров в композиционной и пластической структуре.

Наряду с обновлением искусства одной из основных задач модерна являлось переустройство окружающей человека среды по законам красоты, ее эстетизация. Конечная же цель определялась теоретиками модерна гораздо шире – воспитать нового человека и преобразовать жизнь средствами искусства. Ибо только искусство, считали представители модерна, способно изменить жизнь людей к лучшему, сделать их счастливыми, а общество – гармоничным и свободным. В конечном итоге модерн должен был стать стилем жизни нового, формирующегося под его воздействием общества [1; 4; 5; 6].

Для этого искусство должно было выйти из стен галерей и художественных салонов и окружать человека на улице, на службе, дома, в

театре и в магазине, в саду и в парке. Так, русский живописец М. Врубель называл музей «покойницей», где произведения искусства спрятаны от подлинной жизни. В этом же направлении мыслили и русские художники «Мира искусства», провозгласившие, что «место нового искусства не в музеях, а на улице, где его могут видеть все: оно должно найти себе применение в проектировании и украшении железнодорожных вокзалов, в мозаике, декорирующей стены новых общественных зданий, и в церковных фресках» [6].

Следовательно, уже изначально модерн был направлен на то, чтобы приобщить к искусству все сферы жизни человека, сделав его (человека) частью художественного целого, а жизнь столь же совершенной, как искусство. С этой целью последователи модерна стремились создать эстетически насыщенную пространственно-предметную среду. При этом все ее элементы должны были быть выполнены в едином стиле, связаны в единое художественное целое [3].

Достичь целостности, единства пространственно-предметной среды мастера модерна пытались с помощью синтеза искусств, среди которых, по мнению теоретиков *нового стиля*, не должно было быть деления на «первостепенные» и «второстепенные», изобразительные и прикладные.

Наиболее полно стремление создавать совершенные синтетические модели было реализовано представителями модерна в архитектуре. Примером синтетичности модерна может служить любой особняк, выполненный в новом стиле. Зачастую архитектор-творец создавал свое произведение от начала до конца, так сказать, «до последнего гвоздя» – от составления проекта до архитектурной отделки и предметов интерьера. Причем в качестве основного, доминантного мотива в оформлении мог быть выбран какой-то небольшой элемент, например, узор вентиляционной решетки, который, как эхо, повторялся в других формах и в композиции целого.

Внимание, уделявшееся в модерне оформлению интерьера, каждая деталь которого, будь то ручка двери или светильник, должна была быть уникальной и неповторимой, способствовало небывалому расцвету декоративно-прикладных видов искусства. Практически все художники, работавшие в новом стиле, создавали обои, ткани, мебель, бижутерию и другие предметы повседневного обихода. Так, бельгийский теоретик, архитектор, живописец и график Генри Ван де Вельде построил для себя особняк «Блуменверф», для которого он не только спроектировал все элементы от столовых приборов до дверных ручек, но и разработал эскизы одежды для всей семьи. Самые разные художественные работы – от архитектурных проектов до эскизов обоев и произведений из серебра – выполнял шотландский архитектор и дизайнер Ч.Р. Макинтош.

Правда, высокая стоимость таких изделий делала их потребителями представителей обеспеченных слоев общества. Лозунг же общедоступности красоты подталкивал к тому, чтобы соединить художественное высокопрофессиональное творчество с массовым производством бытовых изделий. Следствием чего стало тесное сближение искусства и промышленности.

Значительную роль в распространении понятия об эстетическом и приобщении к новому стилю в Европе сыграли выставки декоративного искусства и промышленные выставки (всемирные выставки в Париже в 1889 г. и 1900 г., в Турине в 1902 г.). Столь же важным было появление ассоциаций художников и ремесленников: «Искусства и ремесла» Морриса, Школа в Глазго (Великобритания), Школа в Нанси (Франция), «Венские мастерские» в Австрии, творческие объединения в Талашкино и Абрамцево в России. Важным источником информации о продукции нового стиля были журналы, являвшиеся сами по себе примером изысканной графики и публиковавшие репродукции и критические статьи, посвященные технике и стилям: «Югенд», «Арте Декоратива е Индустиале», «Мир искусства» [2, с. 546].

«Массовизация» красоты способствовала также расцвету рекламы. Рекламный плакат в стиле модерн был посвящен не только поточным художественным изделиям, созданным с использованием нового дизайна, но и различным артефактам искусства, театральным и оперным постановкам, художественно-промышленным выставкам, новому стилю буржуазии и среднего класса [3].

Таким образом, произведения модерна, рассчитанные не на музейные залы, а на бытование в повседневной жизни, оказали на нее заметное влияние. Внедрившись в быт не только элиты, но и средних слоев населения европейских городов, модерн способствовал его эстетизации, украшению действительности и, в первую очередь, мира самых будничных, повседневных предметов обихода, окружающих человека. Предметы быта перестали восприниматься только как утилитарные, превратившись в такой же объект эстетического восприятия, как картины и скульптура. Созданная в новом стиле среда обитания была не только эстетична, но и функциональна.

Отсутствие в модерне понятия «второстепенное» определило также ее стилевую цельность. Сознательно ориентируясь на равноправие всех видов искусства и создание синтетических, цельных произведений, модерн способствовал появлению нового типа художника-универсала, работающего в разных областях художественного творчества. Все ведущие представители модерна – универсальные творцы, соединяющие в себе архитектора, живописца, графика, проектировщика бытовых вещей.

Характерная для *нового стиля* идеология жизни как жизнотворчества привела к тому, что искусство начало служить задачам гармонизации повседневного быта.

Со временем стиль модерн не только не утратил своего очарования, но и во много сформировал представление современного человека о красоте и гармонии в повседневной жизни.

1. Завьялова, А. Н. Культурные основания стиля модерн : автореф. дис. ... канд. культурол. наук [Электронный ресурс] / А. Н. Завьялова. – Новосибирск, 2003. – Режим доступа: <http://www.dissercat.com/content/kulturnye-osnovaniya-stilya-modern>. – Дата доступа: 15.09.2016.

2. История мирового искусства. – М. : БММ АО, 1998. – 718 с.

3. Крыжановская, М. П. Архитектура московского модерна в контексте европейской культуры : автореф. дис. ... канд. культурол. наук [Электронный ресурс] / М. П. Крыжановская. М., 2006. – Режим доступа: <http://www.dslib.net/teorja-kultury/arhitektura-moskovskogo-moderna-v-kontekste-evropejskoj-kultury.html>. – Дата доступа: 10.09.2016.

4. Осокина, И. Модерн [Электронный ресурс] / И. Осокина. – Режим доступа: <http://www.historicus.ru/modern/>. – Дата доступа: 15.09.2016.

5. Савельева, О. О. Коммерция в стиле модерн [Электронный ресурс] / О. О. Савельева // Человек. – 2002. – № 5. – Режим доступа: <http://vivovoco.astronet.ru/VV/PAPERS/MEN/PUBL/PUBL.HTM>. – Дата доступа: 11.09.2016.

6. Усманова, А. А. Философия вещи в эпоху модерна (на материале русской культуры конца XIX – начала XX веков) [Электронный ресурс] / А. А. Усманова // Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология. – 2013. – № 2 (14). – Режим доступа: <http://file:///C:/Users/User/Desktop/filosofiya-veschi-v-epohu-moderna-na-materiale-russkoj-kultury-kontsa-hih-nachala-hh-vekov.pdf>. – Дата доступа: 15.09.2016.

7. Филичева, Н. В. Художественные стили и направления в Западной Европе и России / Н. В. Филичева. – Спб. : СПбГУ ИТМО, 2008. – 168 с.

УДК39+94[476.7]

І.С. ЧАРНЯКЕВІЧ

Гродна, ГрДМУ

СТРАТЭГІІ ВЫЖЫВАННЯ ЗАХОДНЕПАЛЕСКІХ СЯЛЯН ВА ЁМОВАХ ПАСЛЯВАЕННАЙ КАЛЕКТЫВІЗАЦЫІ

Аснову гэтага артыкула складаюць матэрыялы сёлетняй палескай экспедыцыі пад кіраўніцтвам прафесара Алеся Фёдаравіча Смаленчука, арганізаванай “Беларускім архівам вуснай гісторыі”. Асноўнай тэмай экспедыцыі стала праблема стварэння калгасаў і адлюстравання гэтых падзей у памяці сялян.

З далучэннем заходнебеларускіх зямель да БССР на тэрыторыі Заходняга Палесся сталі праводзіцца мерапрыемствы па ўключэнні яе ў савецкую сістэму кіравання і ўвядзення “савецкага ладу жыцця”, што непазбежна суправаджалася гвалтоўнай ломкай папярэдніх норм і правіл. Адным з такіх карэнных пераходных момантаў стала стварэнне калгасаў, якія канчаткова разбурылі традыцыйную сістэму гаспадарчых і сямейных адносін.

Нягледзячы на гэта, у інтэрв’ю стварэнне калгасаў не вызначаецца як нейкі важны, пераломны момант ці падзея ў жыцці, як гэта адзначаюць даследчыкі стварэння калгасаў ва Усходняй Беларусі [1; 12]. “Сталі калгасы і сталі” – цалкам звычайная заўвага рэспандэнтаў на гэты конт. У свабодным аповядзе (той частцы інтэрв’ю, якая ўтрымлівае свабоднае распавяданне рэспандэнта пра сваё жыццё, дзе чалавек сам выдзяляе галоўнае і расстаўляе акцэнт), тэма стварэння калгасаў можа адсутнічаць увогуле. Гэтая акалічнасць, безумоўна, патрабуе сур’ёзнага аналізу, а на гэтым этапе даследавання можна прапаноўваць пэўныя меркаванні, што патрабуюць абгрунтавання і праверкі. Ужо падчас абмеркаванняў у ходзе экспедыцыі было вылучана два аспекты, на якія варта звярнуць увагу. Першы – гэта вайна – трагедыя больш маштабная, якая папярэднічала калектывізацыі на заходнебеларускіх землях, трагедыя, што не проста заслانیла сабою ўсе астатнія падзеі, якімі б цяжкімі яны ні былі, а сітуацыя, якая карэнным чынам адрознівалася і ад папярэдніх, і ад тых, што былі пасля. Другі аспект – гэта размеркаванасць у часе тых падзей, што ва Усходняй Беларусі стварылі вобраз калектывізацыі: раскулачванне, дэпартацыя, пачатак стварэння калгасаў і суцэльная калектывізацыя. Так, дэпартацыя ў Заходняй Беларусі праводзілася яшчэ ў 1940 г., а суцэльная калектывізацыя на Заходнім Палессі прайшла ў 1950 г. Большасць сведчанняў пра стварэнне і жыццё ў калгасах – адказы на пытанні інтэв’юера, калі той наўмысна закранае гэтае пытанне.

Стварэнне калгасаў у Заходнім Палессі пачалося яшчэ перад 1941 г. – “за першымі саветамі”. Аднак, іх было няшмат, і ствараліся яны добраахвотна. Напрыклад, у Столінскім раёне да 1941 г. існаваў толькі адзін сельскагаспадарчы кааператыў – “Калгас імя 3-й пяцігодкі” ў Століне [8]. Няшмат было калгасаў і па іншых раёнах. У 1940 г., напрыклад, быў створаны калгас у в. Парэчча Пінскага раёна, в. Моладава Іванаўскага раёна.

Пасля вайны калгасы сталі арганізоўваць з 1947 г. Стварэнне калгасаў сустрэла перш за ўсё пасіўнае супраціўленне людзей, паколькі разглядалася як канец гаспадарання на зямлі – асновы існавання сялянства. “Колхозы – погібель. Од людэй забіралі і строілі колхоз. Бояліс, бо як оно будет – не зналі” [2]. “Хто там хоцеў іці ў колхоз! Бояліса. Некоторые ў лес

уцекалі, каб у сельсовет не забралі – агіціроваць. Прыедуць – начынаюць агаціроваць, і ўгрозамі – подпішы і ўсё. Тут дажэ доўго было, шчо едзінолічнікамі людзі жылі. Несколька семей, 3–4 сем’і. Організоўваць з раёна прыезжалі, дажэ міліцыю ўключалі. Мой оцц то сразу не бояўса. Богатые сразу не хотелі іті. Которые побогачэ, то держалыс, сопротивлялыса. Бояліс – зэмлю забэруць, а як жыць? А ўсё равно забіралі зэмлю...” [6].”Потом началіс эти колхозы. Нэ хотілы ў тые колхозы, цэла война була з тымі колхозамы. Наш батько наслухаўса про тые колхозы ў Росіі [ездзіў раней. – *І. Ч.*], шчо забырають усэ, а прывыклі на своём”, – распавядае адна з рэспандэнтак, што так і не стала калгасніцай [5]. А вось як апісвае працэс стварэння калгаса ў сваіх успамінах Вячорка Фама Ілліч (в. Гарадная Столінскага раёна): “Калектывізацыя ў нашай мясцовасці пачалася ў 1948 году. Ох і ўцякалі ад яе людзі пад усялякімі падставамі. Як ад чумы. Для правядзення калектывізацыі па сёлах накіроўваліся спецыяльныя атрады. У склад такіх атрадаў уваходзілі працаўнікі міліцыі, пракуратуры, МДБ, партыйныя работнікі і да т.п. Вялікія атрады разбіваліся на меншыя і ахоплівалі ўсе вуліцы адначасова. Хто трапіў у іхнія рукі аднаасобнікам, з іх рук выходзіў калгаснікам. Яны, атрады, валодалі метадамі, здольнасцю угаварыць, пераканаць любога. Таму, хто не надта імкнуўся ў калгас, стараліся ім у рукі не трапляць. Многія людзі сыходзілі ў лес і нават начавалі ў лесе. Я таксама ў калгас не надта імкнуўся. Але гэта таму, што ў мяне была не скончана хата. Жылі мы толькі ў сенях. Таму я таксама ў рукі атрада стараўся не трапляць. У лес я не ўцякаў. Але сустрэчы з атрадам па магчымасці пазбягаў” [10, с. 79].

Згодна са Статутам арцелі, які быў тыповым для ўсіх новых калгасаў, калгаснік меў права на прысядзібны ўчастак памерам 30–60 сотак, калгаснікам дазвалялася трымаць у асабістай гаспадарцы 2 каровы (акрамя маладняка), 2 свінаматкі з прыплодам, да 20 авечак і коз разам узятых, неабмежаваную колькасць птушкі і трусоў, да 20 вулляў. Агульны сход з’яўляецца вышэйшым огранам праўлення, абірае старшыню, праўленне і рэвізійную камісію (са Статута створанага ў 1949 г. калгаса ў в. Гарадная Столінскага раёна) [8].

Яшчэ да вайны ў Заходняй Беларусі прайшлі чатыры хвалі дэпартацыі: у лютым, сакавіку і ліпені 1940 г., а таксама ў чэрвені 1941 г. [11]. Сярод іншых высылцы падлягалі г.зв. “кулакі” – найбольш заможная частка сялянства, якая карысталася наёмнай працоўнай сілай. Каб патрапіць у гэтую катэгорыю, дастаткова было мець больш-менш прыстойную гаспадарку, а часам толькі сведчанні трох-чатырох аднавяскоўцаў. Часам людзей, якія траплялі ў спісы на высылку, папярэдзвалі мясцовыя актывісты, уратаўваючы такім чынам ад дэпартацыі. Так, у вёсцы Парэчча Пінскага раёну старшыня сельсавету

запрасіла г.зв. «кулакоў», багацейшых людзей вёскі, падслухаць нараду па стварэнні калгаса, якую праводзіла прыехаўшае начальства. Яны стаялі пад вокнамі і ўсё падслухалі, а назаўтра ўсе запісаліся ў калгас [13].

Аднак, так было не паўсюдна. Для высялення заможнай сям’і дастаткова было атрымаць 3–4 подпісы мясцовых сялян. Часта суседскія і чалавечыя адносіны перамагала матэрыяльная зацікаўленасць, а часам і проста ўласныя рахункі.

Вось што распавядае жыхар вёскі Востраў Пінскага р-на: “Прышлі на собранье [“за першымі саветамі”], сказалі: “Товарышы, усе нашэ, вашэго ўжэ нічэго нет”. Нас 18 семей мелі вывэзці. На кожную сем’ю подпісвалос 3–4 чловека, шо вони такіе да такіе. Ужэ тые беднякі жэрэбкі поцягнулі, кому чыё хозяйство будэ” [4]. У в. Валішча Пінскага раёна былая мясцовая актывістка, партыйны, а потым савецкі работнік, якая стаяла ля вытокаў пасляваеннага савецкага будаўніцтва, гаварыла, што ў іх вёсцы вывезлі дваіх: паляка і дзядзьку, у якога людзі грошай напазычалі [3]. Пасля вайны, хаця і існавалі планы па раскулачванні, дэпартацыі не мелі такога масавага характару.

Пасляваенныя часы і без таго цяжкія для былой акупаванай зоны суправаджаліся ўвядзеннем новых падаткаў і планаў харчовых паставак з адначасовай забаронай свабоднага абмену і гандлю хлебам.

Напрыклад, рашэннем выканкама Столінскага Райсавета ад 28.07.1947 г. калгасам і калгаснікам, а таксама аднаасобнікам забаранялася прадаваць альбо абменьваць муку і хлеб “надалей да выканання плана здачы хлеба дзяржаве». За парушэнне пастановы старшыні сельсаветаў і іншыя службовыя асобы прыцягваліся да судовай адказнасці. Прыватныя асобы караліся штрафам у памеры 300 рублёў з канфіскацыяй тавару, паўторнае парушэнне цягнула за сабой судовы разгляд і ў адносінах да прыватных асобаў [8]. Вось што можна прачытаць пра гэта ва ўспамінах Фамы Ілліча Вячоркі: «У тым годзе, а таксама ў наступным 1947 быў вялікі голад. Пуд хлеба каштаваў 700–800 рублёў. З усходніх абласцей Украіны хадзілі па хлеб гэтак званыя “мяшочнікі”. Яны мянялі хлеб на ўсялякае барахло. За пуд хлеба можна было набыць добры новы ваўняны гарнітур. Насыпай храмавыя боты зернем і атрымлівай боты. Многія ўсходнікі працавалі на Захадзе толькі за прадукты. Уручную абпілоўвалі лесаматэрыял па кілаграму зерня за брус. Я за 8 кг зерня набыў поўны набор сталярных прылад. Можа ўзнікнуць пытанне: адкуль у гарадэнцаў быў хлеб? А яны даставалі і прывозілі хлеб з сёл за гаршкі. Гаршкі цаніліся, таму што падчас вайны ўсе гаршкі былі знішчаны. Вайна паразбівала... Грошы не гулялі тады істотнай ролі. Асноўная валюта – хлеб. Усе рахункі, усе плацяжы праводзіліся на хлеб, на пуды, на кілаграмы. Каровы, валы, сена,

мяса і ўсё астатняе прадавалася толькі на хлеб. За грошы можна было набыць толькі самагонкі» [10, с. 73].

Заможныя сяляне, якіх не паспелі вывезці да вайны, плацілі “кулацкі падатак”. Аляксей Вячорка ў сваім артыкуле прыводзіць прыклад з матэрыялаў Занальнага дзяржаўнага архіва горада Пінска, дзе ўтрымліваюцца дадзеныя аб многіх жыхарах былой Пінскай вобласці. Справа гэта ва многім з’яўляецца паказальнай. Гаворка ідзе пра жыхара вёскі Калоднае Радчыцкага сельсавета Рамановіча Івана Іванавіча. “Яго ўласнасць складалі 11 га зямлі, 0,7 га саду, конь, карова. Меліся таксама малацілка, саломарэзка, веялка, якія ён даваў аднавяскоўцам у карыстанне. Такіх гаспадароў у Калодным было паўтара дзесятка. Кулацкі падатак у Рамановіча ў 1947 г. складаў 7 824 рублі 40 капеек. Заплаціць ён змог толькі частку – 901 рубель, што дало магчымасць старшыні сельсавета Жуку Антону Іванавічу, як ён пазней прызнаваўся, выканаць план па раскулачванні. Да таго ж жонка Рамановіча, Ніна Валяр’янаўна, у той час адбывала пяцігадовы тэрмін зняволення за службу на працоўнай біржы падчас нямецкай акупацыі. Пры гэтым, сам старшыня – не без граху – таксама меў малацілку і таксама малаціў зерне аднавяскоўцам. Рамановіч 4 лістапада 1948 г. быў асуджаны на дзесяць гадоў працоўных лагераў. Жонка ў 1949 г. была апраўдана і пасля вызвалення працавала ў школе настаўніцай. У іх былым доме Ніне Валяр’янаўне з дачкою дазволілі заняць толькі палову спальні – 4 квадратных метры. Палова дома была занятая пад ветэрынарны пункт, астатняе займала іх былая наёмная работніца” [8].

Пасля правядзення суцэльнай калектывізацы (1950 г.) аднаасобнікаў засталася вельмі мала. Пазбаўленыя зямлі, абкладзеныя непасільнымі падаткамі, яны былі пастаўленыя ва ўмовы барацьбы за выжыванне. Вытрымоўвалі нямногія. Часам члены сямей аднаасобнікаў былі нязгодныя з расшэннем гаспадара, аднак, мусілі слухацца. “Забралы зэмлю. І налогімі обложылы. І зерно здаты, 50 кг. М’яса здаты. Откуда хоч, то бэры. У нас бацька забралы у Карэло-Фінск, нізашчо забралы. Дажэ ў хату нэ пустылы пэрэодэтыса. Забралы ў 1948 г. Не хотів іты ў колхоз. Надто трудно було ў тых колхозах. Знаетэ, як у обшчыне: хто робіть, а хто не хочэ. А шчэ як язык такі, то мэньш робыть, а бульш получае. По-пэрвіі необузданный був народ – ніхто нэ хотів іті. Батько мой зусім не пойшоў – по людях роботаў, помогаў з конём. І пенсію не получалы ні бацько, ні маты. А брат мій то шчэ холостяком пойшоў у колхоз. І мі ругалыса, бо усяка така на нас жэ валіласа, і нам плоха було. Як бацька забралы, то нам самім трэба спраўлятыса. Людэ ідуць у колхоз робыты, а я езділа канавы копаты, як осушвалы болота. Я усю Білорусію проіхала. А брат мій пошоў учыцца, а потом у калхоз пошоў. Мы літом у лісы жолуды збыралы – здавалы на

семэна. Я і ліс садыла. На восемнаццатом году ужэ пошла канавы копаты. І браты мое копалы, і батько. Потом у Росію поіхалы, батько ужэ нэ іздыў, мы іздылы. Мало одноособнікоў. Мо шчэ чоловек тры не пошло” [5]. Гэтае інтэрв’ю – апавяданне пра выжыванне аднаасобніка. На пытанне аб тым, ці не было такіх думак, каб пайсці ў калгас, суразмоўца адказала: “А як, як батько нэ хотів? Він жэ хозяін. А я ўсе врэмя шчытаю так: як усе ідуть, то трэба, куда ужэ в одіночку ты? А я чого нэ пошла? Бо подумала: як на такой роботы робыты, то шчо узяты трэба. А я боюса красты. Ноччу ідуть люды. Там солому трэба набраты прынэсты, можэ, і картошку воровалы. На ферму пойты – муку воровалы, молоко воровалы. Бо й людям якое тожэ трэба. Бо й тые, шчо ў колхоз ходылы, тожэ молоко здавалы. Гэто нам ужэ більша нагрузка була. А я боюс. Я думаю, нэ лучшэ пойты да заробыты якого рубля – да ўжэ як я ёго сумію, так і портачу. Ныхто нычого нэ говорыў. Як колхоз стаў, у нас зэмлі ніяк не было. Забралы. То по корчах так, у лісы, якую-то крохі пахалы. Пахалы ў лісы годы два, а потом у нас і в лісы всё забралы, прыіхалы, і із сарая усё забралы. До капелькі усё забралы, снопкі, усё зерно. Тые, шчо пішлы ў колхоз, то нешчо малы трохі хлеба, нешчо получалы на трудодні. А у нас нічого. У Пінск попоходылы за тым хлебом. Не сразу ж і та канава почала копатыс. Картошкі понемногу садылы, мо соток 10 было землі. Суседы немножко помагалы. Хліба дадуть які кусок” [5]. Дарэчы, распашкай дзялянак у лесе займаліся і калгаснікі. “Только поля выробылы, у колхоз согналі усіх... У колхозі, конечно ж , нэ заробыш. Ну так зароблялы – і было. Так посіем, так сожном, там збэром. Хватало. В лесу былі такіі делочки разработаныі, то там шо-то посадят, картошку, да зберут. І пшоно сіялы, і усё сіялы. Просо было такое, і овёс сіялы. Люды работалы. Попрывыкалы ж сіяты, коб усе было. То колхоз ужэ, і прэседацель думае: “Ах, хай люды жывуть.” Тожэ ж чоловек, не скота, як той говорыть. Думае: “Шо вон там у колхозы заробыть, а як он там дэ збоку посіе чы озьмэ. Он і не смотрыть на это, той прэседатель” [7].

З-за недахопу зерня сяляне ў першыя пасляваенныя гады вымушаны былі купляць гатовы хлеб, па які трэба было ісці ў горад. Часцей за ўсё рэспандэнтны называлі Пінск. Калі дарога была няблізкая, то набывалі хлеба многа, каб хапіла на тыдзень-два. “У Пінск пэшком по хліб ходылы. Я з батьком ішла, а мама з Федею (братам), по очэрэді. Трэба было тры дні там буты. Очэрэді булы. Дажэ душылы людэй в очэрэдах. І міліцыя ловыла. Страх шчо было. Зарэз аж не вірыцца. Стоім у той очэрэді. Подыходыть твоя очэрэдь, а хлеба нет. Слёзы на очах навэрнуцца. Нэ ўспіеш поплакаты, а там у другом ужэ дають хліб – туды бэжыш. Две буханкі хліба зараз давалы. Еурэй ганучнік такі буў. То даў батьку свій адрэс у Пінску. Ночоваты хоть было дэ. У сарайчыку на горі ночовалы.

Магазіны рано открываліс. У шэсць часоў ужэ біглы в очэрэдь. К вэчору зайдэмо в Пінск, послая обіду – ужэ в очэрэдь. А назаўтра ў шэсць часоў в очэрэдь. А назад ужэ ідэш – ніхто тэбэ нэ подвэзэ. Боялыса люды. Ноч’ю ідэш. У лесу немножко пэрэдохнэш. Батько заснэ, а я нэ. Зайдэмодохаты. Кажэцца – нэ йла того хліба, а ўжэ зноў у очэрэдь трэба іты. Так не хочэцца – страх” [5].

Адной са стратэгіі выжывання ў пасляваенныя гады былі выезды на заробкі. Ездзілі ў Расію, Украіну. Гэтым займаліся не толькі аднаасобнікі, але і людзі, што фармальна былі калгаснікамі. Да пашпартызацыі вясковага насельніцтва чалавек, які выязджаў легальна на працу, мусіў атрымаць спраўку з сельсавета. Гэта рэдка складала праблему. Былі і выезды пад уплывам савецкай агітацыі ў малаасвоенныя раёны СССР. “У пошуках шчасця шмат хто выязджаў – горш, чым у калгасе, не будзе. Выязджалі добраахвотна, цэлымі сем’ямі”, – піша Аляксей Вячорка [8].

Яшчэ адной крыніцай заробкаў былі промыслы, асабліва ў былых мястэчках. Рамеснікаў таксама імкнуліся кааперываваць, але пакуль меры былі не надта гвалтоўныя і можна было знайсці выйсце з сітуацыі, людзі гэтым карысталіся. Напрыклад, у вёсцы Гарадная асноўнай крыніцай даходаў большай часткі насельніцтва было ганчарства. Разумеючы, што промысел, куды больш прыбытковы, чым зборы з неўраджайнай зямлі, можа дапамагчы ў выкананні непасільных дзяржаўных планаў, мясцовае калгаснае кіраўніцтва вырашыла арганізаваць збыт посуду, зробленага калгаснікамі, праз калгас, адчыніць свае крамы ў Пінску і раённых цэнтрах вобласці, а таксама ў гарадах суседняй Украіны. Адначасова калгасным сходам было вырашана спыніць выдачу калгасных коней для вывазу прадукцыі прыватным асобам. Працу ганчароў, што здаюць посуд у калгас, вырашылі аплочваць часткова грашамі, часткова – налічваць працадні. Агульны кошт адной хуры (хура – адзінка падліку колькасці гаршкоў, роўная 100 дзясяткам, 1 дзясятка – гэта колькасць посуду агульным аб’ёмам 10 літраў [9]) паліваных гаршкоў складала 1 020 рублёў на 1953 г. (для параўнання: у той самы час у разліках з трактарыстамі МТС кілаграм жыта каштаваў 1 рубель 80 капеек, літр малака – 1 рубель 5 капеек, кілаграм бульбы – 45 капеек). Калгаснікі мелі атрымліваць 40 % ад агульнага кошту хуры непаліваных гаршкоў і 7 працадзён, паліваных – 45 % і 12 працадзён. Калі работнік працуе толькі на паліванні, то дадаткова атрымлівае яшчэ 5 працадзён. Акрамя ганчароў-калгаснікаў, у Гарадной і па хутарах заставалася яшчэ шмат аднаасобнікаў, што займаліся промыслам без патэнтаў, падаткі плацілі нязначныя. І хаця шматразова складаліся акты па самых розных парушэннях, на самой справе да адказнасці ніхто не прыцягваўся. Людзі працягвалі зарабляць сабе на жыццё вытворчасцю і продажам посуду, а таксама збіраннем грыбоў і ягад [8].

Як ужо адзначалася, праца ў калгасе была звязана з крадзяжамі, якія, як бы ні ставіўся да іх чалавек, у агульнай думцы былі непарыўна звязаныя з калгасным жыццём. Крадзяжы і розныя формы махлярства ўспамінаюцца амаль у кожным інтэрв’ю. Часам людзі пры агульнай негатыўнай ацэнцы крадзяжоў адзначалі, што не было іншага выйсця. Іншыя гаварылі, што хіба ўзяць у калгасе – то крадзёж? “Я бяру тое, што сам зрабіў, што маё”. Пры гэтым, часта крадзяжы ў калгасах здараліся не толькі на ўласную карысць, а каб, напрыклад, накарміць калгасную скаціну (на гэта ішлі даяркі, каб хоць трохі падкарміць кароў – інакш не будзе надояў). “Боялыс красты, але кралы, бо нэ хватало. У колхозе работаюць-работаюць, а в концэ года выдаюць зерна. Оно там валяецца, стухне, гнілое, запачканое. Вороб’і, мышы там...” [7]. Распавядалі і пра тое, як адным кавалкам масла ўся вёска выконвала план па здачы гэтага прадукта. Увогуле, чалавек так ці інакш знаходзіў выйсце са, здавалася б, самых безвыхадных сітуацый. Паказальным тут будзе наступнае выказванне Фамы Ілліча Вячоркі: “Вельмі ў тых гады [першыя пасляваенныя] мучылі людзей дзяржаўныя пастаўкі зерня, бульбы, мяса, масла. <...> Усё гэта трэба было здаць, а крыніц – ніякіх. Ніхто ў цябе не пытаўся, дзе браць. Бяры, дзе хочаш. На тое ты і савецкі чалавек, каб ведаў, дзе браць. У гэтым і была сіла савецкага чалавека, што нічога ў яго няма, ніякіх крыніц, і ўсё ён дае, усё ў яго ёсць” [10, с. 73–74].

Практычна ўсе нашы суразмоўцы адзначаюць надзвычайную цяжкасць працы ў калгасах у першыя гады іх існавання. Сітуацыя пагаршалася яшчэ і ад таго, што не было адчування справядлівасці і асэнсавання працы. Вось даволі тыповыя разважанні нашых рэспандэнтаў: “В основном плохо жылі тогда, когда колхоз организовываёса: урожай забіралі, сараі забіралі, нічога не плацілі. Хлеба не хватало. Разрэшалі держать корову, свіней дэржалі. ... Очэнь тяжэло было работать. Особенно жэншчынам, уручную... Сначала 2–3 года не плацілі. Трудодні – нечого получаць, то і прозвалі “трудны дзень” [6]. Альбо: “У колхозі і жыто жалы, картошку копалы, моркву сеялы. Усе робылы. Скот пасвілы. Стаж ішоў, еслі выработка трудодней была, а еслі нет, то і в стаж не пісалы тые года. А хто выробыць? Дояркі, свіняркі. Штатные, то тые выроблялы. А гэтые по полю, то дэ хто выробыць? Абы шчо. Дажэ і пенсіі не давалы. Выходы есть, а выработкі нет, і не давалі пенсію. А яка пенсія? 20–30 рублей давалы” [7].

Асобную гаворку можна весці пра паўсядзённае жыццё жанчыны-калгасніцы, якая павінна была сумяшчаць працу ў калгасе з працай у доме і ўласнай невялікай гаспадарцы. Дзяцей, калі не было з кім пакінуць у хаце, як і раней, бралі з сабою: “Дітэй з сабою. Занэсэш, повесіш колыску, обопнэш, коб тенёк быў, і работаеш. А як ужэ сэдыть, то посадіш. Иногда і

волк прідёт [смех]... Воўк то не прыходзіў, а вужакі прыходылы. Вони ж нэ кусаюцца. Дытя кушае, і вонэ кушае разам. Моя маты раз кажэ на мэнэ: “Іды, погледы, нешчо вона (сястра) тыхо сыдыть”. Я захожу, глежу у тую колыску, а вони едять тую кашу разам і смотрать однэ на одного. А ужэ як я своіх носіла, то гэтого нэ было” [7].

Першыя калгасныя гады былі цяжкімі: “В основном плохо жылі тогда, когда колхоз организоўваўса: урожай забралы, сараі забралы, нічога не плацілі, хлеба не хватало” [6]. Аднак, ператрываўшы гэтыя цяжкія гады, людзі сталі наладжваць жыццё, навучаліся жыць у новых умовах. Вядомая польская даследчыца Анна Энгелькінг у сваёй кнізе “Калгаснікі. Антрапалагічнае даследаванне ідэнтычнасці беларускай вёскі на мяжы XIX і XX стагоддзяў” звязвае гэта з выпрацаваннем і замацаваннем сістэмы каштоўнасцей, заснаванай на жыцці і выжыванні – каштоўнасцях, якія засталіся ў пазбаўленых уласнасці сялян. Як заўважае аўтар, “мастацтвам выжывання – і неад’емным ад яго спантаным культываваннем жыцця – калгаснікі, здаецца, павінны авалодаць да дасканаласці. Сумняюся, што ў супастаўленні з агромністасцю намаганняў, актыўнасці і прадпрымальнасці, якую беларускія сяляне-калгаснікі мусілі ўкласці ў сваё ператрыванне на працягу апошніх некалькіх дзясяткаў гадоў, распаўсюджаны погляд на іх як пасіўных і бездапаможных можа аказацца чым-небудзь іншым, чым усталяваным са знешняй перспектывы, перспектывы вышэйшасці, каланіяльным па сваёй сутнасці стэрэатыпам” [1, с. 124].

1. Engelking, A. Kołchoźnicy. Antropologiczne studium tożsamości wsi białoruskiej przelotmu XX i XXI wieku / A. Engelking – Toruń : Wydawnictwo Naukowe Uniwersytetu Mikołaja Kopernika, 2012.

2. Беларускі архіў вуснай гісторыі. 50(1)–1001–4610. Аўдыяінтэрв’ю Эміліі Л., 1934 г.н. 17.07.2015; в. Вулька Лаўская, Пінскі р-н Брэсцкай вобл. Запісана Я. Сурскім.

3. Беларускі архіў вуснай гісторыі. 50(1)–1006–4635. Відэаінтэрв’ю Цэван (Гладун) Ганны Васільеўны, 1928 г.н. 17.07.2015; в. Валішча, Пінскі р-н Брэсцкай вобл. Запісана І. Чарнякевіч, Я. Бойкам.

4. Беларускі архіў вуснай гісторыі. 50(1)–1013–4704. Відэаінтэрв’ю Астроўскага Мікалая Юстынавіча, 1924 г.н., 17.07.2015; в. Востраў, Пінскі р-н Брэсцкай вобл. Запісана Т. Касатай, Т. Кедрок.

5. Беларускі архіў вуснай гісторыі. 50(1)–1018–4836. Відэаінтэрв’ю Барсуковай (Мельнік) Марыі Іванаўны, 1934 г.н., 13.07.2015; в. Моладава, Пінскі р-н Брэсцкай вобл. Запісана Т. Касатай, Я. Сурскім.

6. Беларускі архіў вуснай гісторыі. 50(1)–1022–4752. Відэаінтэрв’ю Барана Івана Сяргеевіча, 1936 г.н., 13.07.2015; в. Парэчча, Пінскі р-н Брэсцкай вобл. Запісана Т. Кедрок, У. Валодзіным.

7. Беларускі архіў вуснай гісторыі. 50(1)–985–4544. Відэаінтэрв’ю Шэлевіч (Шаламіцкай) Веры Аляксандраўны, 1926 г.н., 15.07.2015; в. Любяльполь, Пінскі р-н Брэсцкай вобл. Запісана Г. Шарэндай, П. Сітнікам

8. Вечорко, А. Городная 1939–1956. Коллективизация [Электронный ресурс] / А. Вечорко. – Режим доступа: <http://horodno.blogspot.com.by/2015/11/kalektyvizacyja.html#more>.
9. Вечорко, Г. Городенское гончарство: прошлое и настоящее [Электронный ресурс] / Г. Вечорко. – Режим доступа: http://horodno.blogspot.com.by/2015/07/haradenskaje-hancarstva_10.html.
10. Вечорко, Ф. И. Записки западнобелорусского полешука / Ф.И. Вечорко / авт. предисл., послесл. и ред. Г. Ф. Вечорко. – Пинск : ПолесГУ, 2012.
11. Грыбоўскі, Ю. Савецкія рэпрэсіі ў Заходняй Беларусі (кастрычнік 1939 – чэрвень 1941) [Электронны рэсурс] / Ю. Грыбоўскі. – Рэжым доступа: <http://jewishfreedom.org/page410.html>.
12. Процька, Т. Вынішчэнне сялянства. Вёска Усходняй Беларусі пад цяжарам бальшавіцкіх рэпрэсіяў 30-х гадоў / Т. Процька. – Менск : БГАКЦ, 1998.
13. Смаленчук, А. Пасляваенная калектывізацыя ў Заходняй Беларусі ў асвятленні вуснай гісторыі (адкрытая лекцыя ў “Лятучым універсітэце”, 7 кастр. 2015 г.) [Электронны рэсурс] / А. Смаленчук. – Рэжым доступа: <http://cet.eurobelarus.info/ru/video/2015/10/20/adkrytaya-lektsyya-alesya-smalyanchuka-paslyavaennaya.html>.